

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Часть II

Новосибирск, 2012 г.

УДК 34
ББК 67
А 43

Рецензент — кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин, филиал Российского государственного гуманитарного университета, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, Андреева Любовь Александровна.

А 43 «Актуальные проблемы права»: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть II. (09 апреля 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 142 с.

ISBN 978-5-4379-0068-0

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной юриспруденции.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической юриспруденции и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития юриспруденции.

ББК 67

ISBN 978-5-4379-0068-0

Оглавление

Секция 10. Правоохранительные органы	6
КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ПОМОЖЕТ ЛИ СМИ РЕШИТЬ ВОПРОС ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБЛИКА ПОЛИЦЕЙСКОГО Пилюгина Татьяна Владимировна	6
Секция 11. Предпринимательское право и правовые основы банкротства право	11
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ Ерали Абдикарим	11
Секция 12. Сравнительное конституционное право	18
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА КАК МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Николаев Андрей Сергеевич Смахтина Надежда Сергеевна	18
Секция 13. Страховое, медицинское, образовательное право и нотариат	23
АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ СРЕДЫ СТРАХОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДИРЕКТОРОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В РОССИИ Даева Татьяна Андреевна Дубова Юлия Игоревна	23
Секция 14. Теория государства и права	31
ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ИСЛАНДИИ Песина Елена Аркадьевна	31
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О РЕФЕРЕНДУМЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Климова Марина Игоревна	39

Секция 15. Трудовое право и право социального обеспечения 47

РАССМОТРЕНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ 47

Долгова Анастасия Ильинична

О ПРИМЕНЕНИИ МЕДИАЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ СПОРОВ 57

Холодионова Юлия Владимировна

Секция 16. Уголовное право 63

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 63

Жадан Владимир Николаевич

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ РЕЙДЕРСТВА 70

Андреева Любовь Александровна

ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ XXI ВЕКА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 80

Басанов Владимир Васильевич

Булуктаев Дмитрий Александрович

Алексеев Борис Алексеевич

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ) 88

Колбасова Елена Владимировна

МЕРЫ ОБЩЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ 94

ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕЗАКОННЫХ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

Оспанова Жанель Калияскаровна

Секция 17. Финансовое право и финансовая политика 99

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 99

Горбыль Татьяна Владимировна

Пономарев Олег Владимирович

СООТНОШЕНИЕ НАЛОГОВОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НОРМ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА Волгина Ольга Владимировна Пономарев Олег Владимирович	103
ФИНАНСОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО Вологина Жанна Юрьевна Нугуманова Айсылу Ириковна Шакирова Ирина Альтафовна	108
ХАРАКТЕРНЫЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ НАЛОГАХ И НДФЛ Горяинова Екатерина Михайловна	114
ОРГАНИЗАЦИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКА НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ Ибраимова Саида Маратовна	117
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ БЮДЖЕТНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ Карпов Эдуард Сергеевич	122
К ВОПРОСУ ОБ ОДНОСТОРОННЕЙ И ДВУСТОРОННЕЙ СУБЪЕКТИВНОЙ СВЯЗИ В СОУЧАСТИИ Костенко Евгений Викторович	126
ФОРМЫ И МЕТОДЫ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ Савинова Екатерина Александровна Пономарев Олег Владимирович	131
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ Смагулова Асель Сериковна	136

СЕКЦИЯ 10.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ПОМОЖЕТ ЛИ СМИ РЕШИТЬ ВОПРОС ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБЛИКА ПОЛИЦЕЙСКОГО

Пилюгина Татьяна Владимировна

канд. юрид. наук, доцент КСЭИ, г. Краснодар

E-mail: pilyugina_tv@mail.ru

Современные средства массовой информации это тот организационно-технический комплекс, который предназначен и приспособлен для информирования населения о жизни общества — радиовещание, телевидение, кинематография, печать [7]. С их стороны значительно возрос интерес к правовой проблематике. Взаимный обмен информацией та форма, которая позволяет сегодня общественности установить факты и события, которые прежде оставались закрытыми. При этом с политических позиций массовая информация определяет непрменный атрибут эффективного осуществления власти социума, с управленческих — один из важных рычагов социального управления.

Стоит отметить, что, информируя население о работе органов внутренних дел, печать, радио, телевидение позволяют гражданам со знанием дела судить о деятельности этой части государственного аппарата, правильно оценивать ее. Работников телевидения, радио, периодической печати интересует имеющаяся в правоохранительных органах информация о характере совершенных преступлений, о ходе расследования уголовных дел, о личности лиц, обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений, о мерах пресечения, избранных в отношении таких лиц, о динамике преступности, о мерах, принимаемых по предупреждению правонарушений.

Деятельность правоохранительных органов в России последние годы находится в центре внимания общества и СМИ. Это связано, прежде всего, с объективными обстоятельствами жизни российского общества, требующими усиления роли правоохранительных органов: интенсивная

миграция, усиление межэтнической напряженности, террористическая угроза, высокий уровень преступности и правонарушений, системная коррупция. С последней проблемой связан и вопрос о доверии общества и отдельного гражданина органам внутренних дел. Учитывая реалии современного социума, реальный авторитет органов внутренних дел определяется комплексом факторов, прежде всего, деятельностью каждого их сотрудника. Связь здесь прямая: чем выше престиж сотрудника, тем выше и доверие к ведомству. В противном случае деятельность органов внутренних дел становится малопродуктивной [11 с. 514].

В настоящее время основополагающими во взаимодействии правоохранительных органов со СМИ и общественными объединениями явилась открытость, которая формирует доверие. Доверие порождает уважение. Уважение ведет к содействию и помощи [6]. В свою очередь, привлечение общественности к выполнению правоохранительной функции способствует повышению результативности работы населения по оказанию помощи государственным органам в раскрытии и расследовании преступлений, поддержания правопорядка, проведения поисковых и розыскных мероприятий, а также формирования правовой позиции граждан, установок и стереотипов массового сознания, повышения престижа правоохранительной деятельности. Именно СМИ не только информируют население и власть о реальных процессах в стране или в мире, но и формируют общественное мнение, утверждая в нем определенные приоритеты и стереотипы. Активный диалог с гражданами стал в настоящее время своего рода визитной карточкой силовых структур. Сегодня стало ясным при объединении усилий правоохранительных органов и СМИ можно разрешить любой острый вопрос.

В настоящее время в России много говорят о криминализации общества, слияния государственных и силовых структур с криминалитетом. Развитие криминальных форм поведения «стражей закона» имеет многофакторную обусловленность, в которой условия и причины, способствующие росту нарушений их дисциплины и законности, тесно переплетены в неразрывный комплекс на протяжении всего формирования противоправного поведения. В качестве наиболее действенных детерминант, обуславливающих делинквентное поведение сотрудников силовых структур, выступают объективные социальные причины (экономическая ситуация в стране, устойчивая тенденция снижения жизненного уровня сотрудников ОВД, экстремальные условия несения службы), постоянные институциональные трансформации в ведомстве в целом, и субъективные причины негативных

субкультуральных изменений, происходящих в его отдельных подразделениях (правовой негативизм, недостаточный уровень общей и правовой культуры, снижение профессиональной мотивации, пренебрежение служебными обязанностями) [3 с. 272]. Наряду с этим возрастает и агрессивность, неадекватность в восприятии людей и ситуаций, приводящих к падению способности эффективного общения, [4 с. 49] например, инцидент, произошедший 27 апреля 2009 года в московском супермаркете, когда начальник ОВД «Царицыно» будучи в состоянии алкогольного опьянения расстрелял кассира и покупателей, дело старшего оперуполномоченного исправительной колонии в Ямало-Ненецком округе, который насильем добивался от осуждённых признательных показаний в якобы совершённых ими преступлениях. Случаи избияния молодых людей, в последствие скончавшихся, задержанных Санкт-Петербургскими полицейскими в январе и феврале 2012 года, применение насилия и пыток в казанском отделе полиции «Дальний» в марте 2012 года, мартовское 2012 года зверское убийство задержанного руководителями отдела полиции Анжеро-Судженска Кемеровской области в порыве создания видимости благополучия в работе и получения за это очередных званий [1; 2].

Несмотря на проведение текущей переаттестацией сотрудников, в связи с реформированием правоохранительной системы, за последнее время показатели удельного веса фактов нарушения законности сотрудниками полиции по МВД России в целом увеличились. Видимо серьезная опасность нравственно «дефектного» поведения сотрудников ОВД кроется в пренебрежении нормами права. Использование служебного положения в личных целях, поборы, взяточничество, коррупция со временем становятся «шаблоном поведения» и воспринимается в дальнейшем автоматически, даже в ситуации, грозящей ущербом самому субъекту [8]. Милицейское «крышевание» преступной деятельности умножает преступность и действует на нее так же, как бензин действует на огонь, как ветер действует на пожар. При этом происходит разрастание, структурное усложнение, диверсификация деятельности криминальных формирований в российских регионах по модели, которую сейчас называют «кушевской», нечто сходное и в других местах — в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске. Коррупция правоохранительных органов многократно усиливает криминальный разгул, умножает опасность для общества, уничтожает права законопослушных граждан на жизнь, на безопасность, на сохранность своего здоровья и имущества [9]. Все это вызывает особое беспокойство. Здесь пропагандистские кампании вряд ли могут быть эффективными. Обрести доверие можно только делом, четким

исполнением своих обязанностей, внимательным, доброжелательным отношением к людям [5]. Да и понятно. Количество переходит в качество не сразу и не вдруг. Восстановить положительный имидж правоохранительных органов значительно сложнее, чем его испортить. Совершенно очевидно, что вычленив и реформировать отдельно взятый, пусть даже важнейший государственный институт, каким являются органы внутренних дел, попросту невозможно [10].

В настоящее время самое важное — попытаться изменить сознание общества в отношении сотрудников органов внутренних дел. Важность регулярного использования дискуссии в СМИ в настоящее время не оспаривается никем. Видимо с целью формирования в общественном сознании совершенно нового социального облика сотрудника полиции активнее проводить мероприятия по информированию в средствах массовой информации процесс реформирования органов внутренних дел. При этом активизация профессиональной деятельности правоохранительных органов должна достигаться за счёт повышения уровня служебной мотивации, которая, в свою очередь, наблюдается при максимально возможном приближении темпа, направленности и других аспектов организации рабочего процесса к индивидуальным стремлениям и возможностям полицейского. Обеспеченность постоянных мониторингов, регулярная публикация индекса доверия полиции, удовлетворительная ее работа в непосредственном тесном контакте с людьми, что позволит осуществлять общественный контроль деятельностью — те первые шаги, которые позволят повысить правовую культуру нового облика сотрудника и его имидж. Для решения этого необходимо:

- расширение информационного поля взаимодействия органов внутренних дел со СМИ с использованием современных информационных и коммуникационных технологий, в том числе сети Интернет, мультимедийных и электронных средств связи;
- активное использование возможностей общественно значимой (социальной) рекламы для информирования граждан об основных направлениях деятельности подразделений системы МВД России;
- повышение уровня организации и проведения творческих конкурсов среди федеральных и региональных СМИ на лучшее освещение правоохранительной деятельности;
- активизация работы по заключению договоров (соглашений) о некоммерческом сотрудничестве в сфере информирования населения о их деятельности с редакционными коллективами и журналистскими организациями, отдельными журналистами, специализирующимися по правоохранительной тематике;

- формирования на федеральном и региональном уровнях из числа журналистов, постоянно и объективно освещающих работу органов внутренних дел и внутренних войск, пресс-клубов, проведения их заседаний, оказания помощи членам ведомственного «пула» журналистов в поиске и получении необходимой информации.

При конструировании каждого из них внимание акцентируется на несколько разных аспектах одного и того же явления — позитивного облика полиции и доверия общества.

Список литературы:

1. Бастрыкин А. Громкие преступления полицейских в период после окончания реформы МВД. // РиаНовости 2012. www.ria.ru
2. Бастрыкин А. Итоги расследования преступлений полиции скрывать нельзя // Российская газета Столичный выпуск № 5741 (68) 29.03.2012, [электронный ресурс] — Режим доступа.—URL: <http://www.rg.ru/2012/03/28/bastrykin-site.html>
3. Безносов С. П. Профессиональная деформация личности.— СПб.: Речь, 2004. — 272 с
4. Беспалая С. Г. Психологический прогноз склонности к делинквентному поведению у сотрудников органов внутренних дел — Автореферат к. псих. н.. М.. 2007
5. Медведев Д. А. Телефон доверия / Расширенная коллегия МВД РФ «Завершение реформы произойдет, лишь когда деятельность органов внутренних дел будет в полной мере соответствовать требованиям общества» // «Российская газета» — Федеральный выпуск № 5703 (30) 13.02.2012,
6. Нургалиев Р. Активное поддержание всех форм гражданского контроля за деятельностью МВД. // Российская газета. — № 5011 (187) — 6.10. 2009 г.
7. Пилюгина Т. В. Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью. // Творчество молодых. — 2010 — Краснодар. — 63 с.
8. Пилюгина Т. В. Социально-психологические факторы риска развития криминальных форм поведения сотрудников правоохранительных органов. //«Общество и право» № 4, 2011.
9. Пилюгина Т. В. Социально-психологический портрет сотрудника правоохранительных органов: количество не сразу переходит в качество.// Материалы Международной научно-практической конференции «Управление человеческими и природными ресурсами с контексте устойчивого развития» Краснодар, КубГУ, 2009
10. Приказ МВД РФ от 1 января 2009 г. №1 «Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2009—2014 годы»
11. Семик А. А. Социально-психологический облик российского полицейского и советского милиционера, конец XIX—XX вв. Сравнительно-историческое исследование. Дисс...д.и.н., Краснодар, 2003 г., — 514 с.

СЕКЦИЯ 11.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БАНКРОТСТВА ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ерали Абдикарим

*канд. юрид.наук, ст.препод. МКТУ им.Х. А. Ясави, г. Туркестан,
Республика Казахстан
E-mail: bgulmira74@mail.ru*

Человек есть результат того, что он ест и пьет, а также воспитания. Таким образом обоняние, слух, зрение, речь, характер, все сущее в человеке начинается лично с него самого, с того, что он ест и пьет. Как и уровень сознания, которое формирует необходимую в жизни каждого человека «собственность».

Президент Казахстана Н. А. Назарбаев указал: *«Расширение полномочий прокуратуры за определенные границы приводит к их неуместному вмешательству в государственную экономику. А это отрицательно сказывается на имидже Казахстана и его привлекательности для инвесторов»* [12]. После указания главы государства сотрудники прокуратуры начали поддерживать иностранных инвесторов, положительно влияя на формирование частной собственности, и защищать предпринимателей от незаконных проверок и ревизий.

Когда руководитель приносящей прибыль экономике нефтяной компании «ЮКОС» был привлечен к уголовной ответственности, бывший премьер-министр России по поводу действий правоохранительных органов высказал следующее: *«У нас есть достаточно других преступлений, связанных с угрозой жизни, где такую меру нужно применять, а в отношении экономических преступлений это неоправданно»* [7].

Российский предприниматель В.Гусинский тоже был арестован: *«...снятие всех обвинений с Гусинского и отлет олигарха в Испанию пришлось на самый канун встречи президента России с отечественными денежными мешками»* [3, с. 12].

По поводу передачи государству акций ОРТ (Общественного российского телеканала), принадлежащих российскому предпринимателю Б. Березовскому: «...начались переговоры представителей государства с Б. Березовским о передаче правительству пакета акции ОРТ, принадлежащих бизнесмену» [3, с. 7]. По мнению автора, после уголовного преследование: «Березовский решил остаться в Лондоне. Иные олигархи ... Л. Невзлина и В. Гусинского предпочли Израиль» [7].

На взгляд автора, вместе с этими предпринимателями из российской экономики были выведены и отправлены за границу миллиарды. Получается, что не принимающая частной собственности система уголовно-правовой оценки, оставшаяся в наследство от СССР, как бы отправляет людей, обладающих значительным состоянием, на развитие зарубежной экономики.

На взгляд автора, как бы власть не пыталась преследовать миллиардеров, она не сможет ликвидировать частную собственность, созданную интеллектуальным сознанием. Несмотря на преследования, например тот же Б. Березовский, живет в Лондоне и обладает «состоянием в 1,3 миллиарда долларов» [9].

Каким образом началась ликвидация частной собственности в СССР?

«История свидетельствует, что любая власть, выступающая против основ человеческой культуры, даже будучи вначале конкурентоспособной, в конце концов превращается в ее жертву...» [13, с. 11]

Человек трудится и таким образом поддерживает сам себя, платит налоги и поддерживает государство. Это все происходит при наличии частной собственности, дающей культурное развитие. Советский Союз не принял этого и только подтвердил вышесказанное.

После октябрьского переворота в России в 1917 году вождь коммунистов В. И. Ленин отмечал: «Мы не принимаем ничего «частнособственнического» [13]. В. И. Ленин подчеркнул: «Наше революционное правовое сознание требует римского права» [13], при этом совершенно не учитывая одного из основных положений французской декларации 1789 года, основанной на римском праве: «... собственность — это священное и неприкосновенное право».

К частной собственности, охватывающей частную жизнь человека и построенной на свободном развитии римского права, Ленин подходит с собственными понятиями. Однако на взгляд автора, эволюционный путь развития «частной собственности» в римском праве Ленин превратил в «ре-эволюционный», то есть в «государственную собственность, стоящую на службе коммунистов, обладающих государственной властью».

Академик Ж. М. Абдильдин по поводу понятия «частной собственности» указывает следующее: «...общественная собствен-

ность и коллективизация еще с детства пугала нас частной собственностью, считая своей главной задачей уничтожение всякой частной собственности. Символы такого воспитания — лозунги типа «Нет места частной собственности!» - можно увидеть до сих пор на некоторых зданиях...» [1].

Фактором, послужившим причиной этому, стало разделение людей Советским правительством на классы, на богатых и бедных, в зависимости от наличия у них той или иной необходимой для жизни собственности и прав на нее. Они противопоставили понятию «государственной собственности», которая на самом деле в своей основе имеет «частную собственность», саму природу «права на частную собственность». Таким образом, путем конфискации «частной собственности» у лиц, ею обладающих, они превратили ее в «социалистическую собственность» [2]. В результате, коммунисты наложили руку на эту собственность и, обладая государственной властью, меняли понятие «частной собственности» на «личную собственность» [2], но не поняли, что как бы не изменялось понятие «частной собственности», оно никогда не изменит и не потеряет своего содержания. Таким образом, в сознание народов бывшего Советского Союза твердо было заложено понятие «личной собственности».

По мнению автора, научное обоснование искусственной конструкции было присуще только коммунистам, которые осуществляли государственное управление в Советском Союзе. Тогда как на самом деле однопартийная власть, опирающаяся на социалистическую государственную собственность под лозунгом: «Коммунистическая партия Советского Союза является руководителем и направляющей силой советского общества, основой его политической системы, государственных и общественных организаций» [2] под завуалированным понятием «личная собственность» помогла коммунистам создать свою «частную собственность». Для формирования завуалированной «частной собственности», власть, имеющая возможность пользоваться «государственной собственностью» вошла в коммунистическую партию. Вместе с этим 20 апреля 1978 года в Конституцию КазССР вошла 13 статья, которая определяет что, «Имущество, находящееся в личной собственности или в пользовании граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества».

На взгляд автора, правящая партия коммунистов, под видом «социалистической государственной собственности» превратившая ее в «частную собственность», стала причиной развала Советского государства и его разделения на пятнадцать независимых стран. Народы, получившие независимость в результате влияния этих факторов, должны были определить судьбу государственной собственности,

которую прежние властные структуры превратили в частную собственность. Они понимали, что у реальной государственной собственности должен быть хозяин, то есть тот, кто обладает правами на «частную собственность». В развитых странах государственная власть была понятием, формирующим государственную собственность и защищающим государственную власть за счет налогов и других поступлений от свободного экономического оборота частной собственности.

В этой ситуации стало ясно, что не будет реально эффективной пользы от введения социалистической собственности в рыночный оборот и формирования соответствующей конкуренции, потому что это невозможно, таким образом было принято противоположное решение — передать государственную собственность в частную собственность и собирать налоги и другие поступления от оборота товарно-денежных средств, находящейся в частной собственности.

Следовательно, рыночный оборот не может теоретически основываться на социалистической государственной собственности, ведь чтобы ее ввести в экономический оборот, следует получить разрешение множества социалистических учреждений. У собственности, которая в те или иные сроки должна быть продана, куплена, введена в оборот, должен быть хозяин, то есть следует определить владельца «частной собственности».

Таким образом, социалистическая государственная собственность была передана в частные руки и развиваясь в этом направлении, на основе свободных экономических отношений, была создана государственная собственность, основанная на частной, которая снова была привлечена в экономический оборот.

Согласно такому обороту отношений можно сделать следующее юридическое обоснование: главное — налоги и другие поступления в государственный бюджет, а второстепенное — государственная власть, живущая за счет этих поступлений.

Таким образом, если будут отсутствовать налоги и другие поступления в государственную собственность от оборота частной собственности, то будет отсутствовать основной финансовый инструмент государственной собственности — государственный бюджет. Если же государственный бюджет не будет сформирован, государственная власть попадет в кризисную ситуацию. Вот потому-то государственное имущество, находящейся в исключительной государственной собственности СССР было приватизировано, в результате появилась частная собственность, от оборота которой государство получила налоговые и другие поступления, тем самым смогло сформировать государственный бюджет, то есть механизм для собственного развития.

Естественно, власть лиц, способных направить трудолюбивых людей на формирование частной собственности и работу в пользу государства, будет в первую очередь защищать частную собственность, потому что они прекрасно понимают, что государственная собственность, находящаяся в их компетенции, выстраивается из частной собственности как результат человеческого труда.

Хотелось бы особо выделить финансовых магнатов из США — Ротшильдов, Морганов и Рокфеллеров, которые опираясь на частную собственность сумели обрести силу и власть, распространившуюся на международном уровне.

Первый предок Ротшильдов, понявший авторитет и престиж частной собственности, был житель Франкфурта Амшель Мозес Бауэр. Он еще в середине XVIII века начал отбирать из всякого мусора старинные антикварные предметы, придавать им товарный вид и продавать аристократам и коллекционерам. Так был создан его начальный капитал. Позднее он изменил свою фамилию «Бауэр» на название лавки своего отца — «Ротшильд» и открыл антикварный магазин [11].

Джон Пьерпонт Морган, открывший знаменитый частный банковский дом начинал свою трудовую деятельность простым бухгалтером в нью-йоркской компании Duncan, Sherman & Co [11].

Отец-основатель финансовых магнатов Рокфеллеров, почувствовавший всю силу и влияние частной собственности, Джон Дэвид Рокфеллер родился в 1839 году в Нью-Йорке. Говорят, что его отец был пьяница и шарлатан. Сын, Джон Рокфеллер, не пошел по стопам отца, а в 16 лет закончил трехмесячные бухгалтерские курсы, проходил полгода в поисках работы, пока не устроился помощником бухгалтера в небольшой компании. В 18 лет Джон становится пайщиком и учредителем частной брокерской фирмы. А в 1861—1865 гг. он начал вкладывать деньги, накопленные за счет поставок армии муки, свиного мяса и соли в период гражданской войны в США, в нефтяную и топливную отрасль [11].

Бывший президент России Б. Ельцин указывал: *«Значительная часть государственной собственности должна была стать частной. ...Без этого никакие реформы не возможны вообще. Делать это нужно было быстро. ...пусть даже с ошибками, под свист недольных...»* [6, с. 102]

В Казахстане формирование частной собственности шло в двух направлениях. Первое — свободная от обязательств (налогов и т. д.), льготная приватизация государственного имущества, то есть прямая продажа в частные руки. Второе — продажа имущества имеющих обязательства, признанных банкротом государственных субъектов методом покрытия долга.

В связи с этим в сведениях, представленных Казахстанским комитетом государственного имущества и приватизации подчеркнуто, что *«в начале 90-х годов приватизация стала для страны основой формирования частной собственности. Последующие 5 лет серьезно изменили ситуацию, в настоящий момент процесс приватизации (с точки зрения продажи государственной собственности) особого влияния на взаимоотношения между частной и государственной собственностью не имеет. ...по результатам начиная с 2001 года: субъектов государственной собственности — 19896 (35,78 %); субъектов частной собственности — 34651 (62,32 %)»* [5].

В течении чуть более 10 лет независимости в Казахстане количество частных предприятий превысило 62%, что показывает уровень и темпы формирования государственной власти, учитывающей частные интересы. То есть были определены направления финансовой власти в частной собственности и власти частных интересов, связанных с движимым и недвижимым имуществом [8].

Приватизация государственной собственности осуществляется на основании Закона КазССР «Об изъятии из государственной собственности и приватизации» от 22 июня 1991 года [12] и Указа президента Казахстана, имеющего силу закона, «О приватизации» от 23 декабря 1995 года [8].

Если судить объективно, то человеческая хитрость не слишком развилась, но люди очень хорошо умеют использовать в личных интересах те промахи и ошибки, которые допущены в законах и нормативных правовых актах. Это означает что, ничего не чуждо для частной собственности дающей жизнь. Например, 27 января 1967 года был принят Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Согласно 2 статьи Договора, «Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами» [8, с. 298].

Гражданин США Дэннис Хоуп обратил внимание на то, что согласно Договора, космические объекты и планеты не могут быть собственностью стран и корпораций, но касательно частных лиц никаких ограничений указано не было. Д. Хоуп объявил своей собственностью все космические объекты, кроме Земли и Солнца. В настоящий момент притязания Д. Хоупа на частное владение Луной, Марсом, Венерой и т. д. не подпадают ни под одну юрисдикцию ни одного государства, то есть ни одна страна не может тем или иным образом оспорить его права. В настоящий момент на освещенной стороне луны более 4 миллионов жителей из 180 стран приобрели себе участки. Среди них

53 известных мировых политика, 1753 руководителя транснациональных корпораций, 40 астронавтов НАСА, 25 европейских космонавта, 500 звезд кино, спорта, музыки, бывшие президенты США Джимми Картер, Рональд Рейган, Джордж Буш и другие всемирно известные люди. Размер каждого участка на луне составляет 1 акр, что приблизительно равно 40 соткам [10].

По мнению автора, демократия в Америке не ограничивает мыслительных процессов индивида, так как этот процесс предоставляет возможность человеку формировать частную собственность.

Список литературы:

1. Абдильдин Ж. М. Свобода и собственность. // Журнал «Советский Казахстан сегодня», № 11—12. 1990.
2. Байишев Ж. Казахстан: этапы государственности. Конституционные акты. Алматы: Жети жаргы, 1997.
3. Бельский А. От греха подальше. // Деловое обозрение Республика 03.08.2000.
4. Гордиевский А. Предвыборная истерика Кремля. Так характеризуют российские аналитики арест главы ЮКОСа. // Экономика. Финансы. Рынки 31.10.2003.
5. Документ № КГИП-7-1/ 5274 Казахстанского комитета государственного имущества и приватизации за октябрь 2002 г. Из архива Парламента Республики Казахстан.
6. Ельцин Б. Президентский марафон. Москва: Издательство АСТ, 2000.
7. Захаров М. Иногда мэры возвращаются. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.polit.ru/article/2011/11/09/luzhkov/>
8. Игнатенко Г. В. и другие. Международное право. Москва: «Высшая школа», 1978.
9. Ковальчук И. Источник: «Сегодня». [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.segodnya.ua/news/14306632.html>
10. Лунное посольство. Материал из Википедия — свободной энциклопедии. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
11. Любимская А. Теория заговора: как Ротшильды и Рокфеллеры Россию делили. Источник: «D» №22 (85)/23 ноября 2009. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.buffet.ru/investments/?ID=3348>
12. Назарбаев Н. А. Борьба с преступностью требует действенности. // Юридическая газета 12.09.2003.
13. Хутыз М. Х. Римское частное право. Москва: Былина, 1994.

СЕКЦИЯ 12.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА КАК МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Николаев Андрей Сергеевич

*канд. юрид. наук, старший преподаватель ИПЭУ ТюмГУ, секретарь
Избирательной комиссии Тюменской области, г. Тюмень
E-mail: nikan@mail.ru*

Смахтина Надежда Сергеевна

*магистрант ИПЭУ ТюмГУ, г. Тюмень
E-mail: chense@yandex.ru*

В настоящее время, проблемам повышения правовой культуры и электоральной активности молодежи придается все большее значение. Можно выделить ряд причин, указывающих на важность обсуждения указанных вопросов. Авторы отмечают наличие отрицательного факта, способствующего тому, что нынешняя молодежь, рожденная и воспитанная в одно из наиболее нестабильных для Российской Федерации времен, переживает кризис самоопределения. Этому, в большой степени, способствуют экономические, политические и социальные факторы. Последние опросы показывают, что уровень доверия молодого населения к существующей власти весьма низок, а степень уверенности в собственном будущем крайне неустойчива. Менее 10 % молодых людей мыслят себя частью своего государства и, соответственно, не проявляют интереса к политическому развитию и демократическому строительству страны.

Одной из успешных методик повышения правовой культуры и электоральной активности молодых избирателей, зарекомендовал себя институт молодежного парламентаризма. В Российской Федерации институт молодежного парламентаризма существует с 90-х годов. Однако, несмотря на достаточную разработанность механизма

привлечения молодого населения к участию в политической и электоральной жизни государства через молодежные парламенты, представительность данных органов остается под сомнением. Нельзя отказать данному способу решения проблемы низкой правовой культуры в разумности, однако и у него существуют недостатки. Главным среди них является низкий уровень вовлеченности молодого населения вследствие ограниченности количественного состава данного органа. В Российской Федерации в региональную парламентскую структуру входят в среднем от 30 до 60 человек, что, в сравнении с фактическим населением некоторых регионов, выглядит фикцией. Таким образом, далеко не все желающие молодые люди имеют возможность реального осуществления своих стремлений. Более того, даже при условии существования молодежного парламента, этот орган, зачастую, остается исключительно номинальным, что не сокращает разрыва между молодежью и властными структурами и, соответственно, отодвигает решение проблемы правовой и политической пассивности на неопределенный срок.

Непосредственное участие в жизни общества и активная гражданская позиция молодежи предполагают наличие прав, средств, пространства и возможностей, а, где необходимо, — и поддержки, для участия в процессе принятия решений и влияния на этот процесс, а также участия в любых формах деятельности с целью построения лучшего общества. Местные и региональные власти должны обеспечить молодому поколению возможность влиять на принимаемые решения и предпринимаемые шаги. Это подготовит молодежь к участию в политической жизни страны и к управлению общественными делами. Более того, участие в данных структурах побудит молодежь к осуществлению своих гражданских прав, в частности права на участие в выборах и референдумах.

Одним из наиболее заметных и результативных проектов, занимающихся политическим и электоральным воспитанием молодежи в Европе, является программа Совета Европы «Совет Европы и молодежь» [6]. Принцип обеспечения участия молодежи в полной мере отражается в системе совместного управления, через которую Совет Европы развивает свою молодежную политику. Представители молодежных неправительственных организаций и представители правительств стран Евросоюза вместе заседают в рабочих группах. В ходе своей деятельности, рабочие группы разрабатывают приоритеты для молодежного сектора и выдвигают предложения по бюджету и программе. Затем эти предложения утверждаются Комитетом министров, директивным органом Совета Европы [6].

Особое внимание, в рамках своей деятельности, Совет Европы уделяет специальным программам по поддержке и развитию гражданского правосознания в рядах молодежи.

В качестве специальных программ было разработано следующее:

- программа развития и укрепления демократической стабильности;
- программа демократического лидерства.

Цель программы демократического лидерства состоит в том, чтобы укреплять практические знания и навыки молодых политиков, журналистов и руководителей неправительственных организаций, внося тем самым вклад в укрепление демократической безопасности и политической стабильности общества.

В структуре организации выделяют три крупных сектора: межправительственный, неправительственный и сектор совместного управления. Они, в свою очередь, ведут свою работу в 4-х подсекторах: Европейском руководящем комитете по делам молодежи, Совместном совете по молодежным вопросам, Консультативном совете и Комитете по программам [6].

Таким образом, процесс консолидации европейской молодежи, охваченной программами Европейского Союза, непрерывен и, несомненно, вносит свой вклад в воспитание политической сознательности молодого поколения и укрепление его гражданственности.

С учетом вышеизложенного, на взгляд авторов, основными отличительными особенностями современных молодежных структур в Российской Федерации должны стать большая самостоятельность и представительность, как главные черты классического парламентаризма. С этой целью необходимо рассмотреть возможность создания более полной системы молодежных органов власти. Одним из предложений по вовлечению молодежи в электоральную деятельность является создание молодежных избирательных комиссий при избирательных комиссиях субъектов Российской Федерации во всех регионах страны. Подобное нововведение позволит наладить взаимодействие как между старшим и младшим поколениями, так и между молодежными органами и объединениями. Более того, при составе молодежной комиссии от 10 до 30 человек, репрезентативная функция молодежных объединений в регионах и на федеральном уровне увеличится, что позволит повысить гражданственность и правовую культуру молодых избирателей.

Неоспоримым преимуществом молодежных избирательных комиссий является тот факт, что они, по сути, выполняют посредническую функцию между органами государственной власти и

населением. Важно подчеркнуть, что основной целью деятельности данного органа должна выступать организация повышения уровня электоральной активности будущих избирателей. Формы и методы вовлечения молодежи в избирательный процесс решаются совместно с региональными избирательными комиссиями, оказывающими организационную и материально-техническую поддержку данному органу.

Существенным представляется способ формирования молодежной избирательной комиссии. В молодежную избирательную комиссию может быть назначено не более одного представителя от каждой политической партии и от каждого общественного объединения. Также в состав органа должно входить не менее одного представителя от представительных органов муниципальных образований, выборных органов ученического и молодежного самоуправления.

Таким образом, молодежные избирательные комиссии должны выполнять функцию одного из механизмов обратной связи политических и социальных институтов, выступать платформой для обсуждения проблем молодежной политики и, прежде всего, проблем электорального поведения молодежи, формирования у нее активных политических взглядов.

Наиболее показательным в этом смысле является пример Кировской области. Правительство Кировской области поддержало идею привлечения молодежи к политической жизни страны до создания, своего рода, «государства в государстве». «Важнейшим достижением в сфере молодежной политики Кировской области является создание Молодёжного государства Кировской области» [4]. В систему молодежных государственных учреждений были включены Молодёжный парламент, Молодежное правительство и Молодежная избирательная комиссия Кировской области.

Список литературы:

1. Европейский Союз. Законы. Европейская хартия об участии молодёжи в общественной жизни на местном и региональном уровне: хартия ЕС от 21 мая 2003 г.// [Электронный ресурс] / Режим доступа:// http://www.mparlament.ru/doc_new/doc_1.htm
2. Малова О. Социальное проектирование как средство гражданского воспитания студентов / О. Малова // Высшее образование в России. — 2007. — № 10. — С. 3—5.
3. Молодежный парламентаризм в России на страницах Интернета (Информационно-аналитические материалы о развитии молодежного

- парламентаризма в Российской Федерации)/ под ред. В. П. Волкова. — М.:НОРМА, 2006. — 112 с.
4. Официальный сайт Правительства Кировской области. [Электронный ресурс] / Режим доступа:// <http://www.ako.kirov.ru/social/youth/3.php>
 5. Официальный сайт Европейского Молодежного парламента. [Электронный ресурс] / Режим доступа:// <http://www.europej.org/>
 6. Программа Совета Европы «Совет Европы и молодежь». [Электронный ресурс] / Режим доступа:// <http://www.eeyouth.org/ru/result.php?id=73>
 7. Попов В. Г. Электоральная активность и отношение избирателей к выборам./ В. Г. Попов // ЧиновникЪ. — 2008. — № 107 (47). — С. 114—117.
 8. Ромашов Р. А. Правовая культура молодежи и правовой нигилизм в молодежной среде / Р. А. Ромашов // История государства и права. — 2006. — № 2. — С. 2—8.
 9. Рябчиков Р. В. Факторы, оказывающие влияние на электоральное поведение граждан, в свете общепризнанных избирательных стандартов / Р. В. Рябчиков // Международная межвузовская научно-практическая конференция студентов и аспирантов. Традиции и новации в системе современного российского права. Сборник тезисов. — М.: Изд-во МГЮА.— 2008. — С. 83—84. Степанищенко О. В. Политический инфантилизм как характеристика электорального поведения /: автореф. дисс. ... канд. полит. наук.— Краснодар, 2006.—с. 10.
 10. СССР. Верховный Совет. Об общих началах государственной молодежной политики в СССР: постановление Верховного Совета СССР от 16.04.1991 г. № 2115—1 // Известия. — 1991. — 2 мая
 11. Эстафета политической и социальной конструктивности: опыт взаимодействия избирательных комиссий субъектов Российской Федерации с молодежными парламентскими структурами / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации; РЦОИТ при ЦИК РФ. — М.,2005.—192 с.
 12. Юсов С. В. «Организационно - правовые основы создания и деятельности молодежных парламентов в Российской Федерации / С. В. Юсов // М.:РЦОИТ: Крона, 2009.— 146 с.

СЕКЦИЯ 13.

СТРАХОВОЕ, МЕДИЦИНСКОЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И НОТАРИАТ

АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ СРЕДЫ СТРАХОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДИРЕКТОРОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В РОССИИ

Даева Татьяна Андреевна

*студент 4 курса кафедры «Мировая экономика
и экономическая теория»,
Волгоградский Государственный Технический Университет,
г. Волгоград
E-mail: murziktan@mail.ru*

Дубова Юлия Игоревна

*канд. экон. наук, доцент, кафедра «Мировая экономика и
экономическая теория», Волгоградский Государственный
Технический Университет, г. Волгоград
E-mail: dobovai@mail.ru*

Настоящая статья посвящена правовым вопросам и проблемам в сфере страхования ответственности директоров и должностных лиц. Данный вид страхования, еще до недавнего времени считавшийся экзотикой даже у специалистов страхового дела, сегодня завоевывает все большую популярность, а в некоторых случаях становится основным, главным атрибутом корпоративной культуры и политики, необходимым инструментом, поддерживающим жизнедеятельность компании.

Процессы глобализации заставляют задуматься об обеспечении безопасности директоров и должностных лиц. В настоящий момент существует огромный список оснований для предъявления претензий, напрямую связанных с обязанностями руководителей и должностных лиц.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что директора и должностные лица несут персональную ответственность за убытки, вызванные неосторожным действием или бездействием, которые

можно расценить как нарушение законов РФ. В связи с чем, возникает острая необходимость в финансовой поддержке страховых компаний.

Законодательство РФ в части регулирования правоотношений, возникающих в процессе руководства компаниями, зачастую не имеет четкой формулировки, судебная практика во многих случаях не имеет единого вектора, корпоративные юристы время от времени сами оказываются под следствием, споры с акционерами, как правило, неоднозначны из-за недостатков нормативного регулирования, а новые законодательные акты не учитывают и не исправляют недостатков действующих.

Вместе с тем, следует отметить, что страховые случаи, затрагивающие интересы руководителей компаний, членов советов директоров и правления, известные в России, базируются скорее на основополагающих принципах, применимых к корпоративным спорам во всем мире, чем на конкретных нормах законодательства РФ. В первую очередь, необходимо выделить законодательные акты, регулирующие отношения директоров и акционеров, директоров и компании, директоров и третьих лиц, обратив особое внимание на их взаимодействие в едином правовом поле, отдельного, посвященного страхованию ответственности директоров и должностных лиц законодательного акта, определяющего условия, порядок взыскания, в российском законодательстве не существует.

В российском праве предусмотрено несколько видов ответственности, которую могут нести должностные лица компании:

1. гражданско-правовая ответственность;
2. уголовная ответственность;
3. административная ответственность.

Приведенные нормы, позволяют привлечь руководителя компании (физическое лицо) к тому или иному виду ответственности.

Статья 1068 ГК РФ устанавливает ответственность юридического лица за вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей [2].

Статья 71 Федерального Закона «Об акционерных обществах» указывает на обратную сторону законодательства: «Члены совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличный исполнительный орган общества (директор, генеральный директор), временный единоличный исполнительный орган, члены коллегиального исполнительного органа общества (правления, дирекции), равно как и управляющая организация или управляющий, несут ответственность перед обществом за убытки, причиненные обществу их виновными действиями (бездействием), если иные основания ответственности не

установлены федеральными законами.», а также за убытки, причиненные их виновными действиями (бездействием), нарушающими порядок приобретения акций открытого общества [7].

Уголовный кодекс содержит ряд норм, позволяющих привлечь руководителя к уголовной ответственности за действия, связанные с непосредственным руководством компаний. Основанная масса таких норм сосредоточена в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». К ним относятся статьи об уголовной ответственности за незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), товарооборот немаркированной продукции (ст. 171.1 УК РФ), легализацию денежных средств, полученных преступным путем (ст. 174.1 УК РФ), неправомерные действия при банкротстве (ст.ст. 195—197 УК РФ), принуждение лица к совершению сделки (ст. 179 УК РФ), недопущение конкуренции (ст. 178 УК РФ), и др. Уголовная ответственность директора наступает при уклонении от уплаты налогов, сумма которых определяется по правилам ст.199 УК РФ как крупная. При этом уклонение может выражаться в непредставлении налоговой декларации либо искажения ее сведений [6].

Руководитель коммерческой организации привлекается к уголовной ответственности за преступления, совершенные:

- в области трудовых правоотношений за нарушение правил охраны труда (ст. 143 УК РФ), необоснованное увольнение или отказ в приеме на работу беременной женщины (ст. 145 УК РФ), невыплату более двух месяцев заработной платы (ст. 145.1 УК РФ), халатность (ст. 293 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ) и т. д. [6];
- в области экологии за нарушение правил охраны окружающей среды при осуществлении работ (ст. 246 УК РФ), загрязнение атмосферы (ст. 251 УК РФ), порчу земли (ст. 254 УК РФ) и т. д. [6];
- в области здоровья населения за нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ), сокрытие информации о существующей опасности для здоровья и жизни людей (ст. 237 УК РФ) и т. д. [6].

Статья 201 УК РФ устанавливает уголовную ответственность руководителя компании за злоупотребление полномочиями [6].

Административные санкции применяются к должностным лицам в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций. К числу должностных лиц КоАП РФ относит и руководителей коммерческих организаций, если правонарушение явилось следствием невыполнения ими своих служебных обязанностей, прописанных в

должностной инструкции. Если такие обязанности внутренними документами предприятия возложены на других работников (главного бухгалтера, инженера), то именно они будут являться должностными лицами, подлежащими привлечению к административной ответственности как должностные. При этом КоАП РФ позволяет одновременно вынести административное наказание должностному и юридическому лицу [3].

Нарушения уголовного законодательства влекут за собой различные виды наказаний, включая штрафы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишение свободы на различные сроки. Необходимо заметить, что, так как наступление уголовной ответственности, прежде всего, связано с умыслом в действиях (бездействии) должностного лица, то страхование такой ответственности не допускается в соответствии с российским законодательством. Подобная ситуация и со страхованием административной ответственности: согласно российскому законодательству, штрафы не подлежат страхованию. Возникает вопрос о том, какой же вид страхового возмещения все же может предложить страховая компания, если руководитель желает снизить свои издержки в случае привлечения его к налоговой, административной или уголовной ответственности.

Страховая компания в таком случае предлагает застраховать судебные издержки, которые может понести руководитель компании в случае судебного разбирательства и предварительного следствия. В состав страхуемых расходов входят:

1. расходы на оплату услуг адвокатов, максимальная сумма которых сразу оговаривается в страховом полисе или подлежит отдельному согласованию при привлечении руководителя к административной, налоговой или уголовной ответственности;
2. расходы на оплату государственной пошлины;
3. расходы на оплату экспертизы.

Однако в данном случае, существует определенная оговорка, согласно ст. 963 ГК РФ: «Страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения или страховой суммы, если страховой случай наступил вследствие умысла страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица...» [2].

Таким образом, если суд установит умысел руководителя за совершение правонарушения, то в соответствии со ст. 963 ГК РФ все выплаты будут считаться необоснованным обогащением руководителя, так как изначально ему не могли предназначаться. Однако в случае, если руководитель будет оправдан или будет доказана его вина в форме

неосторожности, страховое возмещение не возвращается, что является существенным стимулом для руководителей страховать данные расходы.

Страховое возмещение не выплачивается, если руководитель совершил умышленные действия, которые привели к ущербу для общества и (или) третьих лиц. Неосторожные действия руководителя подлежат страхованию.

Руководитель коммерческой организации является наемным работником, к которому работодатель (организация в лице учредителей) вправе применить установленные законодательством о труде дисциплинарные взыскания в виде выговора, замечания или увольнения. Инициаторами применения таких мер могут выступать работники организации (ст. 195 ТК РФ). Трудовой договор с руководителем в одностороннем порядке может быть расторгнут по общим (ст. 81 ТК РФ) и особым (ст. 278 ТК РФ) основаниям. Например, довольно распространенным является увольнение директора при смене собственника имущества предприятия (п. 4 ст. 81 ТК РФ). К числу особых оснований относятся:

- отстранение руководителя организации-должника по инициативе арбитражного управляющего;
- расторжение трудового договора по решению уполномоченного органа или собственника имущества организации;
- иные случаи, специально оговоренные в трудовом договоре с руководителем [5].

Следует отметить, что первая норма в приведенном выше списке — статья 1068 ГК РФ фактически перекладывает ответственность с директора на юридическое лицо. Практика убытков свидетельствует о том, что иски (претензии) к директорам, тем не менее, предъявляются, и их динамика с каждым годом всё возрастает. Кроме этого, в свете законодательных инициатив 2010—2011 гг., влияние правовых аспектов на ответственность директоров и, как результат, на страхование ответственности директоров и должностных лиц, может существенно усилиться, обнажив, таким образом, новый пласт юридических вопросов, исков к директорам и новых типов убытков.

Помимо динамики исков к директорам в России необходимо учитывать и четкую тенденцию законодательных органов к усилению форм ответственности применительно к директорам — физическим лицам. Например, Правительством Российской Федерации в Государственную Думу был внесен законопроект № 394587-5, посвященный упорядочению правового статуса членов совета

директоров и членов единоличного или коллегиального исполнительного органа хозяйственного общества [4].

Законопроектом предполагается внесение поправок в законодательство о рынке ценных бумаг, в Трудовой и Арбитражный процессуальный кодексы, а так же в федеральные законы об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью. В их числе следует отметить: подробную фиксацию правового положения членов исполнительного органа хозяйственного общества, оплату судебных расходов юридическим лицом независимо от результатов рассмотрения дела, фиксацию взаимоотношений общества с ограниченной ответственностью и члена его исполнительного в гражданско-правовом договоре, страхование ответственности членов исполнительного органа хозяйственного общества [4].

Однако ключевым пунктом законопроекта является положение, согласно которому руководители общества (члены исполнительного органа) несут субсидиарную с обществом ответственность перед акционерами и владельцами иных эмиссионных ценных бумаг общества за убытки, причиненные в результате их действий. При этом руководитель общества считается виновным, если при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей он действовал неразумно и (или) недобросовестно. Понятия «разумности» и «добросовестности» достаточно давно фигурируют в законодательстве, но их четкое определение в гражданском законодательстве не было установлено. До настоящего момента они остаются оценочной категорией, определяемой сторонами взаимоотношений и судебной практикой [4].

В настоящее время критерий разумности определяется через оценку знаний о каком-либо объекте или процессе. Понятие недобросовестности определяется как любые направленные на приобретение преимуществ в предпринимательской деятельности действия хозяйствующих субъектов, которые противоречат положениям действующего законодательства, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и могут причинить или причинили убытки другим хозяйствующим субъектам-конкурентам либо нанести ущерб их деловой репутации [1].

Критерий разумности определяется через учет всей имеющейся у лица информации, а критерий добросовестности определяется в связи с учетом интересов хозяйственного общества и соответствия законодательству.

Таким образом, продолжена общая практика определения данных понятий путем фиксации в законе существующих теоретических разработок. Никаких принципиально новых механизмов и определений в законопроекте не предусмотрено. Поэтому можно предположить, что при использовании данных критериев сохранится высокая роль их оценки в ходе их практического применения.

Предусмотренная в законопроекте расшифровка разумности не освобождает суд и иных участников от оценки факта наличия необходимой информации и ее полноты, а также определения действий необходимых для ее получения. Данная ситуация потребует значительных усилий со стороны судов по формированию соответствующей практики.

Определение «добросовестности» является более спорным, в определение этого понятия входят такие критерии, как несоответствие решения законодательству, и наличие конфликта интересов. Данные критерии уже фигурируют в законодательстве в качестве отдельных оснований для признания действий руководителя недействительными и требующими компенсации. В результате возможен конфликт оснований при обращении в суд с требованием возмещения ущерба. Кроме того при определении недобросовестности применяется такое понятие как «интересы общества» так же не расшифрованное законодательством.

В результате предложенная в законопроекте схема определения неразумности и недобросовестности действий члена исполнительного органа хозяйственного общества является крайне недоработанной и порождает значительное количество вопросов. Ее применение на практике значительно усложнит деятельность хозяйственных обществ и судов.

Данный законопроект, в случае его принятия и вступления в силу, существенно усилит возможное давление со стороны потенциальных истцов. Данное обстоятельство должно, в совокупности с описанными выше факторами, рассматриваться как существенный правовой риск для компаний, директора которых не покрыты полисом страхования ответственности директоров и должностных лиц.

Сегодня российский рынок страхования ответственности директоров и должностных лиц является одним из высоко конкурентных, растет количество полисов страхования, совершенствуется законодательная база. Последние законодательные инициативы свидетельствуют о смещении тенденции в сторону личной ответственности руководителей и членов совета директоров и

повышении внимания к этому вопросу со стороны российского правительства, что является гарантией продвижения и развития страхования ответственности директоров и должностных лиц в России. Изменения в российском корпоративном и страховом законодательстве направлены на обеспечение его большего соответствия международным стандартам.

Список литературы:

1. Братановский С. Н. Комментарий к Федеральному закону от 9 июля 1999 г. N 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ» [Электронный ресурс] / С. Н. Братановский, А. Б. Смушкин. — Система ГАРАНТ, 2005. Документ опубликован не был. Режим доступа: Система ГАРАНТ. Платформа F1.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая — четвертая: [Принят Гос. Думой 23 апреля 1994 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 10 апреля 2009 г.] // Собрание законодательства РФ. — 1994.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ [с изм. и доп. от 25 апреля, 25 июля, 30, 31 октября, 31 декабря 2002 г., 30 июня, 4 июля, 11 ноября, 8, 23 декабря 2003 г., 9 мая, 26, 28 июля, 20 августа, 25 октября, 28, 30 декабря 2004 г., 21 марта, 22 апреля, 9 мая, 2, 21, 22 июля 2005 г.]//Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]/Компания «Консультант Плюс».
4. Проект Федерального закона N 394587-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ» [внесен Правительством РФ; принят в первом чтении — Постановление ГД ФС РФ от 05.10.2010 N 4183-5 ГД]//Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]/Компания «Консультант Плюс».
5. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ [принят ГД ФС РФ 21.12.2001, ред. от 30.06.2003] // Справочно-правовая системы «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]/Компания «Консультант Плюс».
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ [принят ГД ФС РФ 24.05.1996, ред. от 27.07.2010] //Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]/ Компания «Консультант Плюс».
7. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ //Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс]/Компания «Консультант Плюс».

СЕКЦИЯ 14.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРИОД МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ИСЛАНДИИ

Песина Елена Аркадьевна

*ассистент кафедры административного и финансового права,
юридический факультет, Чебоксарский кооперативный институт
(филиал) АНО ВПО ЦС РФ Российский университет кооперации,
г. Чебоксары*

E-mail: Elena.Pesina@gmail.com

12 марта 2012 года Исландия досрочно выплатила 1/5 своего долга перед Международным валютным фондом (Далее — МВФ). Запланирована изначально эта выплата была на 2013 год. Будучи первой страной, пережившей недавний мировой финансовый кризис, Исландия воспринимается на данный момент, как пример того, как преодолевать глубокую экономическую депрессию, не принося в жертву социальное благополучие [1].

До кризиса, начавшегося в августе 2008 года, Исландия была одной из самых экономически развитых стран. В 90-е годы в Исландии произошел бум развития финансовой системы, стала укрепляться банковская система. Самые крупные банки Исландии признавались финансово устойчивыми международными рейтинговыми агентствами, отмечалась диверсификация расходов и доходов. Банки могли рассчитывать на помощь государства в случае неблагоприятных явлений в банковской системе. Отмечалась также жесткая конкуренция между банками внутри страны.

Тем не менее, Исландия стала первой страной мира, в которой финансовый кризис привел к катастрофическим последствиям. Вопрос о том, почему в программе МВФ по оказанию помощи странам, пострадавшим от кризиса, Исландия заняла первое место, беспокоит многих ученых. В то же время более интересен вопрос о том как удалось этой стране выбраться из сложившейся ситуации, находясь на

границ банкротства. Из отчетов МВФ видно, что Исландия практически оправилась от кризиса, досрочно погашает долги и должна в скором времени вернуться к докризисным показателям экономики.

В данной статье автор рассматривает особенности государственно-правового регулирования банковской деятельности в Исландии в период мирового финансового кризиса.

В результате развития банковской системы Исландия буквально стала страной банков. Зарубежные активы местных банков стали во много раз превышать ВВП страны. Это и стало критическим фактором, приведшим Исландию на грань банкротства. История с огромными потоками спекулятивного капитала и образованием мыльных пузырей не нова для Европы. Франция, Германия и Англия пережили подобные кризисы в середине XIX в. Схожая ситуация сложилась и в Исландии к 2008 году. Государство позволило себе чрезмерно выросшую банковскую систему. При такой банковской системе Центральный банк Исландии (Далее — ЦБИ) потерял возможность служить в качестве кредитора в последней инстанции и осуществлять рефинансирование кредитных организаций. «После приватизации банковского сектора в 2003 году банки увеличили свои активы со 100 % ВВП до 1000 % ВВП» [1].

Государственно-правовое регулирование рынка финансовых услуг в целом осуществляется Управлением по финансовому надзору Исландии. Государственно-правовое регулирование банковской деятельности в Исландии осуществляет Центральный Банк Исландии. Делает он это в соответствии с Актом «О Центральном Банке». Центральный банк Исландии (*Seðlabanki Íslands*) является независимым образованием, принадлежащим государству, которое, тем не менее, обладает отдельными органами управления. ЦБИ отвечает за денежную политику в Исландии, основной целью которой является стабильность, в чем он не сильно отличается от Банка России. Главные задачи Центрального Банка Исландии: стабилизация цен, управление инфляцией и курсом национальной валюты страны. ЦБИ обязан вносить вклад в экономическую политику Правительства, но до тех пор, пока это не противоречит достижению целей стабильности денежно-кредитной системы страны [4]. Как и Банк России, Банк Исландии осуществляет эмиссию денежных знаков, устанавливает курсы валют, управляет внешними резервами, организует систему расчетов внутри страны и с иностранными государствами.

В целом, ЦБИ находится под управлением Министерства экономических отношений Исландии и Попечительского совета, избираемого в составе 7 человек Парламентом. Полномочия этого

совета схожи с полномочиями российского Национального банковского совета. Министр экономических отношений назначает Управляющего ЦБИ на 5-ти летний срок. При этом решения по осуществлению ЦБИ денежной политики принимаются специально созданным Комитетом по денежной политике. По остальным вопросам решения принимает управляющий банком [4].

В соответствии со специальным решением Совета директоров ЦБИ от ноября 2006 года на Банк Исландии возлагаются определенные полномочия в сфере финансовой стабильности.

Одной из основных задач Банка Исландии является продвижение эффективной и безопасной финансовой системы, включая внутренние финансовые системы и организацию осуществления международных финансовых расчетов. В последние годы большинство Центральных банков уделяли наибольшее внимание этой задаче, что является необходимым в виду недостатка регулирования международного движения капиталов. На глобальном уровне возросшее внимание уделяется активному контролю над финансовой деятельностью с целью предотвращения финансовых кризисов. Один раз в год Банк Исландии публикует отчет о финансовой стабильности [4].

Для обеспечения безопасной финансовой системы ЦБИ сотрудничает с Управлением по финансовому надзору Исландии. Это сотрудничество выражается не просто в мониторинге финансовой ситуации, но фокусировке на тех факторах, которые могут представлять риск.

Основные полномочия ЦБИ по поддержанию финансовой стабильности в соответствии с решением Совета директоров 2006 года сводятся, в целом, к следующему: установление нормативов ликвидности для кредитных организаций и контроль над их соблюдением; разработка поправок в законодательство в этой сфере; сбор информации и анализ безопасности и стабильности финансовой системы; регулярные встречи с директорами основных финансовых организаций и с экспертами в этой области, если это необходимо; исследование наиболее важных факторов, влияющих на финансовую стабильность; сравнение Исландского и иностранных финансовых рынков; сотрудничество с Центральными банками иностранных государств [4].

Принятый в мае 2001 г. Акт о Центральном банке Исландии был значительно дополнен в 2009 году, что было, разумеется, связано с тем, что Исландия оказалась на грани банкротства в результате мирового экономического кризиса. Также были изменены многие правила, которые принимает ЦБИ. Изменения в законе дали ЦБИ

больше независимости. Законодательно был закреплен запрет на выдачи кредитов Центробанком Правительству. Министерство экономических отношений, тем не менее, все еще обладает полномочиями разрешения или не разрешения инфляционных ориентиров, денежной политики, а также курсов валют. Нововведениями были усилены также основы открытости и подотчетности работы Центробанка. В соответствии с новыми положениями ЦБИ может принимать резервные требования для кредитных организаций. ЦБИ осуществляет надзор за иностранным балансом кредитных организаций. В соответствии с нововведениями Банк Исландии разрабатывает правила работы на валютных рынках в соответствии с Актом «Об обмене валюты». В исключительных ситуациях ЦБИ может временно ограничить или приостановить торговлю на валютном рынке. Также ЦБИ может быть членом международных организаций в соответствии с осуществлением своих функций [4].

Банковский кризис в Исландии наступил тогда, когда ее ведущие банки не смогли обслуживать свои долги перед иностранными финансовыми институтами. Исландская крона резко подешевела по отношению к евро. В результате кризиса власти Исландии установили контроль над операциями крупнейших банков страны — Kaupthing, Landsbanki, Glitnir и других. Правительство приняло решение не возобновлять торги акциями этих банков. Сделки в иностранной валюте были практически приостановлены. Чтобы избежать банкротства крупнейших банков, а за ними и всей банковской системы Правительство Исландии национализировало банки и гарантировало компенсации по вкладам только отечественным вкладчикам. Вкладчикам из иностранных государств выплаты были произведены их национальными правительствами в рамках законодательной квоты по страхованию вкладов.

Массовые беспорядки, вызванные экономической ситуацией в стране и недовольством действиями правительства, привели в отставку Министра торговли, а затем и Премьер-министра Исландии вместе со всем Правительством. 1 февраля 2009 г. временное правительство возглавила Йоханна Сигурдардоттир [1].

Важным шагом нового Правительства в такой ситуации стала постановка вопроса о возмещении вкладов иностранным вкладчикам на народный референдум, на котором исландцы проголосовали против осуществления компенсационных выплат.

Следует акцентировать внимание на том, что до референдума президент Исландии наложил вето на законопроекты о выплатах.

Пример Исландии показывает, какую роль сыграл Президент в защите интересов своего народа во время кризиса, и как важен такой конституционный институт, как референдум, при решении подобных вопросов.

Когда новое Правительство пришло к власти, оно признало, что позволить существовать дефициту бюджета на таком уровне далее не возможно, а также признало недостаток налоговых доходов бюджета в 2009 году. В виду этого фискальные изменения стали одним из главных приоритетов Правительства в их 100-дневной после выборной программе. Правительство сократило расходы и имплементировало меры по росту доходов, при этом поддерживая профсоюзы и социальных партнеров. Основная цель заключалась в том, чтобы сохранить Скандинавский стиль государства всеобщего благосостояния [1].

Без сомнения аллокация государством бюджетных средств на борьбу с безработицей смягчило экономическую ситуацию в стране.

Что касается мер ЦБИ, то он повысил ставку рефинансирования и ставки по своим операциям. На данный момент ставки снижены в среднем до 9 % [2]. Напомним, что в России на апрель 2012 года ставка рефинансирования составляет 8 % [3].

В настоящее время можно наблюдать, как складывается ситуация в Греции и Испании, в которых в рамках антикризисных программ сокращаются бюджетные статьи расходов на социальные нужды, что выливается в забастовки и беспорядки. В то же время, бюджет Исландии всегда имел социальное направление, и во время кризиса в том числе главной целью налогово-бюджетной политики страны стало повышение социальных расходов. Правительство Исландии поставило задачу сохранить североевропейскую модель государства всеобщего благосостояния. С этой целью в бюджете на 2010 год были сохранены ключевые программы социальных расходов и даже были введены новые программы для решения конкретных проблем.

Программа выхода из кризиса, составленная правительством Исландии была одобрена МВФ, вследствие чего в 2008 году Исландия получила кредит от Фонда. Программа включала в себя мероприятия по восстановлению доверия к банковской системе; по стабилизации крон; фискальную консолидацию.

Важно отметить, что Исландия выразила намерение реструктурировать банковский сектор. Стратегия Правительства в решении банковских проблем заключалась в разработке подхода к банкам в зависимости от времени их создания, «старые» и «новые» банки. «Новым» банкам разрешалось обслуживать исключительно

домашние операции, в то время как «старые» банки должны были иметь дело с разрешением международных обязательств [2].

МВФ помог Исландии реструктурировать банки в соответствии с этой стратегией, которая также включала план капитализации как новых так и старых банков в соответствии с мировыми стандартами. В соответствии с принятой стратегией предполагалось также совершенствование банковского законодательства с целью не допустить более банковских кризисов такого масштаба.

Таким образом, программа фокусировалась на трех основных моментах: 1) Предотвращение падения курса кроны и стабилизация обменных курсов путем жесткой денежной политики и политики гибкого валютного курса, а также сохранение ограничений на вывоз капитала из страны. 2) Разработка стратегии по реструктуризации банков путем установления организационной структуры для реструктуризации, переоценки активов, усиление контроля над банками. Юридическая работа была проведена с целью не допустить переложение долгов и потерь банков на плечи публичного сектора. Таким образом, должен был быть перестроен весь финансовый сектор. 3) Фискальная консолидация, которая была запущена с 2010 года.

В то же время в достижении цели по поддержанию государства общественного благосостояния Исландии помогло сотрудничество с МВФ и предоставленные Фондом средства в 2.1 миллиарда долларов США [1].

Важную роль в поддержании финансовой стабильности и в выходе из кризиса играет экономическая интеграция государств, а также государственно-правовая деятельность по осуществлению международного сотрудничества и заключению международных соглашений. Роль государства заключается в том, чтобы заключать такие соглашения и участвовать в международных переговорах с иностранными партнерами.

Подобное соглашение было заключено Исландией со странами Балтии и Скандинавскими странами. От имени государств в данном соглашении о финансовой стабильности выступили Министерства финансов, Центральные банки и контрольные финансовые ведомства. В соглашении участвовали Дания, Эстония, Финляндия, Исландия, Латвия, Литва, Норвегия и Швеция. Соглашение имеет своей целью организацию подготовки к борьбе с международными финансовыми потрясениями в экономически интегрированном регионе Балтии и Скандинавии. Оно устанавливает первую в Европейской истории трансграничную группу по финансовой стабильности. Такая интеграция гарантирует более глубокое сотрудничество между государственными

институтами в сфере финансовой стабильности, предотвращении и преодолении финансовых кризисов. Основным фокусом регулирования является увеличение готовности в преодолении проблем с транснациональными банками.

Необходимо отметить, что это первый пример имплементации рекомендаций, закрепленных в Меморандуме для стран Европейского союза «О транснациональной финансовой стабильности» 2008 года [5].

Это соглашение не носит обязательный юридический характер и не ограничивает их свободу действий, как независимых институтов. Соглашение предусматривает, что в экстренных ситуациях Скандинавские центральные банки оказывают друг другу помощь в виду ликвидности. Соглашением была создана специальная группа по кризис — менеджменту, в которую входят представители всех членов — государств, заключивших соглашение. Главная цель этой группы — обеспечить одинаковый быстрый доступ к информации всех членов, а также сделать возможной немедленную координацию действий и дискуссию о возможных мерах по выходу из кризиса. Центральный банк, который первым обнаруживает угрозу кризиса, активизирует работу этой группы.

Из государственно-правового регулирования банковской деятельности в Исландии в период мирового финансового кризиса можно извлечь некоторые уроки. Ключевым моментом исландского выхода из кризиса являлась помощь МВФ. Также, можно считать, что решение Правительства не применять фискальную политику в первый год и не возлагать затраты по реструктуризации банков на плечи налогоплательщиков положительно сказались на ситуации в стране. Залогом успеха также можно считать совместную работу Правительства и Банка Исландии вместе с миссией МВФ по контролю над работой программы по выходу из кризиса, а также постоянное отслеживание процесса достижения поставленных целей и задач.

Что сработало в Исландии, так это комбинация таких факторов, как: программа по выходу из кризиса, серьезное и ответственное отношение Правительства к этой программе, а также четкая, последовательная и хорошо контролируемая имплементация этой программы [1].

Центральный банк Исландии уже начал работу над разработкой стратегий по поддержанию финансовой стабильности с использованием пруденциального надзора. В частности это работа над уровнем капитализации кредитных организаций и отслеживание выдачи кредитов во избежание создания очередных мыльных пузырей.

В завершение, кризис напомнил о том, что взаимодействие между государствами, между государственными органами, между Правительством и Банком Исландии, между Правительством и МВФ, а также сотрудничество с народом во имя его интересов — это ключ к успеху при выходе из кризиса. Тем не менее, такое взаимодействие не должно происходить только во время кризиса, это должно быть постоянным способом ведения дел.

Возникают вопросы и о том, как должны строиться отношения между государством и бизнесом и какова ответственность граждан за ошибки собственного правительства. Спасать банки и одновременно наказывать за их ошибки работников — это не тот путь, который выбрала Исландия вопреки распространённому в Европе подходу. В то время как по всей Европе, а также и в России государства спасали банки, Исландия позволила банкирам разориться и расширила сеть социальной защиты. «Все зациклились на том, чтобы задобрить иностранных инвесторов, Исландия наложила временные ограничения на движение капитала, чтобы дать себе пространство для маневра» [1]. Исландия стала показательным случаем финансового коллапса. В то же время, благодаря произошедшим событиям банковская система ее стала на много более простой и эффективной. Определенно, урок, который необходимо извлечь из этого кризиса, налогоплательщики не должны нести все бремя ошибок финансового сектора. Каким образом это будет имплементировано, будет зависеть от каждого отдельного государства.

Таким образом, очевидна синергию экономической функции государства и социальной функции государства, о которой важно не забывать. Функция финансового контроля и функция интеграции в мировую экономику также активизируются в борьбе с кризисом. Общественные беспорядки и перестановки в Правительствах, а также необходимость выработать свой путь, свою стратегию решения проблемы заставляет работать и политическую функцию государства. Для того, чтобы государство не рисковало превращением финансового кризиса, в кризис государственного суверенитета, имеет смысл выделить отдельную, чрезвычайную, особую функцию государства, функцию по антикризисному экономическому регулированию.

Список литературы:

1. Официальный сайт МВФ [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.imf.org
2. Официальный сайт Банка Исландии [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.sedlabanki.is

3. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.cbr.ru
4. Act on the Central Bank of Iceland, 2001 г., с поправками от 26 февраля 2009, <http://www.sedlabanki.is>
5. Memorandum of Understanding between Nordic and Baltic countries. <http://www.sedlabanki.is>

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О РЕФЕРЕНДУМЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Климова Марина Игоревна

*соискатель кафедры «Теория права и прав человека» Волгоградской
академии МВД России, г. Волгоград
E-mail: Klimova_m_83@mail.ru*

Исторически сложилось, что в России референдум никогда не был по-настоящему востребованным институтом. Может быть, поэтому в литературе к нему относят и вечевые голосования, и всенародные опросы, и всенародные обсуждения и т. д. [2, с. 103-111].

Определенным исключением в этом смысле стал период становления нового общественного строя в Российской Федерации, который отличается достаточно активным использованием референдума в политических целях. Однако, после принятия Конституции РФ 1993 г., федеральные референдумы не проводились, хотя инициативы по их проведению выдвигались много раз. С предложениями о проведении референдума Российской Федерации или с вопросом о возможности его проведения по тому или иному вопросу граждане обращались в Центральную избирательную комиссию РФ в 1997 г. дважды, в 1998 г. — четырежды, в 1999 г. — девять раз, в 2000 г. — один раз [13].

Аналогичные попытки предпринимались и в последующие годы. В октябре 2002 г. в Оренбурге было вручено Свидетельство о регистрации инициативной группы ЛДПР, предлагавшей для вынесения на референдум следующий вопрос: «Считаете ли Вы, что Федеральный закон «О гарантиях Президенту РФ, прекратившему исполнять свои полномочия, и членам его семьи» необходимо признать утратившим силу или нет?» Однако дальнейшего развития эта инициатива не получила [13]. В мае 2004 г. в избирательную

комиссию г. Москвы обратилась инициативная группа, образованная в поддержку проведения референдума Российской Федерации, которая для вынесения на референдум предложила 12 вопросов. Московской городской региональной подгруппой инициативной группы по проведению референдума Российской Федерации в 2005 г. было предложено 17 вопросов для всероссийского референдума, но только два из этих вопросов, были признаны соответствующими требованиям ст. 6 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» [13].

Используя в первые постсоветские годы в своих политических целях референдумы, руководящие круги страны, отдавая себе отчет в том, что их политика, особенно в социальной сфере, не пользуется поддержкой населения, решили отказаться от всероссийского референдума как высшего непосредственного выражения власти народа. Они делают все возможное, чтобы проведение референдумов в общероссийском масштабе стало невозможным. Об этом свидетельствует, в частности, законодательство Российской Федерации о референдумах. Например, согласно Федеральному конституционному закону от 28 июня 2004 г. «О референдуме Российской Федерации» [12] существенно ограничены возможности граждан по проведению референдума, путем расширения перечня обстоятельств, исключающих назначение и проведение референдума.

Федеральный конституционный закон устанавливает, что референдум не может назначаться и проводиться в условиях военного или чрезвычайного положения, введенного на территории Российской Федерации при обстоятельствах и в порядке, предусмотренным законом, а также в течение трех месяцев со дня отмены военного или чрезвычайного положения.

Референдум не назначается, а проведение назначенного референдума откладывается в случае введения в отдельных местностях Российской Федерации военного или чрезвычайного положения при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом. Референдум, инициатива проведения которого была выдвинута в установленном законом порядке, назначается, а референдум, проведение которого было отложено, проводится по истечении трех месяцев со дня отмены военного или чрезвычайного положения.

Референдум не проводится в последний год полномочий Президента РФ, Государственной Думы Федерального Собрания РФ, а также в период избирательной кампании, проводимой одновременно

на всей территории Российской Федерации на основании решения уполномоченного федерального органа.

В период между официальным опубликованием решения о назначении референдума и официальном опубликовании (обнародовании) его результатов не может быть выдвинута инициатива проведения референдума. Проведение повторного референдума, т. е. референдума по вопросу (вопросам), имеющему (имеющим) по смыслу или содержанию ту же формулировку, что и вопрос (вопросы), голосование по которому (которым) проведено на состоявшемся референдуме, не допускается в течение двух лет со дня официального опубликования (обнародования) его результатов.

В законе содержится положение о том, что вопрос, выносимый на референдум, не должен противоречить Конституции РФ (п. 6 ст. 6) [1], позволяющее отклонять подавляющее большинство инициатив о проведении референдума. Действующий Закон содержит и ряд других положений, ограничивающих возможности граждан по проведению референдума [12].

Следует отметить, что референдум как институт народовластия является достаточно противоречивым инструментом выражения народной воли и имеет известные недостатки: ограниченность проявления воли народа; отсутствие возможности корректировки выносимых на голосование вопросов; возможность манипуляции народным мнением; трудность достижения согласия между различными политическими силами и социальными группами и др. [4, с. 102; 5, с. 10; 7, с. 112]. Этими факторами и обусловлена необходимость установления правовых ограничений, не допускающих применение референдума для решения некоторых важнейших вопросов общегосударственного или регионального значения. Без закрепления ряда правовых механизмов, «сдерживающих произвольное применение института референдума, стирается грань между прямой демократией и популизмом, что грозит дезорганизацией общества» [10, с. 5]. Поэтому, закрепляемые конституционным законодательством ограничения инициирования, назначения и проведения всенародных голосований являются одним из необходимых содержательных элементов института референдума.

Однако в связи с этим, перед законодателем возникает задача решения сложной юридической проблемы: с одной стороны следует установить правовые рамки организации и проведения всенародного голосования, с другой — обеспечить, что бы эти правовые ограничения не повлекли за собой ликвидацию самого правового поля для реализации конституционного права граждан на участие в референдуме,

которая может породить в обществе всевозможные юридические и социально-политические конфликты. Что бы этого не произошло, законодатель при установлении правовых рамок, ограничивающих организацию и проведение всенародного голосования должен особенно тщательно подходить к выбору юридических и организационных приемов, в связи с чем, любое такое ограничение должно отвечать принципам обоснованности, необходимости и соразмерности [7, с. 115]. На это обратил внимание Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 11 июня 2003 г., указав, что федеральный законодатель, определяя условия и порядок проведения референдума, не может отменять или умолять принадлежащее гражданам России право на участие в референдуме, вводить несоразмерные этому праву ограничения [8].

Однако, федеральный конституционный закон о референдуме 2004 г. явно не соответствует вышеуказанным требованиям [12].

Во-первых, в нем содержатся нормы, совершенно не обоснованно ограничивающие временные рамки проведения референдумов. Например, запрещается проводить референдумы и даже инициировать их проведение не только во время действия военного и чрезвычайного положений, что вполне обоснованно, но также почему-то в течение трех месяцев после их отмены, то есть тогда, когда общественная жизнь уже нормализовалась (п. 1. ст. 13, ст. 7. Закона о референдуме [12]). Нельзя так же выступать с инициативой проведения всенародного голосования, а само его проведение не допускается в период избирательной компании, проводимой одновременно на всей территории страны на основании решения уполномоченного федерального органа, а так же в случае, если проведение референдума приходится на последний год полномочий Президента РФ и Государственной Думы (ч. 2. ст. 14. Закона о референдуме [12]). Следует помнить, что данное положение появилось в Законе о референдуме в сентябре 2002 г., когда оппозиция в Государственной Думе пыталась инициировать проведение всенародного голосования на осень 2003 г., то есть перед скорым окончанием полномочий нижней палаты Федерального Собрания (декабрь 2003 г.) и Президента (март 2004 г.), предлагаемые ею вопросы содержали негативную оценку положения в стране и деятельности партии власти. Именно в связи с этим партийные фракции в Государственной Думе, поддерживающие Президента и обладающие численным большинством, оценили эту попытку оппозиции как рекламный ход и добились внесения соответствующих изменений в Закон о референдуме. Позднее это положение было

перенесено в новый Закон 2004 г [12]. Все это свидетельствует о сугубо конъюнктурном характере данного ограничения, отсутствии взаимного доверия правящих кругов и большинства населения России, тогда как опыт совместного проведения выборов Парламента и референдума по Конституции 1993 г. в нашей стране уже имеется и этот опыт оказался положительным.

Во-вторых, это ограничения предмета референдума или вопросов, по которым он может быть проведен. Однако далеко не все из тех запретов по предмету их проведения, что закреплены в Законе о референдуме выглядят вполне обоснованными с точки зрения конституционного принципа народного суверенитета и демократического конституционализма. В соответствии п. 2. ч. 5 ст. 6. Закона о референдуме на него не может быть вынесен вопрос о досрочном прекращении или продлении срока полномочий Президента РФ, Государственной Думы РФ, а так же проведении досрочных выборов этих органов либо о перенесении сроков таких выборов [12]. Необходимость такого ограничения была обоснована Конституционным Судом РФ, который в своем постановлении от 10 июня 1998 г., применительно к досрочному прекращению полномочий органов местного самоуправления и их досрочным выборам признал что «каждая форма непосредственной демократии имеет собственное предназначение в системе народовластия, и реализация одной из них не должна препятствовать осуществлению других, необоснованно замещая их» [9]. Однако, на взгляд автора, распространять эту точку зрения на федеральные органы не вполне уместно. Федеральное законодательство предусматривает возможность досрочного роспуска муниципального представительного органа, отзыв его депутатов, досрочное отрешение от должности главы муниципального образования и главы местной администрации, четко закрепляет их основания, механизм и процедуры [11]. Это нельзя рассматривать в отношении Высших федеральных органах. Несмотря на то, что Конституция РФ определила основания досрочного прекращения полномочий Президента РФ и процедуру его импичмента, правовые механизмы применения этих оснований до сих пор не разработаны. Действующее законодательство не предусматривает отзыв депутатов Государственной Думы и Совета Федерации. Более того, для формирования нижней палаты российского Парламента введена пропорциональная система, исключая такую возможность. Поэтому представляется вполне допустимой практика использования всероссийского референдума как способа оценки доверия граждан высшим выборным органам государственной власти. Тем более, что такие возможности предусматриваются Конституциями ряда зарубежных стран

(Ст. 11. Конституции Исландии, ст. 64. Конституции Туркменистана, ст. 89. Конституции Молдовы [4]).

В п. 5 ч. 5 ст. 6. Закона о референдуме запрещается проводить референдумы об избрании, досрочном прекращении, приостановлении, продлении сроков полномочий органов, образованных в соответствии с международным договором Российской Федерации. Целесообразность такого запрета вызывает сомнение, исключительно исходя из политико-правового содержания конституционного принципа народовластия и народного суверенитета, поскольку не ясно «на каком основании международные договоры, подписанные двумя лицами, «сильнее» воли народа, выраженной на референдуме?» [3, с. 6]. Совершенно ясно, что данное положение конституционного закона противоречит ст. 3. Конституции России [1].

Пункт 10 ч. 5 ст. 6. Закона о референдуме устанавливает ограничение на проведение референдума по вопросам, отнесенным Конституцией РФ, федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти. Такая формулировка, во-первых, безгранично расширяет перечень ограничений для вопросов референдума, фактически превращая его в открытый. Во-вторых, оно явно противоречит конституционной теории и законодательству о референдумах зарубежных стран, в соответствии с которыми предмет всенародного голосования составляют главным образом вопросы регулирования, относящиеся к компетенции высшего представительного органа.

Таким образом, анализ законоположений, запрещающих внесение на референдум Российской Федерации весьма значительного и не всегда определенного круга вопросов неоправданно и несоразмерно ограничивает право граждан на участие в референдуме, что, на взгляд автора, противоречит ст. 3, ч. 2 и 3 ст. 55 Конституции РФ [1].

В значительной степени это относится и к порядку инициирования проведения референдума, который оказался значительно усложненным в Законе 2004 г. [12] по сравнению с Законом 1995 г. Увеличено в десять (!) раз количество участников инициативной региональной группы по проведению референдума, в которую теперь должно входить не менее 100 граждан, место жительства которых должно находиться на территории соответствующего субъекта Федерации. Установление такой численности труднодостижимо без поддержки той или иной партии в принципе, а для малонаселенных субъектов РФ с некомпактным проживанием населения практически невыполнимо. «Беспрецедентным в истории регламентации институтов непосредственной демократии в России стало требование п. 5

ст. 15 Федерального конституционного закона о референдуме о необходимости нотариального удостоверения подписей указанных участников референдума в протоколе их регистрации на собрании региональной подгруппы» [6, с. 178]. Кроме того, право сбора подписей в поддержку инициативы проведения референдума принадлежит теперь исключительно членам инициативной группы, входящим в региональную подгруппу, что исключает возможность привлечения к этому мероприятию иных лиц и резко ограничивает возможность сбора необходимого количества подписей в поддержку проведения референдума. В результате на этой важной стадии не только отсекаются граждане, не входящие в состав инициативной группы и поддерживающие идею проведения референдума. В данном случае существенно ограничивается целый ряд их конституционных прав.

Федеральный конституционный закон от 24 июня 2004 г. впервые предусмотрел необходимость (!) создания агитационной группы, в которую должно входить не менее 500 (!?) участников. При этом, участник референдума, входящий в инициативную группу, не имеет права входить в агитационную группу, что явно алогично и юридически не корректно, так как нарушается ст. 30 Конституции РФ, где закрепляется право граждан на объединение [12].

Перечисленные положения Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» фактически приводят к невозможности инициирования и проведения общероссийских референдумов. Они не только не оправданно сужают правовые рамки реализации конституционного права граждан России на участие во всенародном голосовании, но фактически ликвидируют институт референдума в нашей стране, нарушая конституционные принципы народовластии народного суверенитета.

Список литературы:

1. Конституция РФ, 1993 г. / Правовая система Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.01.2012)
2. Комарова В. В. Механизм непосредственной демократии современной России (Система и процедуры). М., 2006. С. 103-111.
3. Лучин В. О., Мазуров А. В. Новый закон о референдуме // Право и политика. 2004. № 8. С. 6.
4. Маклаков В. В. Референдум в буржуазном государстве // Правоведение. 1975. № 3. С. 102.
5. Марченко М. Н. Референдум как форма непосредственной демократии // Вестник МГУ. Сер.11 «Право». 1991. № 6. С. 10.
6. Нудненко Л. А. Законодательство о выборах и референдумах: детализация и совершенствование // Российский юридический журнал. 2009. № 1. С. 178.

7. Пастухова Н. В. Правовые ограничения инициирования, назначения и проведения референдума в Российской Федерации: понятие и система // Государство и право. 2010. № 10. С. 112, 115.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июня 2003 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Федерального конституционного закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 25. Ст. 2564.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 июня 1998 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений п. 6 ст. 4, п.п. «а» п. 3 и п. 4 ст. 13, п. 3 ст. 19 и п. 2 ст. 58. Федерального закона от 19 сентября 1997 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»//СЗ РФ 1998. № 25. Ст. 3002.
10. Руденко В. Н. Конституционно-правовые проблемы прямой демократии в современном обществе. Автореферат диссертации доктора юридических наук. Екатеринбург. 2003. С. 5.
11. Федерального Закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
12. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. «О референдуме Российской Федерации»// СЗ РФ. 1995. № 42. Ст. 3921.
13. Центральная избирательная комиссия — [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.cikrf.ru/>

СЕКЦИЯ 15.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

РАССМОТРЕНИЕ И РАЗРЕШЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Долгова Анастасия Ильинична

*аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского
процесса, Казанский федеральный университет, г. Казань*

E-mail: adolgo@mail.ru

В современных условиях рыночной экономики трудовые отношения между работодателем и работником часто сопровождается несовпадением интересов и потребностей сторон. Нередко камнем преткновения становятся различные толкования норм трудового законодательства. Как следствие наблюдается рост числа индивидуальных трудовых споров.

Индивидуальные трудовые споры, их особенности, порядок рассмотрения являются темой исследований многих современных теоретиков. Так, указанной проблеме посвящены труды д. ю. н. А. М. Куренного, д. ю. н. И. А. Костян, к. ю. н. Т. Ю. Коршунова, к. ю. н. В. И. Миронов и другие.

Право на индивидуальные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения признано Конституцией Российской Федерации (ст. 37) [5].

В настоящее время легальное определение индивидуального трудового спора закреплено в Трудовом кодексе РФ (далее «ТК РФ») [13]. Согласно ст. 381 Трудового кодекса РФ (далее «ТК РФ») под индивидуальным трудовым спором понимаются неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров [13].

Прежде чем перейти к порядку рассмотрения индивидуальных трудовых споров, хотелось бы обратиться к определению понятия «спора» в общем. Так, согласно Толковому словарю русского языка Ожегова С. И. спор -а (-у), м. 1. Словесное состязание, обсуждение чего-н., в к-ром каждый отстаивает свое мнение. Вести с. Ученые споры. Вступить в с. со стихией (перен.: в борьбу). 2. Разногласие, разрешаемое судом. С. о наследстве. Судебный с. * Спору нет (разг.) — конечно, безусловно. На спор (разг.) — на пари [7].

Согласно определению, данному в Толковом словаре русского языка Ушакова спор — а, м. 1. Взаимное пререkanie, словесное (устное или письменно) состязание, в котором каждая из сторон отстаивает свое мнение, доказывает свою правоту. Затеять с. Вести с. Горячий с. Ученые споры. Меж ими всё рождало споры. Пушкин. Дать споры не мое желанье. Грибоедов. Кто устоит в неравном споре: кичливый лях или верный росс? (Пушкин). У Казбека с Шат-горою был великий спор. (Лермонтов). Между нами возникли нескончаемые споры. (Тургенев). С. о словах (см. слово). 2. Взаимное притязание (обычно на суде) на обладание чем-н. С. об имении. С. о наследстве. **Спору нет** (вводное слово; разг.) — бесспорно, несомненно. Ты прекрасна, спору нет. (Пушкин) [11].

Таким образом, в самом общем смысле индивидуальный трудовой спор является разногласием, при котором каждая из сторон доказывает свое мнение, свою правоту.

В основе любого спора всегда лежит конфликт интересов, мнений, точек зрения. Здесь интересным представляется определение понятия «конфликт», данное в Толковом словаре русского языка Ушакова, как «столкновение между спорящими несогласными сторонами». То есть в цепочке причин и следствий, конфликт — причина, а спор — его следствие. Индивидуальный трудовой спор не является исключением.

На основании этого возникает вопрос: удастся ли органам по рассмотрению индивидуальных трудовых споров, решая спор, решить конфликт, который его повлек.

Ведь трудовые споры, в частности индивидуальные трудовые споры, имеют свою специфику. Речь идет о так называемом «человеческом факторе» трудовых отношений. Большую часть своего времени люди проводят на работе, в трудовом коллективе, и именно поэтому важно, чтобы отношения между указанными субъектами были нормальными и здоровыми. Разрешение самого конфликта сторон в данном случае играет самую важную роль для сохранения

нормальной трудовой атмосферы в коллективе, чтобы не оставалось «осадка» от возникших споров.

Для ответа на поставленный выше вопрос обратимся к порядку рассмотрения и разрешения индивидуальных трудовых споров согласно действующему законодательству РФ.

В соответствии со ст. 382 ТК РФ индивидуальные трудовые споры рассматриваются комиссиями по трудовым спорам и судами [13].

Порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров в комиссиях по трудовым спорам регламентируется ТК РФ [13].

Комиссия по трудовым спорам — первичный орган, создаваемый на предприятии, в учреждении, организации из равного числа представителей работников и работодателя для рассмотрения индивидуальных трудовых споров. Указанный орган был предусмотрен еще в КЗоТ РСФСР 1922 г. [4] и КЗоТ РСФСР 1971 г. [3].

Необходимо отметить, что в компетенцию комиссий по трудовым спорам входят не все индивидуальные трудовые споры. Так, в соответствии со ст. 385 ТК РФ комиссия по трудовым спорам является органом по рассмотрению индивидуальных трудовых споров, за исключением споров, по которым ТК РФ и иными федеральными законами установлен другой порядок их рассмотрения (см. ст. ст. 379, 391 ТК РФ). Кроме того, обращение работника в комиссию по трудовым спорам не является обязательным шагом при разрешении индивидуального трудового спора [13]. Согласно ст. 391 ТК РФ работник может миновать обращение в комиссию по трудовым спорам и обратиться за защитой своих прав непосредственно в суд [13].

Необходимо отметить, что обращению в комиссию по трудовым спорам должна предшествовать попытка работника самостоятельного или с участием представителя урегулировать разногласия при непосредственных переговорах с работодателем (ст. 385 ТК РФ) [13]. Данное положение ТК РФ носит большей частью декларативный характер, так как ТК РФ не требует доказательств попыток разрешения разногласий [10], и, кроме того, в ТК РФ не предусмотрен отказ в принятии заявления работника комиссией по трудовым спорам в случае непредставления работником (заявителем) доказательств попытки урегулирования спора самостоятельно. В то же время нельзя говорить и об отсутствии обязательной предварительной примирительной процедуры, поскольку ТК РФ все-таки закрепляет необходимость переговоров спорящих сторон до обращения в КТС.

Таким образом, правило о проведении предварительных переговоров с работодателем не имеет абсолютного характера [15, с. 88].

По мнению автора, требование ТК РФ урегулировать спор путем переговоров, до обращения в органы по рассмотрению индивидуальных трудовых споров, является возможностью для сторон принятия взаимоприемлемого решения, экономии времени и средств, избегания волокиты, суеты, на которые обрекает рассмотрение спора в специальных органах. Именно в случае урегулирования индивидуального трудового спора путем переговоров можно говорить об урегулировании самого конфликта сторон.

Согласно ст. 384 ТК РФ комиссия по трудовым спорам образуется из равного числа представителей работников и работодателя [13]. Учитывая это, логично отметить, что рассмотрение спора в комиссии по трудовым спорам нельзя в полной мере назвать объективным, так как в ее состав входят представители работодателя и работников, а значит, люди, работающие в одной организации.

Также необходимо отметить, что комиссии по трудовым спорам существуют далеко не во всех организациях РФ.

Несомненным плюсом обращения в комиссию по трудовым спорам являются сроки, установленные законом для рассмотрения ими индивидуальных трудовых споров. Так, согласно ст. 387 ТК РФ комиссия по трудовым спорам обязана рассмотреть индивидуальный трудовой спор в течение десяти календарных дней со дня подачи работником заявления.

Комиссия по трудовым спорам принимает решение тайным голосованием простым большинством голосов присутствующих на заседании членов комиссии. Решение комиссии по трудовым спорам может быть обжаловано в суд.

Комиссия по трудовым спорам имеет уникальный правовой статус. Правовое положение комиссии по трудовым спорам раскрывается исходя из порядка ее формирования и функционирования, вынесения решений. Комиссия по трудовым спорам является постоянно действующим самостоятельным органом по рассмотрению индивидуальных трудовых споров, ее решения не нуждаются в чем-либо утверждении [12, с. 436]. Обладая государственно-властными полномочиями наравне с судами общей юрисдикции, она является по своей сути общественным органом [6]. Суд не имеет ни надзорных, ни контрольных полномочий по отношению к комиссии по трудовым спорам и не вправе пересматривать, изменять или отменять ее решения, которые при рассмотрении спора оцениваются судом как одно из доказательств по делу [12, с. 436]. Нормами российского законодательства предусмотрена возможность

государственного принуждения к исполнению вступившего в законную силу решения комиссии по трудовым спорам, если оно не исполнено сторонами спора в добровольном порядке в установленный законом срок [6].

Возникает вопрос, является ли в настоящее время рассмотрение спора в комиссии по трудовым спорам актуальным и необходимым. Несомненно, при наличии некоторых минусов (субъектный состав, отсутствие комиссий по трудовым спорам в организации и проч.), рассмотрение спора в комиссии по трудовым спорам имеет ряд плюсов: сроки рассмотрения спора, бесплатность, возможность обжалования решения комиссии по трудовым спорам. На взгляд автора, рассмотрение спора комиссией по трудовым спорам является уникальной возможностью разрешения индивидуального трудового спора в досудебном порядке. Это экономит финансовые затраты работника, время сторон и при неудовлетворительном решении стороны всегда может обратиться в суд.

Вторым органом по рассмотрению индивидуальных трудовых споров является суд. Порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров предусмотрен ТК РФ, Гражданским процессуальным кодексом РФ (далее «ГПК РФ»), а также подзаконными актами, например, постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 1992 г. «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров» [8].

Индивидуальные трудовые споры в настоящее время подсудны районным судам.

Согласно ст. 391 ТК РФ существуют споры, которые непосредственно рассматриваются судами, и споры, которые могут быть разрешены в досудебном порядке. Так, непосредственно в судах рассматриваются споры по заявлениям:

работника — о восстановлении на работе независимо от оснований прекращения трудового договора, об изменении даты и формулировки причины увольнения, о переводе на другую работу, об оплате за время вынужденного прогула либо о выплате разницы в заработной плате за время выполнения нижеоплачиваемой работы, о неправомерных действиях (бездействии) работодателя при обработке и защите персональных данных работника;

работодателя — о возмещении работником ущерба, причиненного работодателю, если иное не предусмотрено федеральными законами.

Непосредственно в судах рассматриваются также индивидуальные трудовые споры:

- об отказе в приеме на работу;
- лиц, работающих по трудовому договору у работодателей - физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, и работников религиозных организаций;
- лиц, считающих, что они подверглись дискриминации [13].

ТК РФ четко определяет сроки, в которые стороны должны обратиться в суд за рассмотрением индивидуального трудового спора. В соответствии со ст. 392 ТК РФ работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении — в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки. Работодатель имеет право обратиться в суд по спорам о возмещении работником ущерба, причиненного работодателю, в течение одного года со дня обнаружения причиненного ущерба. При пропуске указанных сроков по уважительным причинам данные сроки могут быть восстановлены судом. Здесь важно отметить, что вопрос о пропуске срока должен решаться в судебном заседании при рассмотрении спора. Отказ судьи в принятии заявления по мотивам истечения срока исковой давности является незаконным. Также важно отметить, что в настоящее время законом не определено, какие причины считаются уважительными для восстановления указанных сроков. Это решает сам суд [14].

В соответствии со ст. 393 ТК РФ при обращении в суд с иском по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, в том числе по поводу невыполнения либо ненадлежащего выполнения условий трудового договора, носящих гражданско-правовой характер, работники освобождаются от оплаты пошлин и судебных расходов [13].

Заявление, поданное в суд о рассмотрении трудового спора, не является жалобой, приносимой в вышестоящую инстанцию (отменяющую решения нижестоящей). Поэтому при обжаловании решения комиссии по трудовым спорам суд не может отменить, изменить или оставить в силе данное решение; он решает спор по существу.

Иски о восстановлении на работе в суде первой инстанции рассматриваются судьями единолично, а в кассационной и надзорной инстанциях — в составе председательствующего и двух судей (ст. 14 ГПК РФ) [2]. Остальные трудовые споры решает единолично судья. С согласия участников спора суд может единолично решать и дела о восстановлении на работе.

Нормы, регламентирующие сам процесс рассмотрения индивидуальных трудовых споров в судах, содержатся в ГПК РФ. Необходимо отметить, что ныне действующий ГПК РФ не содержит специальных норм, посвященных рассмотрению индивидуальных трудовых споров, что, на взгляд автора, несомненно, влияет на качество их рассмотрения. Кроме того суд руководствуется соответствующими руководящими постановлениями Пленума Верховного Суда по трудовым делам, например постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 1992 г. «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров» с последующими изменениями и дополнениями [8].

Суд решает трудовой спор в соответствии с обстоятельствами дела и законодательством. В решении он указывает, какие требования, на каком основании, в каком размере и в отношении какого ответчика подлежат удовлетворению или в каких отказано.

Только истец может изменить свои иски в суде, увеличить или уменьшить их, изменить предмет и основания иска, отказаться от последнего. Если меняются и предмет, и основания иска одновременно, то это ведет к заявлению совершенно нового иска.

Суд, рассматривая трудовой спор, решает его на основании всех имеющихся материалов. При этом он не связан предшествующим решением комиссии по трудовым спорам, хотя исследует его для установления истины по делу. Суд может выйти за пределы заявленных истцом требований (ст. 196 ГПК) [2], если это вытекает из оснований того же иска. Например, суд может взыскать оплату за вынужденный прогул при восстановлении незаконно уволенного, хотя в исковом заявлении истец об этом и не просил.

Говоря о разрешении конфликта в результате рассмотрения спора в суде, отдельно отметим, что разрешение спора в суде может окончиться и мировым соглашением (ст. 39 ГПК) [2]. Мировое соглашение — *процессуальный документ*, закрепляющий взаимовыгодные условия, на основе которых истец и ответчик соглашаются завершить рассмотрение и разрешение гражданского дела судом [1]. Условия мирового соглашения не должны нарушать законодательство, трудовые права работников и интересы организации. Определение об утверждении мирового соглашения или об отказе в этом выносится судом в совещательной комнате после обсуждения вопроса о законности соглашения. Таким образом, разрешение трудового спора путем заключения мирового соглашения может разрешить сам конфликт сторон, так как мировое соглашение

является тем правовым инструментом, посредством которого удовлетворяются (в той или иной части) интересы обеих сторон.

В современной правовой России существует еще один, новый, способ разрешения индивидуальных трудовых споров, о котором в настоящее время не говорится в ТК РФ. Речь идет о процедуре медиации.

С 1 января 2011 года в силу вступил Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)» № 193-ФЗ (далее «Закон о медиации») [16], Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)» № 194-ФЗ (далее «ФЗ № 194-ФЗ») [17]. Приказом Министерства образования и науки от 14 февраля 2011 года № 187 была утверждена Программа подготовки профессиональных медиаторов [9].

Процедура медиации — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [16].

Согласно ч. 5 ст. 1 Закона о медиации процедура медиации применима к индивидуальным трудовым спорам [16].

Как способ урегулирования индивидуального трудового спора процедура медиации имеет следующие особенности.

Так, процедура медиации характеризуется объективностью, беспристрастностью и независимостью медиатора (ст. 3 Закона о медиации) [16].

В соответствии с указанным законом многие вопросы относительно самой процедуры медиации стороны решают самостоятельно. К таким вопросам в частности относится срок, выбор медиатора, порядок проведения процедуры медиации и др.

Процедура медиации является конфиденциальной. Согласно ст. 5 Закона о медиации при проведении процедуры медиации сохраняется конфиденциальность всей относящейся к указанной процедуре информации, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином [16].

Процедура медиации может быть бесплатной. Согласно ч. 1 ст. 10 Закона о медиации деятельность по проведению процедуры медиации осуществляется медиатором, медиаторами, как на платной, так и на бесплатной основе, деятельность организаций,

осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, - на платной основе [16].

Самой же главной особенностью данной процедуры в том, что процедура медиации является способом урегулирования споров в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Подводя итог и вспоминая вопрос, который был поставлен нами в начале статьи, отметим, что в настоящее время существует четыре правовых способа урегулировать индивидуальный трудовой спор:

- непосредственные переговоры сторон;
- рассмотрение и разрешение спора в комиссии по трудовым спорам;
- рассмотрение и разрешение спора в суде;
- рассмотрение и разрешение спора посредством процедуры медиации.

Все указанные способы созданы для разрешения индивидуального трудового спора. Что касается разрешения самого конфликта сторон, то для его разрешения необходимо принятие сторонами взаимоприемлемого решения, учитывающего интересы обеих сторон. Думается, что не все способы разрешения индивидуального трудового спора могут ответить этим требованиям. Так, суд принимает решение на основании действующего законодательства, учитывая обстоятельства дела, а не интересы сторон. Суд выносит законное и обоснованное решение, которое может противоречить требованиям той или иной стороны. Таким образом, при рассмотрении и разрешении индивидуального трудового спора в суде далеко не всегда можно говорить о принятии решения, которое было бы приемлемо для обеих сторон, то есть разрешало бы конфликт. То же самое можно сказать и о рассмотрении и разрешении спора в комиссии по трудовым спорам.

При непосредственных переговорах сторон перед обращением в органы по рассмотрению индивидуального трудового спора стороны пытаются самостоятельно урегулировать возникшие разногласия. В случае, когда им это удастся, считаем, можно говорить непосредственно об урегулировании возникшего конфликта.

Отдельно хотелось бы сказать о мировом соглашении, которое может быть принято сторона на любой стадии судебного процесса, а также а период исполнительного производства. Данный документ также закрепляет взаимовыгодные для сторон условия тем самым разрешая их конфликт.

Несомненно, способом урегулировать конфликт при разрешении индивидуального трудового спора является процедура медиации.

Данная процедура направлена именно на принятие сторонами взаимоприемлемого решения.

Таким образом, в настоящее время законодательством РФ предусмотрены такие способы рассмотрения и разрешения индивидуальных трудовых споров, при которых разрешается не только сам спор, но и конфликт сторон, что не может не быть плюсом как дальнейших трудовых отношений как сторон, так и всей организации в целом.

Список литературы:

1. Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько — Проспект, 2009 г.
2. Гражданский процессуальный кодекс // Собрание законодательства РФ — 18.11.2002 — № 46 — ст. 4532//Парламентская газета — № 220—221 — 20.11.2002 // Российская газета — N 220 — 20.11.2002.
3. Кодекс законов о труде//Ведомости ВС РСФСР. — 1971. — N 50. — Ст. 1007.
4. Кодекс законов о труде//Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. — 1922. — № 70. — Ст. 903.
5. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации//Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
6. Костян И. А. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения индивидуальных трудовых споров // Законы России: опыт, анализ, практика, 2007 — № 4.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Издательство «Азъ», 1992 г.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ. 22 декабря 1992 г. О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при разрешении трудовых споров//Российская газета— 2004.— 8 апреля.
9. Приказ Министерства образования и науки РФ. 14 февраля 2011 г. N 187. Об утверждении программы подготовки медиаторов//Российская газета. 23 марта 2011 г. N 60.
10. Соколова Г. А. Рассмотрение индивидуальных трудовых споров в КТС // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. — 2007 — N 10.
11. Толковый словарь русского языка: в 4 т./ Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М., 1939; Т. 4. М., 1940. (Переиздавался в 1947—1948 гг.); Репринтное издание: М., 1995; М., 2000.
12. Трудовое право России: Учебник / Под ред. А. М. Куренного. — М.: Юристъ, 2004. — С. 436.
13. Трудовой кодекс//Российская газета — N 256 — 31.12.2001//Парламентская газета — N 2-5 — 05.01.2002 //Собрание законодательства РФ — 07.01.2002 — N 1 (ч. 1) — Ст. 3.

14. Трудовые споры и порядок их разрешения. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ido.rudn.ru>.
15. Устинова С. А. Некоторые вопросы правового регулирования создания и организации деятельности комиссии по трудовым спорам как внесудебного органа по защите трудовых прав граждан // Трудовое право. — 2006 — N 12 — с. 88.
16. Федеральный закон. 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации). Российская газета. 30 июля 2010 г. N 168//СЗ РФ. 2 августа 2010 г. N 31 ст. 4162.
17. Федеральный закон. 27 июля 2010 г. N 194-ФЗ. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)". Российская газета. 30 июля 2010 г. N 168//СЗ РФ. 2 августа 2010 г. N 31 ст. 4163.

О ПРИМЕНЕНИИ МЕДИАЦИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Холодионова Юлия Владимировна

канд. юрид. наук, доцент кафедры ТГАМЭУП, г. Тюмень

E-mail: Julia-shwetsowa@mail.ru

Институт медиации в России связан с Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон № 193-ФЗ) [9]. Этот закон устанавливает медиацию в качестве института российского права. В настоящее время на основании Послания Президента РФ [5] и в соответствии с распоряжением Правительства РФ [6] разрабатывается комплекс мер по внедрению медиации в практику деловых отношений и установлению её в качестве обязательной досудебной стадии урегулирования правовых споров. В нашей стране медиаторы как третьи лица, призванные урегулировать конфликт, появились недавно. Необходимость в привнесении этой процедуры на российскую почву возникла недавно в связи с загруженностью судов и тенденцией к развитию судебной системы в русле международных принципов права. Немного истории. Впервые к помощи медиатора при урегулировании различных споров стали прибегать в Соединенных Штатах Америки. Хорошо зарекомендовав себя, институт медиации

получил также распространение в странах континентальной Европы, в Канаде, Австралии, Великобритании и других государствах. В Англии, по данным Центра эффективного разрешения споров (Center for Effective Dispute Resolution), 85 % споров, которые разрешались путем посредничества в указанном Центре, завершались заключением мирового соглашения (при средней продолжительности посредничества в полтора дня), 6% были мирно урегулированы в течение трех месяцев после проведения посредничества и лишь 9 % споров были переданы на разрешение в суд. В Германии медиация гармонично встроена в систему правосудия. Посредники работают прямо при судах, значительно снижая количество потенциальных судебных тяжб. Сегодня медиация интегрирована в немецкие суды не только по семейным делам, но и в суды общей юрисдикции, административные суды и т. д. В большинстве немецких школ права введен постоянный курс медиации. То есть каждый, кто выпускается с юридического факультета, проходит курс медиации. В Китае порядка 30 % споров решается во внесудебном порядке. Посреднические процедуры, в частности, медиация, как инструмент разрешения внутренних споров традиционно были широко распространены в Японии [1, с. 7]. Следует констатировать эффективность действия этой процедуры в ряде стран.

В названии Закона № 193-ФЗ не случайно указано понятие «урегулирование». Далеко не всегда спорящие стороны могут получить удовлетворение требований, заявленных на рассмотрение государственного органа. Это касается практически всех споров. В сфере трудовых отношений в спор неизменно вмешивается «личное», потому что для многих факт существования личных отношений — это определённый способ мотивации к жизни, к удовлетворению своих интересов, амбиций в труде, даже учитывая, что Конституция РФ устанавливает лишь право на труд [2], а не его обязанность. В трудовых отношениях работник и работодатель реализуют свои способности к труду, каждый в той мере, какую роль они играют: первый — реализуя право на труд в рамках заключённого трудового договора, второй — устанавливая правила применения труда в коллективе, разрабатывая проекты трудовых договоров и выплачивая заработную плату за выполненный труд.

Медиация как таковая не является новой для трудового права. Институт посредничества для разрешения споров применяется уже давно, однако направлен только на коллективные трудовые споры. Закон № 193-ФЗ [9] в части 2 статьи 1 указывает на то, что процедура медиации не применяется к коллективным трудовым спорам, однако

часть вторая этой же статьи всё же указывает на возможности применения норм этого закона для споров, возникающих из трудовых отношений. Предметом изучения трудового права России являются трудовые и непосредственно связанные с ними отношения (в юридической литературе их ещё называют — вытекающие из трудовых отношений [3, с. 264]). Медиация может применяться только к тем спорам, которые возникли из трудовых правоотношений, т.е. из трудового договора. Споры из отношений, непосредственно связанных с трудовыми (вытекающие из трудовых отношений), не могут быть урегулированы нормами Закона № 193-ФЗ. Усматривается определённое ограничение на порядок урегулирования видов споров в трудовом праве. Однако, это ограничение временное, так как с процессом популяризации медиации и увеличения корпуса медиаторов по трудовым спорам, государство сможет снять эти рамки. Это дело времени. В настоящее время для многих работающих понятие о медиации ещё не сложилось, однако в большинстве стран Западной Европы, где этот институт уже применяется достаточно давно, процент заключённых соглашений при посредстве медиатора по трудовым спорам превышает количество вынесенных решений судей. Это значит, что по многим спорам всё же существует решение проблемы и не такое болезненное, как поход в суд со всеми последствиями. К сожалению, по-прежнему существующая практика «ищешь правду, а потом — работу» не позволяет гражданам в должной мере защитить свои трудовые права; многие работают при заведомом нарушении их прав годами, соглашаясь на ненормированный режим рабочего времени, который для их категории работы не предусмотрен или получают меньшую заработную плату ввиду применения работодателями различных штрафов за «нарушения» путём вычетов из их заработных плат весьма ощутимых сумм и т. д.

Медиация призвана побудить стороны не решить, а именно урегулировать спор. При этом для всех медиаторов главным условием посредничества в урегулировании конфликтов является беспристрастность. Главная цель медиатора — поддерживать обоих партнеров по конфликту и оставаться «нейтральным». Его кредо должно быть таким: «Я не занимаю выраженной позиции в отношении какой-либо из сторон, не играю роль третейского судьи, а вступаю за обе стороны». Медиатор старается сохранить нейтральную позицию и побуждает стороны к высказыванию своего мнения на протяжении всего процесса медиации. Здесь важна справедливость, а также обеспечение всем участникам равных возможностей для высказывания

своей точки зрения, позиции, интересов, мотивов и пожеланий [7, с. 5]. В трудовые отношения вмешивается «личное», многие работодатели по-прежнему продолжают осуществлять моббинг тех работников, кто хоть немного пытается с ними спорить. Новая система хозяйствования — рыночная экономика — предполагает, что участники регулируемых правом отношений, и трудовых в том числе, — это свободные личности с набором прав, обязанностей и ответственности. Общество формирует человека. В трудовых отношениях работодатель не может быть «царём», его роль в том, чтобы предложить работу, организовать условия для нормального её выполнения и, в случае споров, обязательно выслушать работника. Поскольку «личное» может давить на эти отношения, необходим человек, посредник, который сможет организовать общение спорящих сторон таким образом, чтобы было принято обоюдное решение, которое будет добровольно исполнено.

С другой стороны, какой смысл спорящим прибегать к процедуре медиации, ведь ТК РФ и так устанавливает возможность решить спор без суда с применением комиссии по трудовым спорам, в том числе, если работник освобожден от судебных расходов. Отличия здесь имеются и вполне разумные: в порядке рассмотрения спора и в порядке вынесения решения. Комиссия по трудовым спорам, рассматривая спор, это, как правило, происходит публично, в присутствии трудового коллектива, запрашивает необходимые подтверждающие документы, которые не всегда быстро могут быть подготовлены, заслушивает обе стороны, вызывает экспертов, чья работа не всегда бесплатна, может вынести решение, которое, скорее всего одну из спорящих сторон не удовлетворит. Законная сила решений КТС может быть приведена в исполнение с помощью принудительной силы государства — судебных приставов, которые уж точно решение исполняют, если оно не выполнено добровольно. Острота спора для работника по прошествии некоторого времени спадает, тем более что КТС его рассматривает не очень быстро. Итогом можно считать — навсегда испорченные отношения с прежним, вроде бы приятным человеком — работодателем, проблемный поиск работы, если работник был уволен и различные страдания морального плана. Для медиации это не характерно. Медиатор, приглашенный в спор, создаст условия для процесса переговоров, позволит сторонам самостоятельно прийти к взаимовыгодному решению, которое они обязательно выполнят. Однако на практике иногда происходят парадоксальные случаи: приведем один из примеров, озвученный на семинаре «Медиация в урегулировании коммерческих и трудовых споров», проходившем в

г. Екатеринбурге на базе Центра медиации Уральской государственной юридической академии в марте 2012 года [4]. Спор о незаконном увольнении, медиатор был приглашён, стороны определили дальнейший вариант поведения, инициатор спора получил определённые «отступные», но после этого гражданин обратился в суд, для восстановления на работу. Судья усмотрела в его действиях злоупотребление правом и на основании статьи 10 ГК РФ отказала в его требованиях. Представляется, что это возможная обратная сторона применения медиации. Однако, сам факт такого поведения уже свидетельствует о проникновении норм права в обычную трудовую деятельность.

Полагаю, что применение медиации — это реальная возможность принятия «правильного» решения по трудовым спорам, без излишних страданий и переживаний со стороны работников и подделки в отдельных случаях документов и подкупа свидетелей для работодателей. Трудовые споры не так часты, но разработка нормативных актов о применении процедуры альтернативного разрешения споров (процедуры медиации) позволит создать определённую практику и, как упоминается в части 1 статьи 1 Закона № 193-ФЗ, это приведёт «к содействию развития партнерских деловых отношений и гармонизации социальных отношений в России» [9].

Список литературы:

1. Дементьев О. М. Альтернатива государственному правосудию //Деловой Тамбов. — 2009. — август. — № 4. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.totpp.ru/business-tambov/archive/aug-2009/415-article7>
2. Конституция Российской Федерации, принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года. — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.zakonprost.ru/konstitucija-rf/>
3. Лушников А. М., Лушникова М. В.. Курс трудового права: Учебник: В 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2009.
4. Материалы семинара «Медиация в урегулировании коммерческих и трудовых споров», г. Екатеринбург Центр медиации Уральской государственной юридической академии от 02.03.2012 г. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.mediation-ural.com/index.php/home/416-sem-mart>
5. Послание Президента Федеральному Собранию, 22 декабря 2011 года . [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://kremlin.ru/news/14088>

6. Постановление Правительства РФ от 03.12.2010 N 969 «О программе подготовки медиаторов» // Собрание законодательства РФ, 13.12.2010, № 50, ст. 6706.
7. Тихонова Е. В. Медиация //Деловой Тамбов. — 2009. — август. — № 4. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.totpp.ru/business-tambov/archive/aug-2009/413-article5>
8. Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (В ред. Закона от 25.11.2009 г., с изм. и доп) «Трудовой кодекс Российской Федерации» // «Российская газета», № 256, 31 дек.
9. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ от 27 июля 2010 года, вступивший в силу 1 января 2011года // «Российская газета» — Федеральный выпуск № 5247 от 30 июля 2010 г.

СЕКЦИЯ 16.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Жадан Владимир Николаевич

канд. юрид. наук, доцент ЕИ КФУ, г. Елабуга

E-mail: vlad.zhadan60@yandex.ru

Вопросам анализа криминологических и уголовно-правовых признаков, методике расследования преступлений в сфере экономики посвящено немало публикаций [3; 2; 6; 8; 10; 11]. В меньшей степени изучены проблемы отдельных квалифицирующих признаков экономических преступлений, а поэтому предметом исследования будут некоторые проблемы квалификации способа совершения этих преступлений.

В юридической литературе и уголовном законодательстве используются термины «преступления в сфере экономики», «преступления в сфере экономической деятельности», «экономические преступления», «преступления экономической направленности». Не вдаваясь в дискуссию о содержании указанных терминов, о понятии, сущности и признаках преступлений в сфере экономики, а будем исходить из доктринального положения, что в России при создании нового уголовного кодекса реализован широкий подход к определению экономических преступлений.

В УК РФ [12] имеется раздел VIII «Преступления в сфере экономики», в который вошли три главы — глава 21 «Преступления против собственности», включающая известные ранее виды посягательств на собственность (ст. 158 УК РФ — кража, ст. 159 УК РФ — мошенничество, ст. 160 УК РФ — присвоение или растрата, ст. 161 УК РФ — грабеж, ст. 162 УК РФ — разбой и др.); глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», где наряду с новыми видами деяний, такими, как, например, незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), незаконная организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), легализация (отмывание) денежных

средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (лицом в результате совершения им преступления) (ст.ст. 174, 174.1 УК РФ) и другие, содержатся традиционные — приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ) и другие «новые» налоговые и таможенные преступления (ст.ст. 183, 194-199.2 УК РФ); глава 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» также содержит новации, касающиеся злоупотреблений полномочиями в негосударственных организациях (ст.ст. 201—204 УК РФ). Экономические преступления содержатся не только в указанном разделе, но и в других разделах и главах УК РФ — преступления против интеллектуальной собственности (ст.ст. 146, 147 УК РФ), компьютерные преступления (ст.ст. 272-274 УК РФ), должностные преступления (ст.ст. 285-285.2, 289-291 УК РФ) и т. д.

Таким образом, в юридической литературе к экономическим преступлениям принято относить достаточно широкий круг общественно опасных деяний, квалифицируемых по различным статьям УК РФ.

Экономические преступления, как и все общественно опасные деяния, предусмотренные УК РФ, характеризуются юридически значимыми свойствами и элементами состава преступления. В составе преступления принято выделять четыре элемента, каждый из которых образует группу признаков состава и характеризующих: объект преступления, объективную сторону, субъективную сторону и субъект преступления.

Специфику признаков объективной стороны экономических преступлений следует рассматривать в рамках общих признаков объективной стороны преступления, как элемента состава преступления. К признакам объективной стороны преступления относятся: общественно опасное деяние (действие или бездействие), общественно опасные последствия, причинная связь между деянием и последствиями, время, место, способ, обстановка и иные внешние обстоятельства совершения преступления. В литературе все признаки объективной стороны преступления принято разделять на две группы: обязательные и факультативные. Учитывая законодательную конструкцию, все составы преступления, в том числе и экономические, по общему правилу подразделяются на материальные и формальные (по другой классификации выделяется еще формально-материальные (усечённые). При этом к числу обязательных признаков объективной стороны материальных составов экономических преступлений

(например, ст.ст. 158, 159, 161 УК РФ и др.) следует отнести деяние (действие или бездействие), последствия (ущерб, размер, тяжкие последствия и др.) и причинную связь между ними; для формальных составом этих преступлений (например, ч. 1 ст. 163, ч. 1—2 ст. 166 УК РФ и др.) — деяние (действие или бездействие). Остальные признаки объективной стороны (к которым относятся время, место, способ, обстановка, орудия и средства совершения преступления) являются факультативными. Следует также отметить, что если обязательные признаки во всех случаях используются законодателем для характеристики того или иного преступления, то факультативные — по мере необходимости.

В тоже время факультативные признаки, будучи включенные в объективную сторону состава преступления наравне с обязательными признаками учитываются при квалификации содеянного. Кроме того, такие признаки объективной стороны, как последствия, способ и орудия преступления, выступают также в качестве обстоятельств, отягчающих уголовное наказание.

Юридически значимым среди факультативных признаков объективной стороны преступления и в тоже время в качестве конструктивного или квалифицирующего признака выступает способ совершения преступления.

В УК РФ отсутствует определение понятия способа совершения преступления, хотя понятие «способ» в рамках объективной стороны состава преступления приобрело значение относительно самостоятельной уголовно-правовой категории. Под способом совершения преступления понимается внешняя форма, в которой выражаются преступные деяния, т. е. конкретные методы, приемы, используемые средства, определенная последовательность действий и т. д., применяемые виновным лицом в процессе преступного посягательства [13, с. 85]. Особое значение способ совершения преступления среди остальных факультативных признаков состава преступления приобретает в связи с тем, что именно способ указывает законодатель в большинстве статей УК РФ в качестве основного или квалифицирующего признака. Именно этим обстоятельством обусловлено такое повышенное внимание ученых к характеристике криминообразующих признаков, роли и влиянию способа совершения преступления на квалификацию общественно опасного деяния.

В литературе вопросам анализа способа совершения преступления как уголовно-правового признака объективной стороны состава преступления посвящен ряд публикаций [1; 5; 4; 7]. При этом в меньшей степени изучены проблемы квалификации способа

преступления по отдельным видам преступлений, а поэтому предметом исследования будут некоторые аспекты квалификации способа совершения экономических преступлений.

В уголовно-правовых нормах способ совершения преступления имеет различные формы описания. Так, способ совершения преступления может характеризовать формальную содержательную сторону способа совершения преступления. В этом качестве признак способа в составе преступления имеет различные значения: 1) является признаком основного состава; 2) играет роль квалифицирующего признака, усиливающего наказуемость преступления.

По способу преступления законодатель разграничивает некоторые однородные экономические преступления. При этом способ совершения преступления указывается в диспозиции уголовно-правовой нормы и выступает в качестве обязательного признака состава преступления (например, ст. 158 УК РФ — тайное хищение чужого имущества, ст. 161 УК РФ — открытое хищение..., ст. 159 УК РФ — хищение чужого имущества... путем обмана или злоупотребления доверием, ст. 162 УК РФ — нападение с целью хищения..., совершенное с применением насилия... и др.). Из этого следует, что кража — тайное хищение чужого имущества, грабеж — открытое хищение чужого имущества, мошенничество — хищение чужого имущества ... путем обмана или злоупотреблением доверия, разбой — нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия..., т. е. в этих случаях способ хищения определяет квалификацию совершенного преступления. В других составах экономических преступлений признаки общественно опасного деяния ставятся законодателем в формальную зависимость от метода совершения этого преступления: получение индивидуальным предпринимателем... кредита либо льготных условий кредитования путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии... (ч. 1 ст. 176 УК РФ — незаконное получение кредита); уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица путем непредставления налоговой декларации..., либо путем включения в налоговую декларацию... заведомо ложных сведений... (ч. 1 ст. 198 УК РФ — уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физических лиц) и т.д. Как указывалось выше способ совершения преступления может выступать квалифицирующим признаком этих преступлений (например, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ — кража с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище, п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ — грабеж с применением насилия, не опасного для жизни или

здоровья, либо с угрозой применения такого насилия и др.). Данные исследования свидетельствуют о том, что роль способа совершения экономических преступлений весьма многообразна.

Представляет интерес и вопрос о способе совершения экономических преступления путем активных действий или возможности в форме бездействий. В литературе в этой части указываются противоположные мнения. Не вдаваясь в дискуссию о форме осуществления способа совершения преступления, необходимо отметить, что о способе совершения преступления нельзя рассматривать только применительно к преступлениям, совершаемым путем активных действий. Представляется, что такое мнение базируется на чисто физической стороне исполнения преступного деяния без учета социального содержания преступного бездействия. Способ совершения преступлений при бездействии имеет свои особенности. Преступное бездействие — негативная форма поведения виновного лица, заключающаяся в том, что лицо не совершает действия, которые оно должно было и могло выполнить. В тоже время способ совершения преступления при бездействии имеет специфическое содержание, указывая, какие конкретные действия не совершены и какие при этом использованы силы и средства. Об этом указывается в абз. 2 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «Способами уклонения от уплаты налогов и (или) сборов могут быть как активные действия..., так и бездействие...» [9, с. 1].

В тоже время в некоторых диспозициях уголовно-правовых норм способ совершения преступления требует пояснений, что, однако, законодателем не предусмотрено. К числу экономических преступлений, где в диспозиции нормы «неясно» определен способ совершения преступления следует отнести — ст. 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 199.2 УК РФ «Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов» и другие.

Объективная сторона составов преступлений, предусмотренных в ч. 1 ст. 195 УК РФ, определяется в «сокрытии имущества, имущественных прав либо имущественных обязанностей..., а равно сокрытие... бухгалтерских и иных учетных документов...», а в ст. 199.2 УК РФ — в «сокрытии денежных средств либо имущества...». Представляется, что для уяснения содержания понятия «сокрытие» применительно к конкретным видам преступлений необходимо исходить из субъективной стороны составов преступлений. При этом в абз. 1 п. 20 постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 дается разъяснение, что понимается под сокрытием денежных средств либо имущества исходя из ст. 199.2 УК РФ [9, с. 6].

По мнению автора, под «сокрытием имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей..., а равно сокрытием... бухгалтерских и иных документов, отражающих экономическую деятельность... (ч. 1 ст. 195 УК РФ), сокрытием денежных средств либо имущества... (ст. 199.2 УК РФ)» следует понимать умышленное деяние, направленное на воспрепятствование принудительному изъятию имущества или документов, подтверждающих имущественные права или обязанности, либо выражающееся в уничтожении, фальсификации бухгалтерских и иных учетных документов и связанных с признаками банкротства и причинившее крупный ущерб, а также направленное на полное или частичное утаивание и удержание денежных средств или имущества, подлежащих взысканию недоимки по налогам и сборам в крупном размере. Под крупным ущербом и крупным размером следует понимать стоимость сокрытого имущества или денежных средств исходя из примечания к ст. 169 УК РФ.

Сокрытие имущества, имущественных прав и обязанностей (ч. 1 ст. 195 УК РФ), сокрытие денежных средств или имущества (ст. 199.2 УК РФ) может осуществляться посредством: припрятывания, удержания и утаивания имущества, имущественных прав и обязательств; уничтожения или фальсификации бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность; передачи на хранение другим лицам; совершения с ними мнимых сделок; припрятывания, перемещения, снятие их с учета; перечисление денежных средств на счета третьих лиц и т. д.

К числу экономических преступлений, где в диспозиции нормы также определяется способ совершения деяния можно отнести — ст. 198 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физических лиц», ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организаций» и другие. При этом в абз. 2 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 дается разъяснение, что «способами уклонения от уплаты налогов и (или) сборов могут быть как активные действия в виде умышленного включения в налоговую декларацию... заведомо ложных сведений, так и бездействие, выражающееся в умышленном непредставлении налоговой декларации...» [9, с. 1].

Таким образом, рассмотренные некоторые проблемы квалификации способа совершения отдельных экономических преступлений

являются, как никогда актуальными и требуют детальной проработки. Способ совершения преступления может быть указан как конструктивный признак простого состава или как признак квалифицированного состава преступления не в полном объеме, а путем закрепления в законе отдельных характеризующих признаков, которые могут представлять собой, во-первых, отдельные оценочные характеристики (тайный, открытый, неправомерный, злостный, незаконный и т. д.), во-вторых, отдельные приемы, используемые при совершении определенного рода преступных деяний (незаконное проникновение, обман, злоупотребление доверием, применение насилия, угроза и т. п.). При этом во всех случаях, когда способ в целом или путем обозначения его отдельных признаков указан в диспозиции уголовно-правовой нормы, он становится обязательным признаком в рамках данного состава преступления. В тоже время в некоторых других случаях, когда способ совершения преступления, не будучи конкретизирован в законе, определяется понятием названного общественно опасного деяния и используется в процессе квалификации для ограничения данного деяния от сходных с ним преступлений или правонарушений, его следует рассматривать как обязательный признак такого состава преступления.

Таким образом, следует отметить, что необходимость исследования способа совершения преступления в качестве самостоятельного и юридически значимого признака объективной стороны состава преступления определяется и в уголовно-процессуальном законе. В ходе производства предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу следователь, дознаватель и суд обязаны установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, в том числе в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 73, п. 1 ч. 2 ст. 434 УПК РФ [14] — способ совершения преступления.

Список литературы:

1. Атальянц М. А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Дисс... канд. юрид. наук. М., 2010. — 246 с.
2. Дементьев Е. Е. Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой. М., 1992.
3. Ефимичев С. П., Ефимичев П. С. Расследование преступлений. Теория, практика, обеспечение прав личности. М.: Юстицинформ, 2009. — 315 с.
4. Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории) // Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. — 23 с.

5. Кудрявцев В. И. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советское государство и право. — 1957. — № 8.
6. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики. М., 2006.
7. Панов И. И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве // Автореф. дисс... докт. юрид. наук. Харьков. 1987. — 38 с.
8. Петров И. Э., Марченко Р. Н., Барина Л. В. Криминологическая характеристика и предупреждение экономических преступлений. М.: Академия МВД РФ, 1995. — 126 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 64 от 28.12.2006 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» — [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.consultant.ru.
10. Расследование отдельных видов преступлений в сфере экономической деятельности / под ред. Е.Н. Быстрякова, Е.С. Лапина. Саратов: Научная книга, 2001. — 94 с.
11. Тюнин В. И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности // Дисс... д. ю. н. СПб., 2001. — 525 с.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 07.12.2011) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
13. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / М. П. Журавлев и др.; под ред. А. И. Рарога. — 5-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, изд.—во Проспект, 2006. — 704 с.
14. Уголовно—процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 07.12.2011) // СЗ РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921; — 12.12.2011. — № 50. — Ст. 7362.

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ РЕЙДЕРСТВА

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры экономико-управленческих и
правовых дисциплин Новгородского филиала РГГУ, г. Великий
Новгород*

E-mail: andreeva56@mail.ru

При выявлении признаков преступления, таких как рейдерство, ученые и практики уделяют внимание определению этого деяния, как группового преступления. В отечественном уголовном законодательстве термин «групповое преступление» встречается

только в ч.1 ст.64 УК РФ — активное содействие участника группового преступления его раскрытию. В результате того, что следственная и судебная практика борьбы с групповой преступностью в достаточной мере не подкреплена теоретическими положениями, разработанными с необходимой полнотой и обоснованностью, формируется система, по-разному определяющая как групповую преступность, так и институт «соучастия».

В связи с отсутствием квалификации «рейдерства» как группового преступления организованной группой, необходимо обратиться к иным преступным деяниям, совершенным преступной группой. Например, организованная группа — это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств. Как правило, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы. Поэтому при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст.33 УК РФ [5]. Определив рейдерство как опасное преступление, возможно квалифицировать его как совершенное группой, где действия участников будут признаны соисполнительством.

Верховный Суд РФ также квалифицирует преступление совершенное группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления...» [6]. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, посвященные преимущественно отдельным составам квалификации подобных преступных деяний, неоднозначны в оценке схожих ситуаций и поэтому не способны в полной мере удовлетворить запросы правоприменителей, а также не направляют нормотворческий процесс в целях разграничения понятий группа, по предварительному сговору, соучастия.

Например, п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 Уголовного кодекса Российской Федерации)» определяет, что при квалификации убийства по п. «ж» ч. 2 ст.105 УК РФ необходимо учитывать содержащееся в ст. 35 УК РФ определение понятия преступления, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой лиц. Неоднозначная ситуация складывается и в правоприменительной практике по уголовным делам о хищении чужого имущества. Например, в обзоре надзорной практики Судебной коллегии по

уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 г. указано, что если остальные соучастники ограничились собственными ролями, не будучи соисполнителями (в данном случае они были пособниками), то совершенное ими деяние (квалифицированный грабёж) не может быть квалифицировано как групповое [6, с. 23]

В дальнейшем суды всех уровней стали пытаться последовательно проводить линию на отграничение соучастия от группового совершения преступлений, указывая на то, что группа может состоять лишь из соисполнителей. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отмечается, что если организатор, подстрекатель или пособник непосредственно не участвовал в совершении хищения чужого имущества, содеянное исполнителем преступление не может квалифицироваться как совершенное группой лиц по предварительному сговору. В этих случаях в силу ч. 3 ст. 34 УК РФ действия организатора, подстрекателя или пособника следует квалифицировать со ссылкой на ст. 33 УК РФ (п. 8) [8, с. 581].

Однако в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывается о том, что если другие соучастники в непосредственном изъятии имущества в процессе хищения участия не принимали, но своими действиями оказывали содействие в хищении, в частности, посредством вывоза похищенного, исполняя таким образом роль пособника, то такие лица оказываются соисполнителями, и квалификация содеянного ими не требует ссылки на ст. 33 УК РФ. Следующий абзац п. 10 постановления противоречит предыдущему, и в нём действия пособника уже не рассматриваются как соисполнительство, а оцениваются как соучастие со ссылкой на ст. 33 УК РФ. При этом дача советов, обещание скрыть имущество, устранить препятствия и другие действия оказались не связанными с оказанием помощи непосредственным исполнителям. В одном из определений Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала на то, что дача советов при совершении кражи является пособничеством и группы лиц по предварительному сговору не образует [8, с. 14]. Вместе с тем, в другом определении, которое касалось квалификации кражи как деяния, совершенного группой лиц по предварительному сговору, Коллегия Верховного Суда РФ отмечала, что хотя остальные лица и оказывали содействие исполнителю посредством ожидания соучастника в машине, для того чтобы отвезти его и ценности в определенное место, содеянное ими не является соисполнительством, в связи с чем необходима ссылка на ст. 33 УК РФ и исключение из

приговора такого признака, как «группа лиц по предварительному сговору» [8, с. 23].

Непоследовательность судебных решений, квалифицирующих отдельных преступления как совершенных группой лиц либо в соучастии, требует конкретизации определения рейдерства как группового преступления, совершенного в соучастии, по предварительному сговору. Вместе с тем, абзац 4 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» определил квалификации действий всех соучастников как совершенных соисполнителями в составе организованной группы независимо от исполняемых ими ролей. При этом следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ участников организованной группы определяет в качестве соучастников: «При признании этих преступлений совершенными организованной группой действия все. В связи с вышеизложенным представляет иных соучастников...» [8, с. 583].

Попытка преодолеть непоследовательность судебной интерпретации в отношении критериев наличия группового образования и соответствующей квалификации преступлений уточняется в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» [7, с. 13].

Следует отметить, что в доктрине уголовного права понятие «групповое преступление» трактуется многозначно. Дискуссионным является вопрос о том, является ли групповое преступление формой соучастия, либо это и есть соучастие, либо групповое преступление намного шире понятия соучастия.

В науке уголовного права в связи с различными мнениями относительно определения понятия группового преступления и отличия его от института соучастия высказаны несколько точек зрения. Исследуя понятие группы в уголовном законодательстве, Н. Г. Иванов приходит к выводу о том, что «понятие группы, как оно сформулировано в социальной психологии, включает в себя, во-первых, понятие соучастия, во-вторых, все так называемые его формы. Данный вывод означает, в свою очередь, что соучастие — понятие, которое полностью идентично понятию группы, может принимать лишь одну форму — форму группы. По отношению к другим наименованиям совместной преступной деятельности группа выступает как понятие родовое, где все они являются лишь ее разновидностями» [2, с. 13].

Другие исследователи отождествляют понятие «групповое преступление» с определенной формой соучастия, обычно с соисполнительством. По мнению иных ученых, наличие группы возможно лишь тогда, когда существует двусторонняя субъективная связь между ее участниками: при соучастии с распределением ролей такая связь должна достигать степени организованности, а в преступном сообществе — степени устойчивости [1, с. 65].

Действия рейдеров направлены на группы предприятий (сети), на предприятия, связанные технологической цепочкой либо крупный бизнес, получили транснациональное значение. Квалификация рейдерского захвата, как захвата предприятия, становится частным примером, а наиболее общим, охватывающим данное противоправное явление, явился противоправный захват бизнеса. Рейдерство является групповым преступлением с множественным соучастием, по предварительному сговору.

Для правильной квалификации действий лиц, которые совершили рейдерский захват бизнеса или рейдерское нападение на бизнес, необходимо провести отграничение рассматриваемого преступления от составов экономических преступлений главы 22 УК РФ [9].

Захватом, согласно российскому уголовному законодательству, являются внезапные для потерпевшего агрессивные действия виновного, которые соединены с насилием или угрозой применения насилия. Нападение и следующее за ним насилие (или угроза) составляют органическое единство двух противоправных актов, которые объединены единой целью — завладение материальным производственным комплексом либо установлением контроля над бизнесом. Поэтому факт рейдерского захвата бизнеса, можно рассматривать только условно, вместе с тем вне насилия или угрозы применения насилия рейдерство не теряет уголовно-правового значения. Захват предприятия может быть произведен только преступной группой, по предварительному сговору.

Насильственный характер действий по захвату предприятия возможен посредством использования организованной силы (преимущественно вооруженной) — законных силовых структур, незаконных вооруженных формирований либо массового участия граждан, а также демонстрации готовности применить силу. Следовательно, употребление понятия «захват» в Уголовном кодексе РФ свидетельствуют, что «захват» как уголовно-правовое понятие включает в себя насилие с целью установление контроля, господства над захватываемым объектом и применимо к ситуации в области предпринимательства.

Таким образом, действие в уголовно-правовом значении представляет собой активное, осознанное, волевое, обладающее общественной опасностью, поведение человека, причиняющее существенный вред или создающее угрозу причинения такого вреда ценностям, охраняемым уголовным правом. Действие в ходе рейдерской атаки в уголовно-правовом смысле может быть выражено в непосредственном физическом воздействии на предмет преступления, удаление с территории предприятия работников предприятия и менеджеров, приостановлении деятельности или нарушении производственного процесса и не может быть совершен единолично.

В отношении рейдерства, законодатель избирает оценку данного деяния посредством набора норм Особенной части УК РФ, тем самым практически не признавая групповой характер рейдерства, как уголовного деяния. В зависимости от объекта посягательства, от условий места и времени, от намерений преступника он избирает способом достижения своих целей действия различного рода: подлог документов, нанесение телесных повреждений, похищение имущества и т. д. Все эти действия, применяемые в ходе рейдерской атаки, могут быть насильственными и ненасильственными и возможны только при наличии предварительного сговора и организованной группой.

В большинстве случаев рейдерство состоит не из одного телодвижения, а из ряда актов, тесно связанных между собой своим объективным содержанием и целями субъекта. Имеется множество способов захвата предприятия рейдерами, они зависят от разных условий (организационно-правовой формы, наличия задолженности по кредитам, степень близости захватчика к административному ресурсу и многое другое).

Из нескольких однородных действий, объединенных единой целью, состоят рейдерские преступления. В некоторых случаях точнее было бы рассмотреть не действия, а деятельность преступников, слагающейся из целого комплекса поступков, взаимно друг с другом связанных. Преступники в ряде случаев направляют свои действия не непосредственно на объект посягательства, а использует для достижения преступного результата промежуточные звенья: поступки других лиц (например, при подстрекательстве к совершению преступления), различные механизмы (например, средства транспорта) и т. п. [3, с. 104].

Преступное действие описывается в диспозициях статей Особенной части уголовных кодексов с различной степенью конкретности. Исследовав состояние законодательства, автор считает

возможным выделить рейдерство отдельным видом уголовно наказуемого деяния, создав отдельную статью УК РФ «Рейдерство» и выделив отдельную главу о защите бизнеса в Особенной части УК РФ. Необходимо квалифицировать «рейдерство» исключительно как преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Данная статья УК РФ позволит отграничить это противоправное деяние от других уголовно наказуемых деяний в области экономики.

Рейдерство носит ярко выраженные групповые признаки: рейдеры и должностные лица действуют согласованно, при этом, чиновники используют свои должностные возможности, а нередко, руководят процессом захвата бизнеса; должностные лица, уполномоченные либо не уполномоченные на издание нормативных и иных правовых актов, издают правовые акты, способствующие либо облегчающие процесс рейдерского захвата; должностные лица издают заведомо незаконные правовые акты, направленные против предпринимательской деятельности, либо участвуют в процедурах создания особых условий конкуренции; проявляется влияние чиновников на решения «дружественных судов».

Групповой характер и предварительный сговор, по мнению автора, является подтверждением особой общественной опасности рейдерства. От содержания преступного действия и способов его совершения во многом зависят характер и тяжесть наступивших последствий. Некоторые из них могут повлечь, кроме основного, еще и побочные вредные результаты; другие действия представляют опасность тем, что являются более распространенными или раскрываются с большими трудностями; третьи опасны тем, что применяются организованной группой лиц, требуют определенной подготовки или связаны с совершением других преступлений.

Способ действия важен, таким образом, не только для правильной квалификации содеянного, но и для определения степени его общественной опасности и, следовательно, меры наказания виновному. Действие начинается с момента совершения первого сознательного и волевого телодвижения. Конечный момент действия — это его прекращение (в том числе по не зависящим от лица обстоятельствам), либо наступление общественно опасных последствий, либо декриминализация деяния. Обязанность совершения действий может следовать: из нормативно-правового акта, из договора, из профессии или служебного положения, из предшествующего поведения, которым создавалась угроза причинения вредных

последствий. При бездействии не обязательно, чтобы субъект преступления поступал пассивно во всех отношениях.

Противоречия в дефинициях «рейдерства» диктуют необходимость уточнения определения данного понятия с целью четкой фиксации его объема и содержания. Наличие общественной опасности рейдерства представляет собой качественный признак преступления. Данный признак выражает материальную сущность и объясняет, почему деяние признается преступлением. Противоправность свидетельствует о том, что группа лиц, осуществляющих захват, нарушила запрет, содержащийся в уголовно-правовой норме.

В целом возможно определить перечень основных черт, свойственных деятельности рейдерских организованных преступных формирований, в том числе:

- высокий уровень организации и конспирации преступной деятельности которая осуществляется членами высокоорганизованного преступного сообщества с иерархичностью его построения, при котором функции исполнительские и организационные не совпадают;
- наличие коррумпированных связей в аппарате власти и управления, а также в правоохранительных органах;
- наличие организованных преступных групп за счет создания структур, обеспечивающих внешнюю и внутреннюю безопасность преступного сообщества (группы вооруженной охраны, группы разведки, контрразведки);
- масштабный, межрегиональный и международный характер преступной деятельности. Проникновение в отрасли экономико-хозяйственной и банковско-кредитной деятельности;
- концентрация бюджета преступного сообщества в форме общественных организаций, в том числе «псевдо-антирейдерского» характера;
- связь с «теневой экономикой»;
- осуществление контрольных функций над легальной банковско-коммерческой деятельностью, а также над профессиональной преступной деятельностью нелегального характера.

Автор считает, что в основе квалификации рейдерских захватов по основанию их совершения организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), не должны лежать только оценочные признаки «устойчивость» и «сплоченность». Ее основу должны составлять постоянные признаки, содержание

которых остается неизменным, не зависящим от конкретных обстоятельств дела.

Некоторые сложности в правоприменительной практике вызывает вопрос о численности рассматриваемых преступных формирований. Несмотря на то, что уголовный закон не указывает на конкретное число лиц, которое должно входить в состав преступной группы для ее признания организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), по смыслу уголовного закона их должно быть два и более, иначе не может быть речи о соучастии в целом. Практика показывает, что организованные преступные группировки состоят из нескольких десятков, сотен, тысяч человек, поэтому указание в законе на двух, трех или четырех участников рассматриваемых преступных групп особого значения не имеет.

Вместе с тем, главой 22 УК РФ определены виды уголовно наказуемых деяний, совершаемых в сфере экономической деятельности. В указанной главе содержатся виды преступлений, совершаемых лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность и другую деятельность экономической направленности. Исследовав состояние законодательства, автор считает возможным выделить «рейдерство» двумя отдельными составами уголовно наказуемого деяния, определив понятие, как противоправный захват бизнеса либо посягательство на предпринимательскую деятельность.

Разграничение двух составов рейдерства может быть определено по основному объекту преступления. При рейдерском захвате — это безопасность экономических отношений в широком смысле, при завладении бизнесом — экономическая безопасность отдельного производственного комплекса.

Таким образом, уголовно-правовая политика в борьбе с рейдерством заключается в определении квалифицирующих признаков «способствующих рейдерскому захвату», внесения изменений в действующий УК РФ, принятие антирейдерских норм, включив две отдельные статьи в главу 22 УК РФ [9].

Следовательно, общественная опасность деяния является основным свойством и главным признаком преступления. По мнению автора, необходимо законодательно закрепить сущность общественно опасного деяния (рейдерства) в целях отграничения от смежных форм общественно опасного поведения, как групповое преступление, совершенное по предварительному сговору.

Список литературы:

1. Гузун В. У. Понятие группы при совершении преступлений // Социалистическая законность. 1975. № 4. С. 65
2. Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991. С. 13
3. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 2002. С. 104.
4. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 г// Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 6.
5. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 № 1«О судебной практике по делам об убийстве (статья 105 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 11
6. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 9. С. 21.
7. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.06.2004 № 11«О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»// Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 7.
8. Судебная практика к Уголовному кодексу РФ / под ред. В. М. Лебедева. М., 2005. С. 581
9. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ с изм. 07.03.2011 г. № 26 - ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ XXI ВЕКА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Басанов Владимир Васильевич

*канд. юр. наук, доцент КГУ, зав. кафедрой уголовного права и
процесса, г. Элиста*

Булуктаев Дмитрий Александрович

*студент Калмыцкого госуниверситета, г. Элиста
E-mail: dimitrib@mail.ru*

Алексеев Борис Алексеевич

*студент Калмыцкого госуниверситета, г. Элиста
E-mail: Alekseev_b@inbox.ru*

В настоящее время вопросам терроризма и преступлениям террористической направленности посвящено большое количество работ. Весь научный мир и психологи, политологи, социологи, юристы-криминалисты, юристы-международники, конституционалисты дают свою правовую и иную оценку таким преступлениям, однако по мнению авторов, анализ и детальное исследование новейшего законодательства, научной доктрины и судебной практики позволяет говорить о том, что российское государство и международное сообщество «не дремлет», оно ведет разработку новейших средств защиты мирного населения от этого чудовищного по размаху преступления.

Прежде чем перейти к анализу актов, касающихся терроризма на взгляд авторов, необходимо раскрыть понятие терроризма.

Террор (лат. terror страх, ужас) — политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами.

Терроризировать — 1) преследовать, угрожая расправой, насилием; 2) запугивать, держа в состоянии страха [17, с. 605].

Словарь С. И. Ожегова дает следующее определение: «Террор — физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам» [12, с. 707].

Закон России «О противодействии терроризму» определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с

устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [20].

Государственный департамент США дает следующее определение терроризму: «Терроризм — это заранее подготовленное политически мотивированное насилие в адрес не вовлеченных в боевые действия целей, осуществляемое тайными агентами или представителями тех или иных национальностей, направленное на оказание влияния и получение аудитории» [22].

По мнению известного геополитика А. Дугина, «терроризм — метод политического действия, свойственный тем группам и сектам политического (геополитического, религиозного) спектра, которые в силу определенных обстоятельств не способны добиться своих целей (или просто заявить о себе, сообщить о своей точке зрения в желаемом масштабе), действуя в рамках закона» [5, с. 292].

На взгляд социального психолога Д. В. Ольшанского, часто путаются террор как некоторая политика, осуществляемая насильственными методами (методы террора), и террор как результат, следствие такой политики. С точки зрения психологии, террор — такое повторяющееся и нарастающее переживание страха, которое приводит к ужасу, а терроризм — это обобщенное понятие, обозначающее уже комплексное явление, включающее страх и ужас как цель определенных (террористических) актов и действий, сами акты и действия, их конкретные результаты и весь спектр более широких последствий. Психологически, терроризм — это еще и способ жизни, мышления и особой деятельности, включая мотивы, идеологические обоснования и оправдания тех, кто использует террор как цель (иногда самоцель) и средство достижения своих потребностей и интересов, то есть, террористов [13, с. 15].

Терроризм — это война нервов, успех в которой достигается за счет внезапности, непредсказуемости места, времени, обстоятельств. Проигрывая в силе, терроризм выигрывает в мобильности, во времени и пространстве. Даже если терроризм подавлен силой, это еще не значит, что надо праздновать победу. Остается питательная среда, а именно: разные целевые установки, несовместимость мировоззрений, различные жизненные позиции, стремление добиться социальной справедливости для униженных и обездоленных слоев общества [8, с. 3—4].

Терроризм [от лат. *terrorem* — устрашение] — феномен социальной психологии, проявляющийся в условиях откровенно конфликтных ситуаций как средство их максимального обострения.

На взгляд авторов в происхождении терроризма есть что-то зловеще загадочное, как бы иррациональное, до конца не понятное. Г. А. Дробот указывает на мрачное обаяние терроризма и трудности его интерпретации [4, с. 59—86].

Также нужно обратить внимание на мнение международного сообщества. Оно, осознавая опасность терроризма и стремясь выработать эффективные меры по его предупреждению, приняло ряд документов, к которым относятся конвенции Организации Объединенных Наций (например, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников [11, с. 1923], Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [11, с. 2539], Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [11, с. 2551], Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [11], Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма [7] и др.

Верховный Суд Российской Федерации полагает, что терроризм ни при каких обстоятельствах не может быть оправдан соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного характера, а лица, виновные в совершении актов терроризма и других предусмотренных указанными конвенциями преступлений, должны привлекаться к ответственности в соответствии с законом и им следует назначать наказание с учетом тяжести совершенных преступлений [14].

Анализ показывает, что эти документы носят характер описания прецедента, ограничиваются перечислением видов террористических деяний и рекомендуемых действий, мер по борьбе с ними.

В современной научной литературе наблюдается неопределенность понятий. Термины «терроризм», «террор», «террористический акт» выступают как синонимичные.

Терроризм — сложное общественное явление, а террористический акт — преступное деяние, связанное с этим общественным явлением, вытекающее из него.

«Террор» имеет более узкое и конкретное содержание по сравнению с «терроризмом» как явлением. Собственно, террор — это метод социального устрашения и деморализации общества, давления на государственную власть в политических интересах преступников [6, с. 8—9].

Все это правильно, мнения могут быть различными, но все они едины, когда называют терроризм страшным преступлением сеющим страх и панику у граждан любого государства. Терроризм не имеет границ, у него нет национальности, он не останавливается ни перед чем.

Резкий рост количества и масштабов террористических актов сделал терроризм одной из наиболее значимых угроз национальной безопасности России.

Адекватное повышение эффективности противодействия террористической угрозе должно достигаться как за счет активизации работы спецслужб и правоохранительных органов, совершенствования уголовно-процессуального, уголовного законодательства, направленного на обеспечение неотвратимости и ужесточения наказания за совершение преступлений террористического характера, так и за счет потенциально возможного использования в будущем чрезвычайных мер [2, с. 18].

Глобальная опасность международного терроризма стала особенно ощутимой в связи с террористическими акциями в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. Знаменательна единодушная реакция мирового сообщества, проявившаяся в координации действий с целью пресечения тягчайшего международного преступления. Об этом свидетельствуют резолюции Совета Безопасности ООН № 1368 (2001) от 12 сентября 2001 г. [15] и № 1373 (2001) от 28 сентября 2001 г. [16].

Указанные резолюции квалифицируют любые акты международного терроризма как угрозу для международного мира и безопасности и подчеркивают значение международных антитеррористических конвенций, ориентируя государства на универсальное участие и на обеспечение их полного осуществления.

В резолюции 1373 г. особо выделяются такие меры, обязательные для всех государств, как предотвращение и пресечение финансирования террористических актов (этому посвящена Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма), воздержание всех государств от предоставления в любой форме поддержки организациям или лицам, замешанным в террористических актах, обеспечение квалификации в законах террористических актов как серьезных уголовных правонарушений с соответствующими наказаниями [10, с. 427].

Финансированием терроризма следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для обеспечения

организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений (например, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц) [14].

Р. Р. Вахитов, относительно терроризма, отмечает, что США представляет собой некий оплот демократии в море хаоса, выбрасывающего на поверхность протуберанцы кризисов, волнений и терактов [1]. По его мнению, это связано с тем, что США в последнее время не без определенного самолюбования стремятся играть роль борца с терроризмом, и даже чуть ли не спасителя планеты от «чумы международного терроризма». У широких кругов обывателей, утоляющих информационный голод исключительно при помощи прозападных СМИ, и складывается впечатление, что в самих Соединенных Штатах в отношении терроризма все более чем благополучно. На самом деле это заблуждение и к современному «мировому жандарму» в значительной мере применимы слова древней поговорки: «врач, сначала исцели себя сам». США всегда были и остаются рассадником экстремизма и терроризма и в общем-то это неудивительно для страны, костяк которой в годы ее основания составили разного рода авантюристы, диссиденты и просто бандиты, бежавшие от европейского правосудия и в которой право грубой силы вплетено в национальный менталитет и официальную историю [1].

Главной и основной формой проявления терроризма является террористический акт.

Высокая степень общественной опасности террористического акта (терроризма) обуславливается тем, что он выполняет социально-деструктивную функцию, связан с культом насилия, порождает в обществе страх, беспокойство граждан за свою безопасность и безопасность их близких. В современных условиях опасность терроризма многократно возрастает, ибо человечество получило доступ к оружию массового поражения — ядерному, химическому, биологическому, лазерному и т.д., которое обладает огромной разрушительной силой. Поэтому международное сообщество принимает серьезные меры (в том числе в виде заключения международных документов) по выработке эффективных мер противодействия этой социальной болезни XXI века. В этом смысле терроризм относится к числу конвенционных преступлений.

В соответствии со ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму» под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами государственной власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях [18, с. 342-343]

По данным Верховного суда России, в 2010 году за преступления террористической направленности в России были осуждены 233 человека, причем большинство — 167 — за создание или участие в незаконных вооруженных формированиях. Уже в прошлом году, по статистике Судебного департамента при Верховном суде России, за шесть месяцев по статье «террористический акт» было осуждено 28 человек, тогда как за весь 2010 год за теракт осудили 7 человек [9].

На взгляд авторов, исследуя терроризм нельзя не затронуть и такой вопрос тесно связанный с этим преступлением, как вербовка террористов.

Под вербовкой предлагается понимать действия, направленные на вовлечение лица в террористическую деятельность, а под финансированием терроризма не только оказание финансовых услуг, но и сбор материальных средств, например, предметов обмундирования или средств связи. Так что если ночью в дом постучались вооруженные бородачи, подарить им по дружбе старенький камуфляж и отдать мобильный телефон тоже в некотором роде финансирование терроризма. Если, конечно, они не забрали все силой. Понятно, что ночным гостям с автоматами отказать трудно. Но если человек по доброй воле днем собирает «благотворительную» помощь боевикам, он подсуден [9].

Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. указывает, что «вербовка террористов» означает привлечение другого лица к совершению или участию в совершении террористических преступлений или к присоединению к какому-либо объединению или группе с целью содействия совершению этим объединением или группой одного или нескольких террористических преступлений [7].

Вербовку террористов нельзя допускать, государство должно принять ряд мер, которые бы блокировали доступ такой информации в СМИ или другие методы негативного воздействия на население.

По мнению авторов, категория граждан, которые склоны перейти на сторону «зла» это граждане, которые в некоторых случаях идут на этот шаг из-за отсутствия работы, из-за нерешенных государством

вопросов национальных столкновений, из-за наркотической или иной зависимости молодого населения, из-за слабой агитации государства, из-за отсутствия «правильной» идеологии государства, из-за незащищенности прав и свобод человека.

Здесь, уместно будет привести несколько строк из отчетного доклада Уполномоченного по правам человека В. Лукина: «Защита прав и свобод человека, тем более одного человека, — дело обременительное и по большому счету бесполезное для отчетности. Логика такова, что, столкнувшись в сфере своей ответственности с проблемой одного человека, любое государственное ведомство задумается скорее о том, как ему отказать, нежели бросится на его защиту. Например, нерадивый следователь, получив заявление о преступлении, прежде всего поищет повод отказать заявителю, а не возбудить уголовное дело. Ведь за такой отказ не накажут, его в большинстве случаев даже не заметят. Напротив, возбудив уголовное дело, следователю придется проделать много работы, за успешное выполнение которой его вряд ли наградят, зато за неудачу наказать могут. Такая же логика определяет поведение отнюдь не единичных должностных лиц и других государственных ведомств, призванных защищать права и свободы человека» [3, с. 22].

Несмотря на весь ужас, который сеет терроризм нельзя поддаваться, нельзя идти на поводу у террористов, именно эти цели преследует террорист, именно этого хочет добиться от мирного населения и государства. Государство в свою очередь должно обеспечить безопасность и мир. Способствовать этому можно только сообща, и международное сообщество, и государство в лице его органов, сами граждане вместе могут добиться желаемой цели.

Список литературы:

1. Вахитов Р. Р. Современный терроризм: мифы и реальность. // Альманах «Восток» 2003. № 4.
2. Гаврилов Б. Я. Современная стратегия законодательного обеспечения борьбы с проявлениями терроризма и насильственного экстремизма. // «Российский следователь» 2006. № 1. —18 с.
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2011 год // Российская газета. № 48. 6 марта 2012. —22 с.
4. Дробот Г. А. Международный терроризм как объект изучения. // Социально — гуманитарные знания. 2008. № 1. — 59—86 с.
5. Дугин А. Геополитика постмодерна. М.: 2007. —292 с.
6. Исаева Т. Б. Основные дефиниции терроризма. // «Российский следователь». 2008. № 21. —8—9 с.

7. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://conventions.coe.int>
8. Королев А. А. Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении: История и современность. М.: Московский гуманитарный университет, 2008. —3—4 с.
9. Куликов В. Не судить сгоряча. // «Российская газета» Федеральный выпуск № 5700 (27) 09.02.2012.
10. Международное право: Учебник для вузов. 2-е изд./ Отв. ред. проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. — М.: изд. НОРМА-ИНФРА, 2002. — 427 с.
11. Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч II / сост. К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. М. Проспект. 2006. —1923,—2539,—2551 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: 1982. —707 с.
13. Ольшанский Д. В. Психология террора. Издательство: Питер, 2002. —15, 17—18 с.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.vsrfg.ru>
15. Резолюция СБ ООН 1368 от 12 сентября 2001 г. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2001/res1368.htm>
16. Резолюция СБ ООН 1373 от 28 сентября 2001 г. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2001/res1373.htm>
17. Современный словарь иностранных слов. М.: 1982. —605 с.
18. Уголовное право России. Особенная часть. /Под ред. А. И. Рапога. 3-е изд. М.: Эксмо, 2009. —342—343 с.
19. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ с изм. 07.03.2011 г. № 26-ФЗ // СЗ РФ.-1996. — № 25. — Ст. 2954.
20. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изменениями от 27 июля 2006 г., 8 ноября, 22, 30 декабря 2008 г., 27 июля, 28 декабря 2010 г., 3 мая, 8 ноября 2011 г.) // СЗ РФ № 11. Ст. 1146. 13.03.2006 г.; СЗ РФ №46. Ст. 6407. от 14.11.2011 г.
21. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.sectesco.org/RU/show.asp?id=82>
22. Us Department of State Report on Patterns of Global Terrorism, 2001. <http://fpc.state.gov/documents/organization/33630.pdf>

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ)

Колбасова Елена Владимировна

*соискатель кафедры уголовного права и процесса, ассистент
кафедры финансового, административного права и основ
правоведения РГУ имени С. А. Есенина, г. Рязань
E-mail: ele-mazaeva@yandex.ru*

Ограничение свободы как вид уголовного наказания в Российской Федерации с начала 2010 года вступило на новый этап своего развития. До сих пор продолжают дискуссии теоретического и практического характера о проблеме целесообразности коррекции ст. 53 УК РФ. Однако Российская Федерация в этом плане не является первооткрывателем. Многие положения указанной нормы уже существовали в зарубежных государствах еще до внесения изменений в российское уголовное законодательство. Обратимся к наиболее значимым из них на примере уголовного законодательства Литовской республики и Республики Польша.

Например, в УК Литовской республики и Республики Польша закрепляются ряд отличительных положений, регламентирующих порядок возложения на осужденного к ограничению свободы определенных обязанностей и запретов, что, во многом созвучно тем ограничениям, которые налагаются на российских осужденных к ограничению свободы в настоящее время.

Следует отметить, что уголовное наказание в виде ограничения свободы, применяемое в Литве и Польше также как и в России, в отличие от иных исследуемых зарубежных стран, может отбываться по месту жительства осужденного.

Кроме того, в ч.3 ст.48 УК Литвы указано, что на лиц, осужденных к ограничению свободы, возлагаются ряд обязанностей:

1. не менять места жительства без ведома исполняющей наказания инстанции;
2. выполнять установленные судом обязательства и придерживаться установленных судом запретов;
3. в установленном порядке отчитываться о выполнении запретов и обязательств [3].

При этом для лица, приговоренного к ограничению свободы, могут быть назначены один или несколько запретов или обязательств.

В соответствии с ч. 5 ст. 48 УК Литвы суд может запретить:

1. посещать определенные места;
2. общаться с определенными лицами или группами лиц;
3. иметь, пользоваться, приобретать, хранить у себя или передавать на хранение другим лицам определенные вещи [3].

Данные запреты и обязательства были бы очень полезны и для российского государства, в частности запрет на общение с определенными лицами или группой лиц. Поскольку для успешного исправления осужденного необходимо оградить его от влияния криминальной среды, оказывающей огромное влияние на поведение. Конечно, данный запрет в условиях российского государства можно реализовать только путем увеличения объема времени, проведенного осужденным дома под контролем и надзором уголовно-исполнительной инспекции. Однако нельзя забывать и о так называемых преступлениях на бытовой почве. В таком случае необходимо предусмотреть порядок реализации запрета на общение с членом семьи, который является к тому же потерпевшей стороной.

В ч. 6 ст. 48 УК Литвы указывается, что суд может также обязать:

1. в определенное время находиться дома;
2. возместить преступным деянием причиненный имущественный ущерб или загладить такой ущерб своим трудом;
3. трудоустроиться или зарегистрироваться на бирже труда, учиться;
4. лечиться от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания в случае согласия осужденного;
5. безвозмездно отработать до 200 часов в сроки, определенные судом, но не более, чем срок ограничения свободы, в учреждениях здравоохранения, ухода и попечительства или в негосударственных организациях, осуществляющих попечительство над инвалидами, престарелыми или иными, нуждающимися в помощи, людьми [3].

Данная норма во многом вызывает интерес. Поскольку подобное положение в российском уголовном законодательстве уже существует, однако находится в ст. 73 УК РФ «условное осуждение», где предусмотрены следующие обязанности для осужденного:

- не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного,
- не посещать определенные места,
- пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания,

- трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательном учреждении [5].

Данное сходство во много лишь запутывает порядок применения ограничения свободы и условного осуждения. Хотя данные обязанности было бы неплохо перенести и в ст. 53 УК РФ, что также полезно для наиболее эффективной работы по исправлению осужденного к ограничению свободы.

Однако, по мнению автора, литовский законодатель очень предусмотрительно ввел обязанность по безвозмездной отработке в учреждениях здравоохранения, ухода и попечительства или в негосударственных организациях, осуществляющих попечительство над инвалидами, престарелыми или иными, нуждающимися в помощи, людьми. В Российской Федерации данная категория людей слишком велика. Подобная деятельность на общественных началах принесла бы пользу не только государству, в виде бесплатной рабочей силы и реальной помощи нуждающимся людям, но и осужденным к ограничению свободы. К тому же, оказывая помощь кому-либо, чувствуешь себя нужным обществу и государству в целом, возникает потребность в изменении своего собственного поведения, во многом в лучшую сторону, приходит раскаяние за совершенное преступление. При этом достигается самая важная цель уголовного наказания — исправление.

Вызывает особый интерес положение ч. 7 ст. 48 УК Литвы, согласно которой суд вместо запретов или обязательств, по просьбе самого лица или других участников уголовного процесса может назначить для осужденного другие, не предусмотренные уголовным законом, запреты или обязательства, если, по мнению суда, это может положительно повлиять на поведение осужденного.

Количество определенных судом запретов и ограничений для осужденного не устанавливается, однако они должны быть согласованы.

Если осужденный не может выполнить назначенные обязательства по объективным причинам, по представлению исполняющей наказания инстанции суд может заменить установленные ограничения денежным платежом в фонд потерпевших от преступлений лиц в размере от 5 до 25 МПМ (ч. 9 ст. 48 УК Литвы) [3].

В УК РФ перечень ограничений подлежит корректировке только в период отбывания ограничения свободы по представлению уголовно-исполнительной инспекции.

В Польше ограничение свободы присутствует в качестве самостоятельного вида уголовного наказания (ч. 2 артикула 32 УК Польши). Ограничение свободы назначается на срок до 12 месяцев. В отличие от УК Литвы польский законодатель предусматривает только

лишь определенные обязанности осужденного. В соответствии с ч. 2 ст. 34 УК Польши во время отбывания ограничения свободы осужденный:

1. не может без согласия суда менять место постоянного пребывания;
2. обязан выполнять работу, указанную судом;
3. обязан давать пояснения относительно отбывания наказания;
4. лишается права занимать выборные должности в общественных организациях [4].

В ч. 1 ст. 35 УК Польши конкретизируется обязанность выполнения работы, указанной судом, а именно: выполнение неоплачиваемой контролируемой работы на общественные цели, указанные судом, на соответствующем предприятии, объекте службы здравоохранения, социальной защиты, организации или учреждения, оказывающих благотворительную помощь, или в пользу местной обществуности в размере от 20 до 40 часов ежемесячно. При этом место, время, вид и способ выполнения обязанности работать определяется судом с учетом мнения осужденного.

Интересно то, что суд вместо обязанностей, предусмотренных в ч. 1 ст. 35 УК Польши, может произвести отчисления от 10 до 25% заработка в пользу государства либо на общественные цели, указанные судом. Кроме того, во время отбывания наказания осужденный не может без согласия суда прекратить трудовые отношения [4].

Как видно, наказание в виде ограничения свободы по польскому уголовному праву включает в себя наказание в виде общественных (обязательных) работ либо исправительные работы по месту работы, причем в более суровом варианте, чем в российском УК РФ. Если по УК РФ продолжительность обязательных работ не может превышать для взрослых 240, а для несовершеннолетних — 160 часов, то суммарное количество отработанных часов, которые должен отработать осужденный в Польше, может составлять 480 часов.

Заслуживает внимание положение ст. 36 УК Польши, согласно которому, назначая наказание ограничением свободы, суд может передать осужденного под надзор куратора или лица, заслуживающего доверия, объединения, учреждения либо общественной организации, к деятельности которой относится забота о воспитании, предупреждение деморализации или оказание помощи осужденным. Причем контроль осуществляется в тесном контакте с ОВД и администрацией предприятий, на которых работают осужденные. Органы, исполняющие приговор, систематически информируют суд о

характере выполняемой работы осужденными и соблюдением ими правопорядка.

В соответствии с ч. 2 ст. 36 УК Польши, назначая наказание ограничением свободы, суд может возложить на осужденного определенные обязанности, предусмотренные в ст. 72 ч. 1 пп. 2, 3 или 5, а также ч. 2. К таковым относятся следующие:

- извиниться перед потерпевшим (п. 2 ч. 1 ст. 72 УК Польши);
- выполнять возложенную на него обязанность произвести выплату на содержание другого лица (п. 3 ч. 1 ст. 72 УК Польши);
- воздержаться от употребления алкоголя или потребления другого одурманивающего средства (п. 5 ч. 1 ст. 72 УК Польши);
- устранить причиненный вред полностью или частично, хотя и была применена уголовно-правовая мера, предусмотренная в ст. 39 п. 5 (обязанность возместить вред), либо уплатить денежную выплату, указанную в ст. 39 п. 7 (денежная выплата) (ч. 2 ст. 72 УК Польши) [4]. При этом только суд решает возможность установления, расширения или изменения обязанности, либо освобождения от исполнения соответствующих обязанностей, закрепленных в пп. 2, 3 и 5 ч. 1 ст. 72 УК Польши.

Если осужденный уклоняется от отбывания ограничения свободы, такое наказание заменяется ему штрафом или лишением свободы на срок ограничения свободы. При этом срок лишения свободы, определенный лицу взамен ограничения свободы, не может быть более максимального предела наказания в виде лишения свободы, предусмотренного санкцией статьи особенной части, по которой квалифицировались действия осужденного.

В. А. Уткин считает, что польский законодатель сравнительно четко определяет свою позицию относительно предупредительных, воспитательных, восстановительных сторон данного наказания и сугубо карательных (репрессивных) свойств, которые и составляют его содержание [6, с. 45]. К последним, В. А. Уткин относит карательное ограничение свободного времени осужденного, лишение или ограничение его права на оплату труда. Кроме того, нельзя отнести юридическому содержанию «польского варианта» ограничения свободы такие факультативные обязанности, как извинение перед потерпевшим либо воздержание от употребления алкоголя или одурманивающих веществ (ст. 72 УК Польши). Сами по себе они несут позитивную, социально одобряемую обществом функцию и при всех обстоятельствах не могут и не должны превращаться законодателем в элементы уголовного наказания, в то, что должно вызывать у осужденного страдания, позорить его в глазах общества [6, с. 45]

По мнению С. М. Улезько, меры, применяемые к осужденному по уголовному законодательству Польши, подразделяются на наказания и уголовно-правовые меры. Наказания характеризуются наиболее существенным карательным элементом [2, с. 67].

Изучение ограничения свободы как вида уголовного наказания, организация его исполнения в западных странах имеет не только познавательный интерес. Большой опыт, накопленный этими государствами при реализации ограничения свободы как вида уголовного наказания, подлежит определенной оценке.

Одним из факторов назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, является повышение качества их исполнения. «Если у судьи будет уверенность в достижении цели наказания при осуждении к альтернативе, то он и будет применять наказания без лишения свободы» [1, с. 82].

По мнению автора, зарубежный опыт, применения уголовного наказания в виде ограничения свободы, в частности Литвы и Польши, бесспорно, представляет интерес и может быть использован и при применении данного вида наказания в России.

Список литературы:

1. Голодов П. В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты П. В. Голодов // Преступление. наказание. исправление. — 2011. — № 2. — С. 81—88.
2. Качаева Т. А., Подройкина И. А., Улезько С. М. Система наказаний в уголовном праве России и зарубежных стран [Текст]/ Т. А. Качаева, —М.: Юрлит информ, 2008. — 152 с. С. 67.
3. Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 года . № VIII-1968.[Электронный ресурс]. — Спб, 2012. — Режим доступа: <http://www.law.edu.ru>. — Загл. с экрана.
4. Уголовный кодекс Республики Польша. от 01.01.1997 г. [Электронный ресурс]. — Спб, 2012. — Режим доступа: <http://www.law.edu.ru>. — Загл. с экрана.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Текст]: офиц. текст: по состоянию на 01 марта 2012 г./ Собрание законодательства РФ. — 1996 — 25 июня.
6. Уткин В. А. О юридическом содержании уголовного наказания в виде ограничения свободы [Текст]/ В. А. Уткин // Вестник Томского государственного университета. — 2006. — № 292. — С. 44—48.

МЕРЫ ОБЩЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕЗАКОННЫХ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

Оспанова Жанель Калияскаровна

магистрант Академии экономики и права, г. Алматы,

Республика Казахстан

E-mail: zhanel_osp@mail.ru

Незаконные военизированные формирования занимают особое место в структуре групповой и вооруженной преступности. Существование незаконных вооруженных структур нетерпимо в любом государстве, особенно опасно их использование в сепаратистских, экстремистских целях. Разрастание незаконных военизированных формирований выливается в широкомасштабное вооруженное насилие, и зачастую становится источником терроризма. Запаздывание с принятием необходимых мер для борьбы с ними обуславливает военное подавление этих структур. В этой связи представляется, что создание и организация незаконных военизированных формирований можно рассматривать как негативное, антисоциальное и противоправное деяние.

Рассматривая формы организованной преступности на территории Республики Казахстан можно утверждать, что деятельность организации незаконных военизированных формирований не зафиксирована. Однако предпосылки имелись в 1997 году на территории Восточно-Казахстанской области в действиях В.Казимирчука в попытке создания под его руководством автономного округа. В последующем эти действия были квалифицированы как попытка вооруженного мятежа [7].

В соответствии с законодательством состав преступления «Организация незаконного военизированного формирования», предусмотренный ст. 236 Уголовного кодекса Республики Казахстан, относится к террористическим преступлениям. В этой связи необходимо рассмотреть систему мер по предупреждению такого вида групповой деятельности как части организованной преступности [6].

Предупреждение преступности в целом рассматривается, во-первых, как важное средство социального регулирования общественных отношений; во-вторых, как взаимодействие мер социально-экономического, организационно-правового и воспитательного порядка, в-третьих, как сочетание различных уровней

предупреждения преступности, воплощенных в деятельности неоднородных субъектов [2, с. 88]. В криминологии уже давно сложилось понятие предупреждения преступлений как совокупность различных взаимосвязанных мер, проводимых государственными органами для предотвращения преступлений и устранения порождающих их причин [5, с. 65]. Их можно рассмотреть как содержание мер и методов *общего предупреждения*. Они заключаются в совершенствовании законодательных, информационно-правовых, организационных, экономических, политических и иных институтов, устраняющих причины возникновения и действия преступности. В отличие от общего *специально-криминологический уровень* заключается в целенаправленном воздействии на криминогенные факторы, связанные с отдельными видами и группами преступного поведения. *Индивидуальный уровень* представляет собой специальные меры в отношении конкретных лиц, чье поведение вступает в конфликт с правовыми нормами.

При выборе форм и методов противодействия следует учитывать особенность организованной преступности, которую правильно подметила известный российский ученый-криминолог А. И. Долгова, как стремление опираться на институты государства и общества, использовать их в своих целях [3, с. 156]. При этом А. И. Долгова отмечает, что криминальная деятельность тесно переплетается с легальным предпринимательством, иной допустимой и даже поощряемой обществом деятельностью, что создает трудности вычленения собственно деятельности этих организаций и реагирования на нее, не вызывая недовольства у части населения [3, с. 290]. Отмечается также тщательная конспирация, опережение законодателя и умелое использованием его просчетов, активное предупреждение нежелательных правовых решений. В частности, рассматривая деятельность незаконных военизированных формирований, остро встают вопросы оснащенности участников НВФ боевым оружием.

Для успешного решения проблем борьбы преступлениями террористической направленности, к числу которых относится и организация незаконных военизированных формирований, обратимся к правовой и организационной базе борьбы с преступностью.

Как известно, в Республике Казахстан на этом направлении уже предприняты меры. С принятием 16 июля 1997 года Уголовного кодекса Республики Казахстан предусмотрена уголовная ответственность за различные виды организованной преступной деятельности и легализацию преступных доходов [6].

В плане сотрудничества в борьбе с терроризмом государства-участники Содружества Независимых Государств решили одним из первых скоординировать свои усилия. Решением Глав государств СНГ 1 декабря 2000 года создан Антитеррористический центр, основными задачами которого являются выработка предложений Совету глав государств — стран Содружества о направлениях сотрудничества в области борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма [4]. Республика Казахстан активно действует в рамках Организации Центрально азиатского Сотрудничества (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан), а также в формате Договора коллективной безопасности (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Россия). Наряду с этим Казахстан участником Шанхайской организации сотрудничества (Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан), членами которой 15 июня 2001 года подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [1, с. 87]. С января 2004 года постоянно действующими органами ШОС являются Секретариат в Пекине, Исполнительный Комитет и Региональная антитеррористическая структура (РАТС) в Ташкенте.

В рамках указанных соглашений подписаны Протоколы взаимодействия при соблюдении национального законодательства и международных договоров, в которых определены направления, которые предусматривают: гармонизацию нормативно-правовую базу в сфере борьбы с преступлениями террористической и экстремистской направленности; борьбу с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; проведение совместных командно-масштабных и оперативно-технических антитеррористических учений; проведение согласованных межведомственных, оперативно-профилактических целевых мероприятий и специальных операций по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений террористической направленности; совместное проведение мероприятий по выявлению и пресечению террористической деятельности и поддерживающей ее деятельности, а также розыскной работы и обмен информацией; сотрудничество в оперативной деятельности.

К организационным аспектам противодействия преступлениям экстремистской направленности служит взаимодействие правоохранительных органов — КНБ, МВД и МО Республики Казахстан по отношению к кадровому составу. Необходимо при полном взаимодействии проводить совместные тактические учения личного состава по выявлению, локализации и нейтрализации

вооруженных террористических групп, вооруженных формирований и устранению последствий террористических актов. В этом направлении в Республике Казахстан проводится ряд мероприятий. В целях анализа и прогнозирования транснациональных угроз и разработки мер по их предотвращению на базе Академии МВД РК созданы лаборатория «По разработке актуальных проблем с организованной преступностью, терроризмом и религиозным экстремизмом» и Ученый центр по подготовке специалистов по борьбе с проявлениями религиозного экстремизма и терроризма. В учебном центре с апреля 2005 года началось обучение сотрудников с приглашением специалистов из-за рубежа. Укреплена материально-техническая база подразделений специального назначения «Сункар», «Арлан», СОБР, «Беркут», личный состав которых обеспечен современным вооружением, средствами связи, техники, отдельные виды которых изготовлены в государствах Содружества [1, с. 104].

Одним из важнейших направлений борьбы с незаконными военизированными формированиями должно быть осуществление более строгого государственного контроля за изготовлением, приобретением, хранением оружия, пресечением поставок оружия боевикам по различным каналам, ограничение круга лиц, имеющих право на приобретение и хранение оружия. Необходимо направить все усилия на выявление незаконных владельцев огнестрельного оружия и боеприпасов, принимать меры по изъятию такого оружия и привлечению виновных к ответственности; принимать меры к устранению причин и условий, способствующих хищению на предприятиях, в воинских частях и в мастерских холодного и огнестрельного оружия; проводить разъяснительную работу о необходимости сдачи незаконно хранящегося оружия.

Важным средством предупреждения возникновения незаконных военизированных формирований является установление жестких требований для лицензирования деятельности различных охранных структур. В этой связи, целесообразно, силами МВД и КНБ Республики Казахстан провести проверку деятельности всех подразделений безопасности различных фирм, коммерческих структур, с одновременной ревизией наличия у них оружия.

Данные меры необходимы. Как показывает практика, нередки случаи, когда под видом охранных структур и служб безопасности, по существу создаются и объединяются криминальные группировки, представляя собой по сути, незаконные военизированные формирования.

Целесообразно также усилить режимные требования на предприятиях, производящих оружие и боеприпасы, с одновременным усилением влияния оперативных аппаратов МВД, как среди работников данных предприятий, так и в районах их размещения. Обращает на себя внимание и необходимость совершенствования государственного контроля за хранением оружия в воинских частях и организациях, где оно хранится. Незаконные поставки боевого оружия, которые зачастую имеются в таких формированиях, наталкивают на мысль коррумпированности чиновников по сращиванию с криминальными структурами.

На взгляд автора, силовые структуры могут сыграть важную роль в обеспечении обстановки безопасности и стабильности. Компетентный сектор безопасности крайне необходим для улучшения государственного управления и повышения степени доверия граждан к своему государству. В противном случае, правоохранительные органы, занимаясь несвойственными для них функциями, могут спровоцировать или углубить конфликт и создавать косвенные предпосылки роста угроз терроризма. Эффективность правоохранительных органов является ключевым элементом в предотвращении конфликта.

Список литературы:

1. Абдрахманов Б. А. Организация взаимодействия правоохранительных органов стран СНГ и дальнего зарубежья в борьбе с терроризмом. — Астана, 2004 г. — 206 с.
2. Варчук Т. В. Криминология: учебное пособие. — М.: ИНФА — М, 2002. — 298 с.
3. Долгова А. И. Криминология.— М., 1995. — 912 с.
4. Информационный бюллетень Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств-участников СНГ. — М., 2000. — № 4. — 215 с.
5. Мальцев А. И. Теоретические вопросы общего и специального предупреждения преступлений. — Свердловск, 1975 г. — 263 с.
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. Информационная система «Параграф».
7. Юридическая газета № 5 (15) — Алматы, 2000 г.

СЕКЦИЯ 17.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Горбыль Татьяна Владимировна

помощник юриста, Юридическая контора, г. Владивосток

E-mail: skorpuon4uk@mail.ru

Пономарев Олег Владимирович

*преподаватель кафедры конституционного и административного
права, Юридическая школа, ДВФУ, г. Владивосток*

E-mail: O.V.Ponomarev@mail.ru

Налоги являются экономической основой любого государства, как с рыночным, так и нерыночным типом хозяйствования. В экономическом аспекте налог представляет собой особую форму перераспределения собственности, узаконенное изъятие имущества у собственника в пользу государства [1, с. 110]. В правовом аспекте — обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организации и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований [3, ст. 8]. Налоги выступают главным источником формирования государственных финансов, что предопределяет общественную опасность уклонения от их уплаты.

По мнению И. Середы, ответственность за нарушение налогового законодательства можно рассмотреть как вид юридической ответственности, всегда связанный с обязательным применением государством силы и выражающийся в принуждении к исполнению налогоплательщиком своих законных обязанностей и уплате финансовых санкций [6, с. 39]. Налоговые правонарушения могут относиться к финансовым правонарушениям, это те, которые наносят ущерб государству в виде невнесения в бюджет положенных налогов,

и к правонарушениям без финансовых последствий, ответственность за которые не может ограничиться только финансовыми санкциями, здесь также применяется административная, а иногда и уголовная ответственность. Законодательство постановило, что физическое лицо с шестнадцатилетнего возраста может быть привлечено к ответственности за совершение налоговых правонарушений (статья 108 НК РФ).

Хотелось бы отметить, что Налоговый кодекс Российской Федерации предусматривает случаи исключаящие вину налогоплательщика — только физического лица в совершении налогового правонарушения. Пункт 2 статьи 111 НК РФ к этим случаям относит нахождение физического лица в момент совершения налогового правонарушения в состоянии, при котором это лицо не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие болезненного состояния, причем необходимо подтверждение этого состояния специальными документами (по дате и смыслу соответствующих налоговому периоду), которые предоставляются в налоговые органы. К сожалению, налоговое законодательство не приводит четкую формулировку обстоятельств исключаящих налоговую ответственность вследствие болезненного состояния, оно не выделяет только психологические расстройства и поэтому теоретически можно связать с заболеваниями тела [2, с. 55]. НК РФ не содержит ни условий, ни процедуры назначения и проведения экспертизы на предмет невменяемости, ни самого понятия невменяемости [4, с. 23]. В Налоговом кодексе РФ не упущены обстоятельства смягчающие или отягощающие ответственность за совершение налогового правонарушения, для физического лица выделено как смягчающее обстоятельство его тяжелое материальное положение, а заболевания тела не предусмотрены, если не считать совершение преступлений вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств [3, ст. 112].

Следует заметить, что физическим лица, которые являются должностными лицами организации КоАП РФ (глава 15, статьи 15.1 — 15.9, 15.11) предусмотрена административная ответственность за нарушение налогового законодательства, но не за собственные допущенные нарушения как налогоплательщиков, а за нарушения, допущенные юридическим лицом.

Уголовная ответственность за нарушение налогового законодательства регулируется в соответствии с Уголовным кодексом РФ, непосредственно статьями об уклонение от уплаты налогов и сборов с физического лица (ст. 198 УК РФ).

И. Г. Рагозина считает, что анализ уголовно-правовых мер воздействия на преступления в сфере налогообложения свидетельствует о том, что сохраняется ряд проблем связанных с непоследовательностью законодателя о решении вопроса установления уголовной ответственности за налоговые преступления в зависимости от того, кто выступает в качестве налогоплательщика — физическое лицо, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо [5, с. 34].

В уголовной политике государства с 2010 года произошли принципиальные изменения относительно налоговых преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов с физического лица. Это выражено в юридической переквалификации части уголовно наказуемых деяний и переводе их в разряд дисциплинарных и других правонарушений или правомерных действий налоговых правонарушений. Произошло существенное увеличение суммы налогов, уклонение от уплаты которых влечет уголовную ответственность налогоплательщиков - физических лиц. Законодательство произвело шестикратное увеличение пороговых сумм привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов с физического лица, возможно, данной ответственности удастся избежать большей части уклоняющихся от уплаты налогов граждан, а гражданам, впервые совершившим данное преступление, дается возможность избежать уголовной ответственности посредством уплаты соответствующих сумм недоимки, пеней и штрафа. Важно отметить, что в случае не полного погашения лицом сумм недоимок, пеней, штрафов уголовное преследование не прекращается, а признается обстоятельством, смягчающим наказание и соответственно ст. 32 НК РФ, налогоплательщик обязан в течении двух месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате налога, во избежание заведения уголовного дела, уплатить все в полном объеме [1, с. 111].

С. А. Хорошилов в своем диссертационном исследовании предпринял попытку обосновать необходимость унификации уголовной ответственности налогоплательщиков — физических лиц и руководителей организации — через призму налоговых отношений как объекта преступления. Согласно его точке зрения, законодатель дифференцировал ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов физического лица и организации по непосредственному объекту. Говоря о унификации уголовной ответственности С. А. Хорошилов допускает ее ограниченно, а именно только в отношении индивидуальных предпринимателей и организаций.

Уголовная ответственность физического лица, не являющегося предпринимателем, и физического лица — индивидуального предпринимателя, напротив, должна быть, по его мнению, дифференцирована, поскольку индивидуальный предприниматель по своей сути является хозяйственным субъектом, на котором лежат дополнительные обязанности, кроме этого объем налогового бремени для физических лиц, не являющихся таковыми значительно ниже [8, с. 121—129].

По мнению М. Г. Спиридоновой, причиной нарушения норм налогового законодательства часто является то, что в этой сфере оно достаточно объемно; нормы, регулирующие вопросы, связанные с налогами и сборами, содержатся в целом ряде нормативных актов, большинство из которых постоянно подвергаются изменениям [7, с. 95]. Но это не должно позволять физическим лицам, не имеющим юридического образования пренебрегать существующей, действующей многоотраслевой ответственности за нарушение налогового законодательства. Нестабильность и сложность налогового законодательства очень часто приводит к его нарушению, которому характерно нарушение и ущемление прав самого государства.

Список литературы:

1. Бакаев А. В. К вопросу об уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов с физических лиц (ст.198 УК РФ) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.—2011.—№ 13.
2. Иванов И. С. Болезненное состояние налогоплательщика, как основание освобождения от налоговой ответственности // Российский следователь.—2006.—№ 1.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации: Части первая и вторая. М.: Издательство «Омега-Л», 2012.—735 с.
4. Орлов И. В. Невменяемость как освобождение от административной ответственности // Юрист. — 2003. — № 1.
5. Рагозина И. Г. Уголовная ответственность за налоговые преступления: вопросы унификации и дифференциации // Юрист-правовед. — 2009. —№ 1.
6. Середа И. Особенности ответственности за нарушение налогового законодательства // Юрист.—2004.—№ 2.
7. Спиридонова М. Г. К вопросу о производстве по делам о налоговых правонарушениях как составной части института ответственности // Адвокат. — 2009. — № 6.
8. Хорошилов С. А. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности за налоговые преступления: Диссертация, канд. юрид. наук Челябинск.—2005. С. 121—129.

СООТНОШЕНИЕ НАЛОГОВОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НОРМ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Волгина Ольга Владимировна

ДВФУ, г. Владивосток

E-mail: volgina.o@mail.ru

Пономарев Олег Владимирович

*преподаватель кафедры конституционного и административного
права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток*

E-mail: o.v.ponomarev@mail.ru

В юридической литературе не утихают дискуссии по вопросу соотношения налоговой и административной ответственности, суть которых делится на два основных подхода. До сих пор не выработано единого подхода к необходимости разграничения этих видов ответственности либо, наоборот, к признанию того, что налоговая ответственность является частью административной ответственности.

Мнения многих авторов сводятся к тому, что налоговая ответственность не является самостоятельным видом юридической ответственности, более того она обладает той же правовой природой, что и административная ответственность.

Л. В. Тернова считает, что выделению налоговой ответственности в отдельный вид юридической ответственности способствует установление Налоговым кодексом процессуальных норм, регулирующих производство по делам о налоговых правонарушениях [7].

Аналогичного мнения придерживается И. И. Кучеров, который утверждает, что отличие налоговой ответственности от других видов ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах заключается в особенностях ее процессуальной формы [4].

В рамках второго подхода можно выделить несколько точек зрения: одни авторы считают налоговую ответственность комплексным правовым институтом, исходят из того, что данный вид ответственности является составляющим звеном более крупного института — финансовой ответственности и в отдельных случаях ей присуща некоторая двойственность: с одной стороны, она выступает как разновидность финансовой, а с другой — административной [3].

С точки зрения других авторов, представляется целесообразным нормы, охраняющие налоговые отношения, но содержащиеся в

Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации, консолидировать в Налоговом кодексе РФ, что будет способствовать повышению эффективности правоохранительной функции ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах [1].

По мнению А. В. Брызгалина, налоговая ответственность — это разновидность все-таки административной ответственности, но процедура ее применения предусмотрена не Кодексом об административных правонарушениях, а Налоговым кодексом, то есть актом специального законодательства. Тем не менее, административная природа налоговой ответственности сохраняется [5].

Все правонарушения в области налогов и сборов подразделяются на правонарушения, содержащие признаки административного правонарушения и не содержащие таковых. Поэтому во избежание путаницы при применении НК РФ или КоАП РФ следует установить соотношение данных видов правонарушений и разграничении ответственности за их совершение. Установление типа ответственности связано с некоторыми трудностями, так как данные виды ответственности имеют много общего.

По определению, административная ответственность является разновидностью юридической ответственности. Суть ее сводится к тому, что в результате совершения правонарушения наступают лишения имущественного или личного характера, в результате применения санкций, так же происходит и с налоговой ответственностью.

Налоговым Кодексом РФ, в гл. 16 и гл. 18 закреплен исчерпывающий перечень видов налоговых правонарушений и наказаний за их совершение. Ст. 106 НК РФ указывает на то, что ответственность за нарушение налогового законодательства «устанавливается настоящим Кодексом», но какая именно, налоговая или административная, законодатель не уточняет. Проблема заключается в выборе вида ответственности, которые следует применять. Законодателем прописаны и в НК РФ, и в КоАП РФ одинаковые составы и установлена как административная ответственность, так и налоговая. Примером может служить такое нарушение, как непредставление налоговой декларации.

Административной ответственности присущи свои собственные признаки, как и другим видам ответственности, а именно:

- к ней привлекаются физические лица (граждане, должностные лица, индивидуальные предприниматели), а так же юридические лица;
- ее суть заключается в применении к виновным административных наказаний;

- регулируется нормами административного права, которые содержатся в федеральных законах и законах субъектов Российской Федерации;

- применяется должностными лицами исполнительных органов государственной власти, коллективными органами (комиссиями по делам несовершеннолетних, административными комиссиями и др.), а также судьями (судами);

- порядок привлечения к административной ответственности, урегулирован административно-процессуальными нормами.

Статья 3.2. КоАП РФ содержит исчерпывающий перечень административных наказаний, которые могут применяться за совершение административных правонарушений.

На основе проведенного анализа статей КоАП РФ, можно сделать вывод, что большинство из них предусматривают ответственность в виде административного штрафа. Являясь наказанием имущественного характера, штраф достаточно эффективная и наиболее распространенная мера принудительного воздействия и может применяться только в качестве основного административного наказания. Административный штраф предусматривается практически всеми статьями Особенной части КоАП РФ и соответствующими статьями законов субъектов РФ об административных правонарушениях. Размер штрафа за административное правонарушение, назначается в пределах, установленных КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях.

Условия, отягчающие и смягчающие ответственность за совершение правонарушения, предусмотрены и в КоАП РФ, и в НК РФ. Анализ статей КоАП РФ и НК РФ дает возможность сделать вывод, что перечень отягчающих обстоятельств совпадает только по одному пункту, а именно повторное совершение правонарушения.

Немало важным фактом является то, что любое из данных обстоятельств может быть не признано судом, органом, или должностным лицом, назначающим административное наказание, в качестве смягчающего или отягчающего.

Поэтому, при установлении наказания за совершение правонарушения в области налогов и сборов, важно определить, каким из кодексов (налоговым или административным) будет налагаться ответственность, и выявить смягчающие обстоятельства, если таковые есть. Это отмечается и многими правоведами [4]. Этот момент является весомым аргументом в пользу первого подхода о налоговой и административной ответственности.

Согласно ст. 4.5 КоАП РФ общий срок исковой давности привлечения к административной ответственности за совершение

административного правонарушения составляет 2 месяца, а за нарушения законодательства о налогах и сборах — 1 год со дня совершения правонарушения [2]. Ст. 113 НК РФ устанавливает срок исковой давности — 3 года со дня совершения правонарушения [6].

Проведя ряд сравнений можно выделить следующие особенности привлечения к административной ответственности за нарушение налогового законодательства:

- основанием привлечения служит наличие факта административного правонарушения, предусмотренное КоАП РФ или законами субъектов РФ;
- административная ответственность за нарушение налогового законодательства не распространяется на военнослужащих;
- административный штраф — основной вид наказания, применяемый к нарушителям, выражаемый в денежной сумме неуплаченных налогов и сборов, не может превышать трехкратный размер их суммы;
- срок исковой давности составляет 1 год;
- существует перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Под составом административного правонарушения следует понимать установленную правом совокупность признаков, при наличии которых конкретное деяние становится административным правонарушением.

Правонарушения, ответственность за которые предусматривает НК РФ можно отнести к числу административных, так как эти правонарушения обладают всеми признаками административного правонарушения. Они представляют собой противоправное действие (бездействие) физического или юридического лица. Ответственность в обоих случаях преимущественно штрафная, а штраф является основным видом административного наказания.

Исследовав вопрос о применении административной ответственности за налоговые правонарушения, сделан вывод о том, что налоговая ответственность является подвидом административной и нецелесообразно ее выделение в самостоятельный вид по следующим причинам:

- указанные в НК РФ правонарушения обладают всеми признаками административных правонарушений, то есть это действия (бездействия) физических, либо юридических лиц;
- объектом посягательства для правонарушений является экономическая безопасность государства, как в КоАП РФ, так и в НК РФ;

- ответственность, установленная в НК РФ и в КоАП РФ преимущественно штрафная. Штраф — наказание административное. (гражданское — возмещение убытков, уголовное — лишение свободы);
- статьи, за которые предусмотрена ответственность в обоих кодексах идентичны. Они дублируют друг друга. Разницу лишь составляют размер налагаемого штрафа и круг лиц, привлекаемых к ответственности.

Сложившаяся ситуация с дублированием положений обоих кодексов связана с последовательностью их принятия. КоАП РФ был принят еще в начале 80-х годов XX века и не содержал глав о правонарушениях в области налогов и сборов. Впоследствии административное законодательство дополнялось соответствующими статьями, так или иначе касающимися налогов, но этого было недостаточно, и законодатель пришел к выводу о том, что необходимо заполнить пробел включением в разрабатываемое в то время налоговое законодательство соответствующих норм. Так, нормы, которые должны были содержаться в КоАП РФ, попали в НК РФ.

Полностью разделяя точку зрения о том, что налоговая ответственность является разновидностью административной ответственности за правонарушения в области налогов и сборов, предположим объединение и качественное функционирование норм об ответственности за правонарушения в области налогов и сборов в КоАП РФ, НК РФ либо ином едином нормативно-правовом акте в настоящий момент не может быть обеспечено в силу ряда причин как материального, так и процессуального характера. Необходимо обратить внимание на то, что административная ответственность за налоговый правонарушение наступает только после составления налоговой инспекцией протокола, на основании которого будет вынесено решение суда о назначении административного взыскания, это является разделяющим звеном между налоговой и административной ответственностью, который на данный момент не представляется возможным отменить или обойти.

Список литературы:

1. Архипенко Т. В. Понятие и сущность ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах // Финансовое право. 2004. N 5. — с. 16.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195 ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 дек. 2001 г. : введ. Федер. законом Рос. Федерации от 30 дек. 2001 г. № 196-ФЗ // Рос. газ. — 2001. — 31 дек. ; Парламент. газ. — 2002. — 5 янв. ; Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 1, ч. 1.

3. Крохина Ю. А. Ответственность за нарушение налогового законодательства: понятие, механизм и стадии реализации // Хозяйство и право. М., 2003. N 5. С. 103;
4. Кучеров И. И. Налоговое право России: курс лекций. — М.: 2001. — с. 252, с. 246.
5. Налоговое право / Под ред. А. В. Брызгалина. М., 2008. — с. 449.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 16 июля 1998 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 17 июля 1998: введ. Федер. Законом Рос. Федерации от 31 июля 1998 г. № 147-ФЗ//Рос. Газ. 1998. — 8 июня; Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1998. — № 31, с. 3824.
7. Тернова Л. В. Налоговая ответственность — самостоятельный вид юридической ответственности // Финансы. 2009. N 9. — с. 29.

ФИНАНСОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО

Вологина Жанна Юрьевна

канд. биол. наук, доцент БГАУ, г. Уфа

E-mail: indigo-71@yandex.ru

Нугуманова Айсылу Ириковна

студент БГАУ, г. Уфа

Шакирова Ирина Альтафовна

студент БГАУ, г. Уфа

Мошенничество в современном мире отличается исключительной многоликостью, адаптивностью, динамизмом и способностью к модернизации. Мошенничество — один из видов воровства. Происходящие в обстановке недостаточной правовой урегулированности хозяйственные реформы объективно обусловили рост экономических преступлений. Мошенничество распространилось на все виды коммерческой, предпринимательской, финансовой, банковской, бюджетной, кредитной, имущественной и иной деятельности государственных и частных структур. В связи с усложнением механизмов функционирования хозяйственного комплекса мошенничество стало более изощренным и приобрело ярко выраженный интеллектуальный характер.

Финансовая система Российской Федерации является важнейшим элементом рыночного хозяйства. Существенное значение для поступательного развития экономики имеет адекватность правовых механизмов потребностям общества. Специфика экономической ситуации в России заключается в том, что значительная часть финансово-правовых институтов практически не могут эффективно функционировать без уголовно-правового обеспечения. Речь идет не только о защите бюджетных интересов государства, но и об обеспечении интересов вкладчиков и акционеров, а также об охране законных интересов финансовых учреждений от лиц, обманом завладевающих кредитами или не желающих их возвращать, в том числе и путем ложного банкротства, от так называемых лжепредпринимателей, от собственных бесчестных руководителей, от объединившихся в организованные группы мошенников и, наконец, от коррумпированных чиновников [6].

В соответствии со ст. 159 УК РФ «мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием» [5].

Совершаемые преступления отличаются гибкой адаптацией к новым формам и методам предпринимательской деятельности, маскировкой под заключение и осуществление гражданско-правовых сделок, оперативным реагированием на конъюнктуру рынка, использованием технических новаций в хозяйственной деятельности. Анализ положения, сложившегося к настоящему времени в экономике России, свидетельствует о значительном влиянии криминогенных факторов на состояние и перспективы развития страны. Динамика и направленность криминальных процессов в экономике обусловлены институциональными преобразованиями, в том числе реформированием отношений собственности в России

В современном обществе мошенничество становится все более распространенным и изощренным. Не случайно один из выдающихся русских юристов XIX в. И. Я. Фойницкий считает, что «как человек времен первоначальных прибегал для похищения имущества главным образом к топору и кистеню, а человек нашего времени к тайному взятию чужого, то вскоре — что уже весьма заметно теперь — преобладающее место этих способов заменит орудие интеллектуальное, хитрость, обман; следовательно, социальная сторона мошенничества очень заманчива» [6].

Под финансовой преступностью понимается совокупность преступлений, непосредственно связанных с посягательством на отношения по формированию, распределению, перераспределению и

использованию фондов денежных средств (финансовых ресурсов) субъектов экономических отношений. Финансовые преступления могут быть классифицированы по различным основаниям. В зависимости от уровня финансовых отношений, являющегося объектом посягательств, различают: преступления, посягающие на финансовую систему государства (государственные и муниципальные финансы; преступления, посягающие на финансы предприятий. В зависимости от сферы посягательств различают: преступления в сфере налогообложения, преступления на рынке ценных бумаг, преступления в сфере страхового, валютного и кредитного рынков, преступления на рынке товаров и услуг [1].

Финансовые преступления крайне многообразны и сложны. В зависимости от обстоятельств, криминалистическое значение могут иметь различные факторы, и целесообразны различные варианты классификации. Экономические преступления опасны также в силу того, что они существенно влияют на общий уровень преступности, провоцируя, в том числе насильственные действия, связанные с перераспределением собственности, установлением и переделом сфер влияния. В случаях мошенничества человеческий обман становится злом, разрушительной силой как для обманываемого, так и для обманутого. Спутником мошенничества является воровство, поскольку присвоение чужого имущества или права на него путем обмана является одной из форм воровства. Если, будучи видом воровства, мошенничество естественно и объяснимо как врожденная черта человека, то это не значит, что оно прощительно. Напротив, оно недопустимо с точки зрения культуры, моральных и юридических норм, то есть тех форм жизни, которые издавна приняты в обществе и лежат в основании всех исторически известных этических и правовых семейных и общественных укладов [3].

Постоянное развитие рынка приводит к появлению новых видов мошеннического обмана, таких как банковское мошенничество (хищение путем обманного получения кредита, хищение с помощью поддельного авизо), страховое мошенничество, налоговое мошенничество, мошенничество при сделках с недвижимостью, мошенничество в малом бизнесе. Поэтому совершенно справедливо И. Я. Фойницкий подчеркивает, что мошенничество — это, прежде всего «орудие интеллектуальное», его проявления в современную эпоху все более изощренны, изменчивы и трудноуловимы [6].

Финансовое мошенничество широко распространено не только потому, что не всегда связано с насилием, но и потому, что современная жизнь весьма технизирована, формы человеческого

общения все более интеллектуализируются и компьютеризируются, все большее значение имеют информационные технологии, особенно в сфере финансов, все больше форм общения осуществляются через новейшие средства коммуникации. Разные виды финансовых мошеннических операций совершаются с государственной и частной собственностью, собственностью акционеров, федеральным, республиканским и муниципальным имуществом.

Мошенничество — это всегда взаимодействие двух и более лиц, то есть мошенника и его «клиента». Успех мошенника означает поражение его жертвы. Однако успех мошенника невозможен без невольного соучастия в нем «клиента». Иначе говоря, в клиентах есть такие качества, черты характера или недостатки, которые помогают мошеннику обеспечить его успех.

По материалам прокурорских проверок расходования бюджетных средств на поддержку сельхозтоваропроизводителей в Республике Башкортостан в 2011 году возбуждено около 30 уголовных дел. Прокурорами выявлена масса фактов необоснованного получения субсидий на основании предоставленных в Министерство сельского хозяйства РБ ложных сведений. В Краснокамском районе возбуждено 8 уголовных дел по статьям о мошенничестве и использовании заведомо подложных документов. Несколько сельских хозяйств этого района представили сведения о завышенном поголовье скота и незаконно получили из бюджета более 4 миллионов рублей на ликвидацию последствий засухи. Аналогичные факты финансового мошенничества с использованием бюджетных средств выявлены в Благоварском, Миякинском, Кугарчинском, Шаранском, Уфимском и других районах, где по результатам доследственных проверок возбуждено более 20 уголовных дел [4].

Также было установлено, что инспектор налоговой службы по РБ ввела в базу данных фиктивные операции и сформировывала неправомерные решения на получение своими знакомыми имущественного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц. Затем эти документы направляла по электронным каналам связи в Управление Федеральной налоговой службы для дальнейшего их исполнения казначейством. На основании сфальсифицированных электронных документов на лицевой счет граждан перечислялись денежные средства, которые она же и обналачивала. Всего выявлено 70 таких фактов, действиями инспектора государству причинен ущерб на сумму свыше 2,5 млн. рублей. Уголовное дело направлено для рассмотрения в суд [2].

Специальный уровень противодействия финансовому мошенничеству связан с учетом особенностей конкретных мошеннических схем и подразумевает узконаправленную детализацию законодательных, правоохранительных и информационно-общественных мер. Вместе с тем необходимо разрабатывать и регулярно совершенствовать практические меры по расследованию и пресечению уже совершенных мошенничеств.

Следовательно, противодействие мошенничеству должно быть ориентировано, прежде всего, на профилактику, сужение возможностей для мошеннических действий, так как финансовое мошенничество, показывает, что реально эффективнее его предупреждение, чем выявление и пресечение уже свершившегося преступления. Именно это обстоятельство должно стать основополагающим императивом при составлении и реализации любых программ по борьбе с рассматриваемым криминальным явлением.

Сама система мер противодействия мошенничеству должна носить теоретически продуманный и практически выверенный характер, отличаться комплексностью подходов и реальным взаимодействием всей системы правоохранительных органов, а также вовлечением общества в эту борьбу. Принципиально важно, чтобы эта программа не носила характер ответов на мошеннические посягательства, а была направлена на опережающее воздействие, искоряющее саму возможность таких преступных посягательств. Таким образом, взаимосвязь уголовно-правового и криминологического изучения мошенничества с анализом повседневной борьбы правоохранительных органов с этим преступным деянием наиболее результативна только при постоянном совершенствовании законодательства. При конструировании правовых норм следует учитывать специфику видов мошенничества, степень общественной опасности и использование в преступных целях современных информационных технологий.

Следовательно, наказание должно назначаться в зависимости от тяжести правонарушения, при необходимости с применением конфискации имущества, лишения права на занятие определенных должностей. Разработка и введение в УК РФ дополнений и изменений по ужесточению санкций, предусматривающих уголовную ответственность за наиболее широко распространенные и общественно опасные виды финансового мошенничества, представляется одной из актуальных и первоочередных задач российского законодателя.

Список литературы:

1. Адвокатские тайны. Финансовые преступления [электронный ресурс]— Режим доступа— <http://advokat-ko.ru> >2011/11/finansoviyе-prestuplenija-2/
2. Кравченко А. Информационный сайт республики Башкортостан [электронный ресурс]— Режим доступа— [http:// respublika02.ru](http://respublika02.ru) >?p=416 Уфа
3. Мошенничество и его виды[электронный ресурс]— Режим доступа— [http:// uber44.ru](http://uber44.ru) >index.php?page=moshennichestvo...ego-vidy
4. Прокуратура РБ. В Башкортостане расследуются массовые факты преступлений с субсидиями [электронный ресурс]— Режим доступа— [http:// crimegerussia.ru](http://crimegerussia.ru) >index.php/fraud/37931
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 07.12.2011 г. № 419-ФЗ, от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ) [электронный ресурс] — Режим доступа://СПС «Консультант Плюс».Вер.Проф
6. Фойницкий И. Я Мошенничество по русскому праву. В 2-х частях, Ч. 1, М.: Изд-во СГУ, 2006, С. 9
7. Хафизова Л. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия финансовому мошенничеству [электронный ресурс]— Режим доступа— [http:// Claw.edu.ru](http://Claw.edu.ru) >book/book.asp?bookID=1279840

ХАРАКТЕРНЫЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ НАЛОГАХ И НДС

Горяинова Екатерина Михайловна

аспирант кафедры финансового и предпринимательского права

ФГБОУ ВПО «Госуниверситет-УНПК», г. Орел

E-mail: katerinagoryainova@yandex.ru

Налоговая деликтность представляет угрозу финансовой безопасности государства, в связи с чем, особую актуальность приобретают вопросы обнаружения и выявления нарушений законодательства о налогах и сборах. Отмечается, как известно, большинство хозяйствующих субъектов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), и граждан нарушали налоговое законодательство. В данной связи хотелось бы выделить самые характерные нарушения законодательства о налогах и сборах, которые наиболее часто выявляются налоговыми органами. В данной статье остановимся на некоторых региональных налогах (налог на имущество организаций, транспортный налог), местном налоге (земельный налог) и НДС.

Автор полагает, что самыми распространенными нарушениями законодательства о налоге на имущество организаций являются следующие:

- Неправомерное занижение остаточной стоимости основных средств, в результате неверного определения амортизационной группы (нарушается п. 1 ст. 375 НК РФ [2]);
- Занижение налоговой базы на стоимость основных средств, отраженных в учете на счете незавершенного строительства, но реально введенных в эксплуатацию и используемых в экономической деятельности налогоплательщика (нарушается п. 1 ст. 375 НК РФ [2]);
- Занижение налога за счет несвоевременного принятия на учет основных средств (нарушается п. 1 ст. 375 НК РФ [2]);
- Занижение суммы налога в связи с неверным исчислением авансовых платежей (нарушается п. 2 ст. 382 НК РФ [2]).

Самыми распространенными нарушениями законодательства о транспортном налоге являются:

- Не исчисление налога в связи с сокрытием (не полным отражением) объектов налогообложения (транспортных средств) (нарушается п. 1 ст. 358 НК РФ [2]);
- Занижение мощности транспортного средства при определении налоговой базы (нарушается ст. 359 НК РФ [2]);

- Неверное применение ставок транспортного налога в соответствии с законами субъектов РФ, в том числе в связи с неправильным определением мощности двигателя (в соответствии с паспортом транспортного средства) (нарушается п. 1 ст. 361 НК РФ [2]);

- Нарушение порядка исчисления сумм налога и авансовых платежей (неверные налоговые ставки, неправильное применение коэффициентов) (нарушается п. 2,3 ст. 362 НК РФ [2]).

Нормы законодательства о земельном налоге наиболее часто нарушаются следующим образом:

- Занижение налоговой базы в связи с неправильным определением кадастровой стоимости земельных участков (нарушается п. 1 ст. 390 НК РФ [2]);

- Занижение суммы земельного налога в результате неправомерного применения более низкой налоговой ставки (нарушается п. 1 ст. 394 НК РФ [2]);

- Неверно рассчитан коэффициент, применяемый при исчислении налога в случае возникновения (прекращения) у налогоплательщика в течение налогового (отчетного) периода права собственности (постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения) на земельный участок (его долю) (нарушается п. 5 ст. 396 НК РФ [2]);

- Занижение суммы налога, подлежащего к уплате в бюджет, в результате отражения в годовой декларации авансовых платежей в завышенном размере (нарушается п. 5 ст. 396 НК РФ [2]).

Нарушения налогового законодательства по НДФЛ рассматриваются по отдельным блокам нарушений, совершаемых налоговыми агентами и самими налогоплательщиками.

Так для налоговых агентов самыми распространенными нарушениями законодательства по НДФЛ являются:

- Не удержание и (или) не перечисление (несвоевременное перечисление) в бюджет удержанных сумм НДФЛ с фактически выплаченных физическим лицам доходов (нарушается п. 6 ст. 226 НК РФ [2]);

- Не включение в совокупный доход работников сумм оплаты, произведенной за счет средств работодателя: например, за учебу, по кредитному договору сотрудника; не включены в совокупный доход работников выплаты по договорам подряда, а также за аренду имущества (нарушается ст. 210 НК РФ [2]);

- Не включение в совокупный доход физического лица сумм, выданных в подотчет на хозяйственные нужды, и не возвращенных

(или по которым отсутствуют авансовые отчеты), а также доходов, полученных в натуральной форме (нарушается п.п. 1 п. 3 ст. 24, п. 1 ст. 210, п.п. 1 п. 2 ст. 211, п. 1 ст. 226 НК РФ [1; 2]);

- Не включение в налогооблагаемый доход физического лица доходов в виде материальной выгоды, в частности, от приобретения ценных бумаг, финансовых инструментов срочных сделок (нарушается ст. 212 НК РФ [2]);

- Неверное определение налогооблагаемой базы по операциям с ценными бумагами, операциями с финансовыми инструментами срочных сделок, а также при продаже инвестиционных паев, в частности, отсутствие документов (договоров, брокерских отчетов, платежных поручений, квитанций и пр.), подтверждающих приобретение соответствующих ценных бумаг и их оплату (нарушается ст. 214.1 НК РФ [2]);

- Заявление стандартных налоговых вычетов без подтверждающих документов, а также без учета доходов, полученных с начала налогового периода по предыдущему месту работы (нарушается п. 1 ст. 218 НК РФ [2]);

Сами налогоплательщики нарушают налоговое законодательство об НДФЛ следующими способами:

- Завышение суммы социальных и имущественных вычетов (нарушается п. 1 ст. 219, п.1 ст. 220 НК РФ [2]);

- Занижение налоговой базы в результате включения в состав профессиональных налоговых вычетов документально неподтвержденных расходов, непосредственно несвязанных с извлечением доходов (нарушается п. 1 ст. 221 НК РФ);

- Несвоевременное и (или) не в полном размере перечисление налоговыми агентами сумм удержанного НДФЛ (нарушается п. 6 ст. 226 НК РФ [2]);

- Не исчисление налога с сумм, полученных от продажи имущества, принадлежащего на праве собственности (недвижимое имущество, автотранспортные средства) менее 3-х лет (нарушается п.п. 2 п. 1 ст. 228 НК РФ [2]);

- Неправомерное отнесение к налоговым вычетам расходов вследствие представления налогоплательщиком недостоверных учетных документов по взаимоотношениям с «подставными» организациями (нарушается п. 1 ст. 221, ст. 252 НК РФ [2]).

Все вышеуказанные нарушения ведут к занижению налогооблагаемой базы (в некоторых случаях к незаконному получению бюджетных средств) и соответственно к не поступлению соответствующих сумм налога в бюджет. Автором отмечается

очевидная осведомленность налоговых органов обо всех возможных нарушениях и их достаточно лояльное реагирование на них, граничащее с бездействием.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 06.12.2011, с изм. от 07.12.2011) // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 06.12.2011, с изм. от 07.12.2011) // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, N 32, ст. 3340.

ОРГАНИЗАЦИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКА НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

Ибраимова Саида Маратовна

*старший преподаватель, Магистр делового администрирования,
Кыргызский Технический Университет им. И. Раззакова, Институт
Управления и Бизнеса Кафедра «Учет и финансы»,
г. Бишкек, Кыргызская Республика
E-mail: Saida.78@inbox.ru*

В настоящее время рынок ценных бумаг характеризуется такими позитивными направлениями, как достаточно развитая инфраструктура и адекватная законодательная база. Хотя и есть недостатки нормативно-правовых актов связанных с финансовыми инструментами рынка капитала. Несмотря на это, положительным фактором является достижение определенных результатов в совершенствовании корпоративного управления, обеспечения прозрачности, улучшение регулирования эмиссии ценных бумаг [3. с. 27].

Рынок ценных бумаг выступает составной частью финансовой системы государства, характеризующейся индустриальной и организационно-функциональной спецификой. В большинстве стран банки играют на рынке ценных бумаг важнейшую ключевую роль.

Повышение эффективности деятельности коммерческих банков на рынке ценных бумаг составляет немаловажный аспект успешного функционирования банка в настоящем и будущем.

Коммерческие банки могут выступать на рынке ценных бумаг в качестве эмитентов собственных акций, облигаций, могут выпускать векселя, депозитные и сберегательные сертификаты и другие ценные бумаги; в роли инвесторов, приобретая ценные бумаги за свой счет и в роли профессиональных участников рынка ценных бумаг, осуществляя брокерскую, дилерскую деятельность.

Банки осуществляют на рынке ценных бумаг деятельность в качестве финансовых посредников и профессиональных участников.

Развитие инфраструктуры фондового рынка, совершенствование законодательства относительно деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг делают операции с ценными бумагами все более перспективным и привлекательным инструментом для развития бизнеса и перераспределения временно свободных финансовых ресурсов между различными участниками хозяйственного оборота. Таким образом, банковская система Кыргызстана и рынок финансовых инструментов начинают более эффективно выполнять одну из своих основных функций — обеспечение условий для свободного перераспределения капитала [2].

Рисунок 1. Деятельность коммерческих банков на рынке ценных бумаг.

Коммерческие банки на рынке ценных бумаг играют одну из важнейших ролей. Деятельность банков на рынке ценных бумаг можно разделить на три вида, которые отражают различную роль,

выполняемую банками при проведении определенных операций с ценными бумагами:

- деятельность банков как эмитентов;
- деятельность банков как инвесторов;
- профессиональная деятельность банков на рынке ценных бумаг.

Каждый вид деятельности включает в себя широкий спектр разнообразных операций, опосредующих как движение самих ценных бумаг, так и реализацию прав, вытекающих из этих ценных бумаг [8, с. 261].

Особенность деятельности банков на рынке ценных бумаг заключается в том, что они осуществляют операции на этом рынке по общим правилам, действующим для всех участников рынка ценных бумаг, но при этом должны соблюдать еще и дополнительные правила, устанавливаемые Национальным Банком Кыргызской Республики.

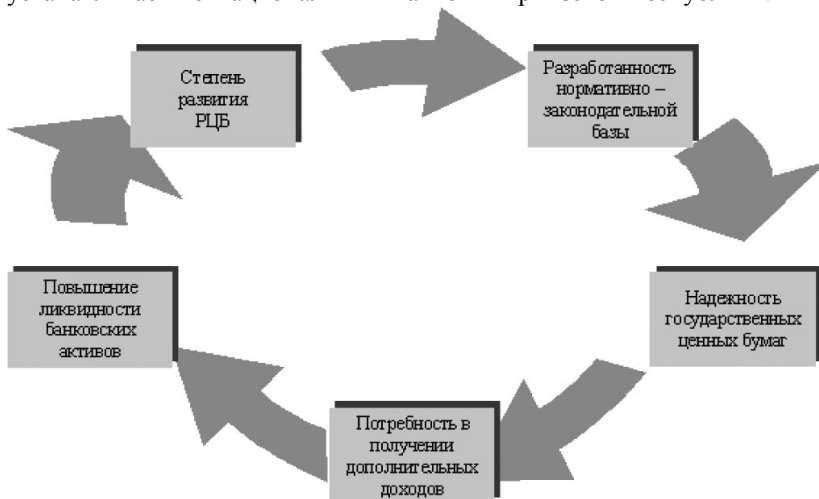

Рисунок 2. Основные факторы, определяющие деятельность банков на рынке ценных бумаг

Банковская деятельность достаточно жестко контролируется Национальным Банком Кыргызской Республики и является объектом тщательного анализа других заинтересованных организаций. Банки постоянно публикуют результаты своей финансовой деятельности, отчетные балансы, отчитываются перед Национальным Банком КР по широкому кругу показателей. Это позволяет проводить объективную

рейтинговую оценку их работы, что повышает надежность банковских акций [4, с. 14].

Заинтересованность коммерческих банков в эмиссии собственных акций и их размещение на открытом рынке можно объяснить рядом обстоятельств. Прежде всего, это инфляция, постоянно обесценивающая собственные капиталы банка. Инфляция лишает банки возможности привлекать долгосрочные депозиты, поэтому для осуществления относительно долгосрочных вложений, банки должны использовать собственный капитал. Высокие котировки банковских акций рассматриваются банками как способ упрочить свои позиции на рынке. Расширить сферу влияния и привлечь новых клиентов. Поэтому в случае снижения курса акций, банки, через инвестиционные компании, активно скупают их на вторичном рынке, что приводит к искусственному росту курса и создает видимость укрепления рыночных позиций банка.

Рисунок 3. Государственные ценные бумаги как элемент деятельности банка

Разработаны в методическом отношении и наиболее регламентированы операции коммерческих банков по эмиссии собственных ценных бумаг. Коммерческие банки могут выступать в качестве эмитентов собственных акций, облигаций. Акции банков приносят их владельцам довольно высокие дивиденды. Эмиссии банковских облигаций в Кыргызстане пока широко не практикуются. Это объясняется тем, что инвесторы пока не способны на долгосрочное инвестирование средств. На взгляд автора, с развитием рынка ценных бумаг и стабилизацией экономики в целом банковские облигации займут значительное место на финансовом рынке.

Коммерческие банки помимо выпуска акций и размещения их на фондовой бирже, предоставляют услуги по покупке и продаже

государственных ценных бумаг. Государственные ценные бумаги в настоящее время на финансовом рынке являются самыми стабильными.

Политический и мировой финансовый кризис, разразившийся на финансовых рынках заставляет иначе взглянуть на динамику развития банковского сектора Кыргызской Республики, а некоторые конкретные банки даже вынуждены изменить стратегию своего развития. Освоение новых финансовых рынков, так и рынков новых банковских продуктов и услуг, являясь одним из факторов успешного развития банковского сектора, несет в себе также и определенные риски и сложности, требующие детального анализа и принятия взвешенных решений.

Банк — это уникальный эмитент. В отличие от нефинансовых эмитентов, он обладает существенной финансовой гибкостью, может сам моделировать финансовые потоки и управлять ликвидностью. Данный факт не является секретом: он известен фондовым аналитикам, портфельным менеджерам, инвесторам. Поэтому спрос на банковские акции в будущем активизируется, а фондовый рынок, как во всех развитых странах, станет основным источником банковских ресурсов. В перспективе при условии совершенствования корпоративного законодательства и дерегулирования процедур эмиссии можно ожидать, что потенциальная ниша банковских акций будет все-таки освоена, следовательно банковский сектор выведет свои акции на открытый организованный рынок.

В связи с вышеизложенным приходится констатировать, что, имея необходимую инфраструктуру и правовое поле, потенциал рынка ценных бумаг, как составной части финансового рынка, продолжает оставаться незадействованным. Возможности и роль рынка ценных бумаг в качестве одной из приоритетных сфер экономического развития Кыргызстана либо не осознаны до конца, либо просто занижаются в процессе практики государственного управления.

Таким образом, с развитием рынка ценных бумаг и становлением банковской системы ценные бумаги коммерческих банков пользуются возрастающим доверием и популярностью у инвесторов и приобретают все большее значение на финансовом рынке. В Кыргызской Республике необходимо применять опыт зарубежных стран для развития банковской системы на рынке ценных бумаг и это будет способствовать качественно новому этапу развития всей системы.

Список литературы:

1. Абдынасыров У. «Стратегия и перспективы развития рынка ценных бумаг в Кыргызской республике».— Б.:— 468 с.
2. Журнал «Банковский вестник», Бишкек № 1—12 2009, 2010, 2011 год — Ред. Цыплакова Л. Н., Алыбаева С. К., Садыкова Н. О., Урустемов С. А., Усупова М. Р., Хан Р. Д.
3. Журнал «Бюллетень НБКР», Бишкек № 10 (165) 2011 год. — Ред. Цыплакова Л. Н., Алыбаева С. К., Садыкова Н. О., Урустемов С. А., Усупова М. Р., Хан Р. Д.
4. Журнал «Годовой отчет НБКР за 2011 год», утвержден постановлениями Правления НБКР № «17/1» от 22.03.12 года — Ред. Цыплакова Л. Н., Алыбаева С. К., Садыкова Н. О., Урустемов С. А., Усупова М. Р., Хан Р. Д. Бишкек
5. Журнал «Финансовый рынок.kg» № 92, № 121, Кыргызская Фондовая Биржа, Бишкек, 2011
6. Закон Кыргызской Республики «О рынке ценных бумаг»: от 24 июля 2009 года № 251
7. Закон Кыргызской Республики от 29 июля 1997 года № 60 (в редакции Законов КР от 23.02.2003) «О банках и банковской деятельности»: (с изм. и доп., вступившими в силу с 15 марта 2010 года № 49)
8. Лаврушина О. И. «Банковское дело».— М.: Финансы и статистика, 2009.— 261 с.
9. Постановление Правления Национального банка Кыргызской Республики «О Требованиях по работе коммерческих банков с ценными бумагами» (в редакции Законов КР от 27 марта 2004 года № 6/5)

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ БЮДЖЕТНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Карпов Эдуард Сергеевич

*канд. юрид. наук, старший преподаватель ВЮИ ФСИН России,
г. Владимир*

E-mail: esk33@mail.ru

Исходным началом для рассмотрения понятия и признаков бюджетного правонарушения примем положение, согласно которому бюджетная ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности наряду с административной, уголовной, гражданско-правовой и иными видами юридической ответственности.

При этом следует отметить, что часть 4 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее — БК РФ), посвященная ответственности за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации, на взгляд автора обладает значительным количеством законодательных противоречий и пробелов и нуждается в совершенствовании.

В части 4 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее — БК РФ) [2], посвященной ответственности за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации, содержится ст. 281, в которой закрепляется определение нарушения бюджетного законодательства. Согласно абз. 1 данной статьи неисполнение либо ненадлежащее исполнение установленного настоящим Кодексом порядка составления и рассмотрения проектов бюджетов, утверждения бюджетов, исполнения и контроля за исполнением бюджетов бюджетной системы Российской Федерации признается нарушением бюджетного законодательства Российской Федерации, которое влечет применение к нарушителю мер принуждения. Справедливо мнение ученых, отмечающих, что нарушениями бюджетного законодательства, помимо непосредственно бюджетных правонарушений, предусмотренных в БК РФ, являются также нарушения бюджетного законодательства, содержащие признаки административного правонарушения и нарушения бюджетного законодательства, содержащие признаки уголовного преступления. Ответственность за нарушения бюджетного законодательства, содержащие признаки преступлений и административных правонарушений, предусматривается соответственно в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) [8] и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) [4], а Бюджетный кодекс РФ должен устанавливать ответственность только за бюджетные правонарушения. В связи с этим более правильным и целесообразным видится изменение ст. 281 БК РФ таким образом, чтобы основанием применения мер принуждения, предусмотренных Бюджетным кодексом РФ, было только бюджетное правонарушение, предусмотренное Бюджетным кодексом РФ, а не любое нарушение бюджетного законодательства [1; 3]. Возможно, законодатель сознательно использует термин «нарушение бюджетного законодательства» в четвертой части БК РФ, так как ряд норм указанной части отсылают правоприменителя к УК РФ или к КоАП РФ. На взгляд автора подобные отсылочные нормы излишни, в случае наличия состава уголовного преступления или административного правонарушения в действиях субъекта уголовная или

административная ответственность наступает в силу того, что она предусмотрена соответствующими кодексами.

Каждый вид правонарушения, в том числе и бюджетное правонарушение, обладает рядом признаков. В понятие правонарушения чаще всего входят следующие признаки: противоправность, общественная опасность, виновность, дееспособность, наказуемость. Анализ имеющегося определения бюджетного правонарушения позволяет вполне определенно выделять только такие признаки как противоправность, и наказуемость. Противоправность бюджетного правонарушения состоит в том, что деяние нарушает установленный БК РФ порядок составления и рассмотрения проектов бюджетов, утверждения бюджетов, исполнения и контроля над исполнением бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Наказуемость заключается в запрете совершения бюджетных правонарушений под угрозой применения санкций, предусмотренных БК РФ. Определение бюджетного правонарушения не содержит указаний на наличие признаков общественной опасности, виновности, дееспособности. Из этого следует, что в настоящее время при привлечении к бюджетной ответственности, уполномоченные орган или должностное лицо, не обязаны устанавливать наличие данных признаков.

Очевидно, что в силу отсутствия указания на признаки дееспособности и виновности, определение бюджетного правонарушения сформулировано некорректно. Названные признаки должны быть присущи бюджетному правонарушению как разновидности юридического правонарушения. Специфика бюджетных правонарушений такова, что субъектами правонарушения могут быть только участники бюджетного процесса, обладающие финансово-правовой правосубъектностью с момента своего создания, что свидетельствует о наличии признака дееспособности. При этом анализ части четвертой БК РФ свидетельствует, что субъектом бюджетного правонарушения может быть только юридическое лицо, причем в основном это органы государственной власти (федеральные и субъектов РФ) и органы местного самоуправления.

Среди исследователей есть два противоположных мнения о наличии виновности как признака бюджетного правонарушения. Первый подход заключается в том, что бюджетное право не считает субъективное состояние правонарушителя обязательным основанием ответственности. Например, по мнению В. В. Стрельникова, бюджетное правонарушение — это объективно противоправное деяние. Меры принуждения по бюджетному законодательству

применяются независимо от вины правонарушителя. Это обусловлено спецификой применяемых санкций, которые не являются штрафными (карательными), поэтому неустановление вины в совершении объективно-противоправного деяния не противоречит основополагающим принципам юридической ответственности. «Бюджетно-правовая ответственность вне юридической оболочки представляет собой воздействие главным образом экономическое, репарационное и, по аналогии с гражданско-правовой ответственностью предпринимателей, не строится на началах вины» [7, с. 119].

С позиций второго подхода в публичном праве, в отличие от гражданско-правовых отношений, безвиновная ответственность недопустима. Например, сторонниками данного подхода являются Р. С. Юрмашев и Н. А. Саттарова [6]. В подтверждение указанного мнения, они приводят абз. 6 п. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» [5], согласно которому, принцип соразмерности, выражающий требования справедливости, предполагает установление публично-правовой ответственности лишь за виновное деяние и ее дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания. Указанные принципы привлечения к ответственности в равной мере относятся к физическим и юридическим лицам. По мнению автора, виновность должна рассматриваться как обязательный признак состава бюджетного правонарушения.

Признак общественной опасности, очевидно к бюджетному правонарушению относиться не может. В случае общественно опасного нарушения бюджетного законодательства предусматривается уголовная ответственность.

Таким образом, предлагаем следующее определение бюджетного правонарушения, подлежащее включению в ст. 281 БК РФ — это противоправное виновное действие (бездействие) участника бюджетного процесса за которое настоящим Кодексом установлена ответственность.

Список литературы:

1. Батыров С. Е. Проблемы применения и перспективы развития ответственности за нарушение бюджетного законодательства // Финансовое право. № 2. 2003;
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ //СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
3. Гейхман О. М. Бюджетное правонарушение: понятие и особенности квалификации отдельных составов // Финансовое право. № 4. 2004.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 1.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // Рос. газета. 1999. 3 августа.
6. Саттарова Н. А., Юрмашев Р. С. Ответственность за нарушение бюджетного законодательства // Бюджетное право: учебник / А. Е. Абрамова, И. И. Кучеров, М. А. Моисеенко и др.; под ред. Н. А. Саттаровой. М: Деловой двор, 2009. С. 114.
7. Стрельников В. В. Бюджетно-правовая ответственность // Финансовое право России : учеб. пособие / отв. ред. М.В. Карасева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2011.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

К ВОПРОСУ ОБ ОДНОСТОРОННЕЙ И ДВУСТОРОННЕЙ СУБЪЕКТИВНОЙ СВЯЗИ В СОУЧАСТИИ

Костенко Евгений Викторович

*аспирант первого года обучения, ГОУ ВПО Ульяновский
государственный университет, г. Ульяновск*

E-mail: Avril-47@mail.ru

В теории уголовного права вина понимается как психологическое отношение лица к совершенному им общественно опасному и уголовно противоправному деянию, его общественно опасным последствиям и другим юридически значимым обстоятельствам совершения преступления [5, с. 190]. В данном случае говорится о

психологической теории вины, которая давно уже доминирует в теории отечественного уголовного права.

А. П. Козлов определяет вину относительно функций соучастников как осознание общественно опасного характера собственных действий, поведения других участников и объединительной деятельности обоих или нескольких лиц, предвидения наступления общего общественно опасного преступного результата и желания либо сознательного допущения его наступления или легкомысленного расчета на его предотвращение, а также неосознание, непредвидение, когда лицо должно было и могло его предвидеть [2, с. 69]. В случае, если преступление совершает одно лицо, то в настоящее время не существует особых теоретических или практических проблем относительно этого вопроса. В случае, когда преступление совершается в соучастии, то возникают некоторые теоретические проблемы.

В теории уголовного права субъективная связь между соучастниками и дискуссии по поводу возможности совершения преступления при односторонней связи или только при двусторонней ведется давно. Сложилось три подхода к данной проблеме. Согласно первой точке зрения признается возможность соучастия при односторонней связи. Н. С. Таганцев обосновывал возможность одностороннего соглашения на совершение преступления. В данном случае, законодательство, которое закрепляло в своем тексте формулу «действовавшее заведомо сообщая или согласившееся на учинение», подкрепляло мнение ученого. Поэтому, как указывает Н. С. Таганцев, лицо может быть признано соучастником и при одностороннем соглашении [7, с. 106].

Подобная точка зрения в настоящее время используется в законодательстве США, где в уголовном праве произошел отказ от основного требования в области института соучастия. Соучастником преступления может быть признано лицо, которое оказывает помощь исполнителю не только намеренно, но и по неосторожности [3, с. 224]. Для установления данного факта необходимо доказать, что соучастник действует с целью содействия в осуществлении поведения, которое и составляет преступное посягательство.

Согласно второму подходу односторонняя связь не может образовывать соучастие. Авторами данного подхода справедливо отмечено, что соучастие при односторонней связи не соответствует закону, который требует умышленного совместного участия всех участников. Л. С. Белогриц-Котляровский, считал, что «из требования единения воли и соглашения между участниками само собою вытекает умышленность соучастия: соглашение предполагает сознание субъектом в общих ли чертах или в частностях предмета согласия, то

есть той преступной деятельности, которая предпринимается» [7, с. 106].

Данная точка зрения отвергает возможность неосторожного соучастия в умышленном преступлении. Л. С. Белогриц-Котляровский конкретизирует данное положение тем, что неосторожное содействие умышленному преступлению исключает солидарную ответственность, которая понимается как ответственность за то, что лицо совершило непосредственно или через других лиц, с которыми согласилось действовать, «вложив свою волю в общую волю, оно тем самым предположенный преступный результат поставило в причинное отношение к своему я» [1, с. 205]. Неосторожное содействие умышленному преступлению нарушает объективное условие соучастия — общую причинную связь. В качестве примера Л. С. Белогриц-Котляровский указывает случай, когда «А. неблагоразумно оставляет заряженный пистолет там, где играют дети, а В. берет револьвер и умышленно убивает одного из детей» [1, с. 208].

Попыткой синтеза первых двух подходов явилось закрепление в теории уголовного права положение, согласно которому соучастие образуется при наличии двусторонней связи хотя бы одного из участников с исполнителем преступления. Подстрекатель и пособник, а равно и организатор должны быть осведомлены о преступном характере действий исполнителя, а так же сознавать общественную опасность своих действий, которые устраняют препятствия к совершению преступления или облегчают его совершение [6, с. 198].

В случаях с подобными односторонними связями необходимо привести пример, который приводят многие ученые отечественного уголовного права [2, с. 71]. А., зная о готовности Б. убить свою жену, если найдет оружие, подбрасывает ему тайно пистолет и убийство совершается. В данном случае Б. будет считаться индивидуальным исполнителем. В то же время вопрос о квалификации действий А. остается открытым. Анализируя данный пример, необходимо определить субъективные признаки соучастия, которые характеризуются по отечественному законодательству умышленной формой вины. Умышленная форма вины в свою очередь характеризуется интеллектуальным и волевым моментом.

Рассматривая действия Б. под призмой интеллектуального момента можно заметить, что Б. осознает общественную опасность своих действий и предвидит возможность или неизбежность наступления последствий в виде смерти другого лица. В свою очередь А., который подбросил пистолет, так же совершает свои действия с осознанием общественной опасности своих действий и предвидением результата. Возникает вопрос о том, может ли возникнуть в данном случае соучастие, если в отношении А. имеются все объективные и

субъективные признаки соучастия, а в отношении Б. — ни одного, потому что он в свою очередь не осведомлен о действиях других лиц.

Возникает вопрос о том, необходимо ли, чтобы исполнитель преступления знал личности или суть действий, которые указывали на преступную цель остальных лиц, либо же для того, чтобы могло возникнуть соучастие потребуется только понимание того, что в совершении преступления кто-то способствует исполнителю. Либо лицо, исходя из обстоятельств дела, могло и должно было осознать, что преступление совершается совместно. Ответ на данный вопрос сводится к тому, что исполнитель преступления осознает совместность совершения преступления, даже не зная личности, в данном случае, пособника, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Содержание интеллектуального момента прямого умысла при соучастии шире, чем при совершении преступления одним лицом. Содержание интеллектуального момента в данном случае, кроме всего прочего, включает в себя осознание совместности преступного посягательства и предвидение общего преступного результата. При этом лицо осознает, что действует не в одиночку, а сообща с другими лицами [4, с. 253]. Данная трактовка субъективной стороны соучастия не отменяет предвидения общего результата в случаях, когда соучастники не знают о существовании друг друга, а только могут осознавать общность результата через осознание цели действий друг друга.

Для того, чтобы выявить подобные случаи, необходимо обозначить критерии или условия, при которых соучастие с «мнимой» односторонней связью может существовать. Необходимо, чтобы было соответствие интеллектуального момента при совершении преступления с умышленной формой вины исполнителя и пособника, личность которого исполнителю не известна. Это необходимо для существования субъективного признака соучастия. При этом, как признано в ряде государств мира, необходимо, чтобы существовала единая цель преступления у исполнителя и у соучастника, которая знаменует собой преступный результат, который в свою очередь может быть как конечным, так и промежуточным. Преступные действия, которые заключаются только в том, чтобы оказать по неосторожности содействие для совершения умышленного преступления, совершенно справедливо могут образовывать самостоятельный состав неосторожного преступления.

Как известно из определения пособника, действия подобного участника состоят в содействии совершению преступления либо устранением препятствий к совершению преступления. Анализируя уголовно-правовую доктрину, можно отметить, что содействие функционально должно быть явным, иначе говоря, у исполнителя

существует объективная необходимость в действиях пособника, хотя деятельность последнего является второстепенной, зависимой и подчиненной [5, с. 264].

Например, у Б. существует потребность в орудии преступления, которую он не может удовлетворить своими силами, поэтому, если у него оказывается данное орудие преступления, и что есть одно из главных условий совершения преступления по отношению к исполнителю, то у Б. не может не возникнуть осознание того, что данное преступление совершается совместно. Поэтому в случае, когда содействие, либо устранение препятствий к преступлению, является необходимым условием для совершения преступления исполнителем, то данного рода случаи можно обозначить вторым критерием данного уголовно-правового феномена.

В связи с признанием двусторонней субъективной связи, а вместе с этим и соучастия, в случаях, когда личность пособника и само его существование не известно исполнителю, остается нерешенным вопрос о уголовно правовой оценке ложной осведомленности исполнителя по поводу совместного совершения преступления и квалификации действий пособника, чья деятельность для исполнителя осталась невостребованной. В обоих случаях соучастие не возникнет. В первом случае возникает юридическая ошибка, которая не влияет на квалификацию. Во втором случае, если, Б. убивает свою жену не подброшенным пистолетом, а другим орудием, вопрос решается в обычном порядке - лицо, которое подбросило пистолет, не может являться пособником, так как отсутствует причинная связь между неиспользованными услугами и наступившим преступлением [5, с. 264].

Существующие споры по поводу возможности соучастия с односторонними или только двусторонними субъективными связями не преодолены до сих пор. По всей видимости, это связано с тем, что признание возможности соучастия при односторонней субъективной связи, а вместе с ним и признание неосторожного пособничества, открывает новые возможности для применения уголовно-правовой репрессии, которая может считаться справедливой или не справедливой исходя из условий правовой реальности различных государств.

Список литературы:

1. Белогриц-Котляровский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. — СПб.: Южно-Русское книгоиздательство Ф. А. Югансона, 1903. — 626 с.
2. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. — 362 с.

3. Козочкин И. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. — 478 с.
4. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. — Изд. второе, перераб. и доп./ под ред. д-ра юр. наук, проф. Л. В. Иногамовой-Хегай, д-ра юр. наук, проф. А. И. Рарога, д-ра юр. наук, проф. А. И. Чучаева. — М.: Юридическая фирма «Контракт»: ИНФРА-М, 2008. — 738 с.
5. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / под. ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2006. — 540 с.
6. Михлин А. С. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. Практикум/ под. ред. А. С. Михлина. — М.: Юрист, 2004. — 400 с.
7. Таганцев Н. С. Уголовное уложение. — СПб.: Издание Н. С. Таганцева, 1904. — 1125 с.

ФОРМЫ И МЕТОДЫ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

Савинова Екатерина Александровна

*помощник юриста, «Владивостокская контора юристов»,
г. Владивосток*

E-mail: savinova.e.a@mail.ru

Пономарев Олег Владимирович

*преподаватель кафедры конституционного и административного
права, Юридическая школа, ДВФУ, г. Владивосток*

E-mail: O.V.Ponomarev@mail.ru

Налоги и сборы являются важнейшим источником формирования бюджетов государства, его субъектов, а также муниципальных образований.

В целях обеспечения имущественных интересов государство осуществляет формирование специальных государственных органов, наделенных специальными полномочиями, а также определяет правовой механизм осуществления воздействия специальными государственными органами на определенный круг субъектов, позволяющий обеспечить надлежащее исполнение предписаний законодательства о налогах и сборах.

Государство обеспечивает свои интересы в налоговой сфере через формирование института налогового контроля, который является одним из видов государственного финансового контроля [2].

В соответствии с п. 1 ст. 82 НК РФ, налоговый контроль — это деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением налогоплательщиками и налоговыми агентами налогового законодательства в порядке, установленном Налоговым кодексом РФ [6].

М. В Карасева отмечает, что налоговый контроль в узком смысле — это регламентированная налоговым законодательством и подзаконными актами в области налогообложения деятельность налоговых органов, обеспечивающая соблюдение всеми участниками налоговых правоотношений норм законодательства о налогах и сборах [10].

В широком смысле налоговый контроль — это совокупность мер государственного регулирования, обеспечивающих в целях осуществления эффективной государственной финансовой политики экономическую безопасность России и соблюдение государственных и муниципальных фискальных интересов [4].

В гл. 14 «Налоговый контроль» НК РФ перечислены следующие контрольные мероприятия:

- учет организаций и физических;
- порядок проведения налоговых проверок;
- участие свидетеля;
- доступ должностных лиц налоговых органов на территорию или в помещение для проведения налоговой проверки;
- проведение осмотра;
- истребование документов при проведении налоговой проверки;
- истребование документов (информации) о налогоплательщике, плательщике сборов и налоговом агенте или информации о конкретных сделках;
- выемка документов и предметов;
- экспертиза;
- привлечение специалиста для оказания содействия в осуществлении налогового контроля;
- участие переводчика;
- участие понятых.

Анализ перечисленных контрольных мероприятий позволяет сделать вывод о том, что все они имеют разное значение для работы по

проверке деятельности налогоплательщиков с точки зрения уплаты ими налогов и соблюдения налогового законодательства [5].

В результате данные мероприятия можно разделить на формы и методы налогового контроля. Способы осуществления контроля над соблюдением налогового законодательства — это формы налогового контроля, а методы налогового контроля — это средства, с помощью которых возможно осуществление данных мероприятий.

Согласно п. 1 ст. 82 НК РФ к формам налогового контроля относятся: налоговые проверки; получение объяснений налогоплательщиков, налоговых агентов и плательщиков сборов; проверка данных учета и отчетности; осмотр помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли) и иные формы налогового контроля, предусмотренные НК РФ [6].

В доктрине финансового права выделяют следующие методы финансового контроля: наблюдение, проверка, обследование, анализ и ревизия, поэтому, по мнению А. А. Ябулганова, перечисленные в ст. 82 НК РФ формы налогового контроля, по сути, являются методами [11].

А. И. Украинцева придерживается другого мнения и предлагает формы и методы разделить следующим образом: «Под формами следует понимать налоговые проверки (выездную и камеральную) как таковые. Под методами — действия налоговых органов, осуществляемые при проведении налоговых проверок (выездной и камеральной): получение объяснений налогоплательщиков, налоговых агентов и плательщиков сборов, проверка данных учета и отчетности, осмотр помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли), и другие» [9].

Ю. А. Крохина отмечает те же формы налогового контроля, которые определены в ст. 82 НК РФ. Под формой налогового контроля она подразумевает способ конкретного выражения и организации контрольных действий. Формы налогового контроля имеют большое значение, поскольку от правильного выбора контролирующими субъектами конкретных действий и процедур зависит достижение конечного результата и эффективность контроля. С другой стороны, адекватное применение приемов и способов налогового контроля гарантирует соблюдение прав и законных интересов подконтрольных субъектов, позволяет не препятствовать нормальному функционированию их финансово-хозяйственной деятельности.

Наличие у налогового контроля разнообразных целей и задач обуславливает и дифференцированные подходы к их решению, т. е. необходимость использования тех или иных способов проверок,

оценок и анализа финансового состояния подконтрольных субъектов [4].

Т. А. Ефремова предлагает уточнить перечень форм налогового контроля, который закреплен Налоговым кодексом РФ. Она предлагает дополнить его такой формой контроля, как постановка налогоплательщиков на учет, без которой на практике невозможно провести какие-либо контрольные мероприятия в их отношении, и выведения в методы контроля — проверку данных учета и отчетности, поскольку она производится уже в процессе осуществления налоговых проверок [1].

Реализация контрольной деятельности происходит путем применения уполномоченными органами соответствующих методов контроля. Под методом обычно понимается способ (или совокупность способов) практического осуществления или познания изучаемых явлений. Категория метода может рассматриваться как совокупность свойственных человеку эмпирических приемов познания окружающей действительности. А. С. Кормильцин отмечает, что существуют различные методы налогового контроля:

- общенаучные методы, такие как статистический, логический, сравнительный и другие;
- специальные методы исследования, такие как проверка документов; экономический анализ; исследование предметов и документов; осмотр помещений (территорий) и предметов; инвентаризация; экспертиза и т. д., применение которых характерно именно для определенных видов деятельности, в частности таких, как контрольная деятельность;
- методы воздействия на поведение проверяемых лиц в ходе осуществления налогового контроля, такие как убеждение, поощрение, принуждение и др. [3].

Под методами налогового контроля понимаются приемы, способы или средства его осуществления. Е. В. Поролло различает методы налогового контроля в зависимости от того, является он документальным или фактическим.

Применительно к документальному налоговому контролю выделяются следующие приемы: формальная, логическая и арифметическая проверка документов; юридическая оценка хозяйственных операций, отраженных в документах; встречная проверка, основывающаяся на том, что проверяемая операция находит отражение в аналогичных документах организации — контрагента и в других документах и учетных записях; экономический анализ.

Фактический налоговый контроль предусматривает использование таких методов, как: учет налогоплательщиков; исследование документов; получение объяснений (допрос свидетелей); осмотр помещений и предметов; инвентаризация; привлечение специалиста; сопоставление данных о расходах физических лиц их доходам; экспертиза; экстраполяция [7].

В законодательстве и на практике допускаются различные варианты определения форм и методов налогового контроля. В связи с этим, А. И. Украинцева предлагает внести изменение в п. 1 ст. 82 НК РФ, изложив ее следующим образом: «Налоговый контроль проводится должностными лицами налоговых органов в пределах своей компетенции в форме налоговых проверок посредством применения следующих методов налогового контроля: получения объяснений налогоплательщиков, налоговых агентов и плательщиков сбора, проверки данных учета и отчетности, осмотра помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли), а также иными методами, предусмотренными настоящим Кодексом» [9].

В. В. Семенихин обращает внимание на то, что налоговые проверки являются основной и наиболее эффективной формой налогового контроля, в ходе которых возможны такие мероприятия, как получение объяснений налогоплательщиков и иных обязанных лиц; проверка данных учета и отчетности; осмотр помещений и территорий, используемых для извлечения дохода (прибыли); и другие действия. Но в тоже время, перечисленные мероприятия рассматриваются наряду с налоговыми проверками, как самостоятельные формы налогового контроля [8].

Таким образом, формы и методы налогового контроля — это неразрывные и дополняющие друг друга элементы налогового контроля, от которых на практике зависит обеспечение контроля над соблюдением всеми участниками налоговых правоотношений норм законодательства о налогах и сборах.

Список литературы:

1. Ефремова Т. А. Повышение результативности налогового контроля: Автореф. дис. канд. юрид. наук Саратов. — 2009. 208 с.
2. Запольский С. В. Финансовое право. М.: Юридическая фирма «Контракт»: Болтере Клувер, 2011. — 792 с.
3. Кормилицын А. С. Формы и методы налогового контроля// Административное и муниципальное право. — 2008. — N 6.
4. Крохина Ю. А. Налоговое право России. М.: Норма, 2004. — 720 с.

5. Мешкова Д. А. Налоговый контроль: формы осуществления и результативность// Бухгалтер и закон. — 2011. — N 6
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 N146-ФЗ. — [Электронный ресурс] — <http://base.garant.ru>
7. Поролло Е. В. Налоговый контроль: принципы и методы проведения. М., 1996. — 280 с.
8. Семенихин В. В. Налоговые проверки: сущность налогового контроля и виды проверок// Росбух. — 2011.
9. Украинцева А. И. Сущность, формы и методы налогового контроля. 2010. 20 с.
10. Финансовое право Российской Федерации: учебник/ под ред. М. В. Карасева. М: КНОРУС, 2012. — 608 с.
11. Ялбулганов А. А. Налоговое право России в вопросах и ответах. М.: Юстицинформ, 2007. — 408 с.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Смагулова Асель Сериковна

*магистр юриспруденции, КЭУК, г. Караганда, Республика Казахстан
E-mail: Adileka2008@mail.ru*

Финансовый контроль как таковой исторически возник как негосударственный финансовый контроль, а уже с появлением государства появился новый вид — государственный финансовый контроль. По своей экономической сущности финансы — объективная категория. В практике хозяйствования они могут сознательно использоваться обществом для воздействия на процессы общественного развития. Возможность подобного использования финансов заложена в их экономической природе, причем более глубокое познание сущности категории позволяет полнее и активнее использовать финансы в общественном воспроизводстве.

Финансовый контроль, являясь составной частью контроля, вообще, обладает определенной спецификой. Финансовый контроль представляет собой результат наложения контрольной функции как разновидности управленческой функции на контрольную функцию финансов как экономической категории. При этом содержание финансового контроля определяется контрольной функцией финансов

и носит объективный характер, а форма финансового контроля устанавливается посредством контрольной функции как разновидности управленческой функции и поэтому носит субъективный характер. В экономической литературе даются определения финансового контроля в двух аспектах. При этом определения финансового контроля через деятельность контролирующих органов можно рассматривать как определения не финансового контроля как такового, а государственного финансового контроля. В юридической литературе финансовый контроль понимается или как контроль, осуществляемый государственными органами, или же финансовый контроль ограничивают государственными финансами.

Финансовый контроль следует рассматривать как управленческую деятельность вне зависимости от государства. Мировое сообщество на основе многолетнего опыта разработало основные принципы организации государственного финансового контроля, к реализации которых во всей полноте стремится каждое современное цивилизованное государство. Они в значительной мере применимы и к деятельности негосударственных органов финансового контроля. Эти принципы изложены в Лимской декларации ИНТОСАИ [2]; в их числе такие универсальные принципы, как независимость и объективность, компетентность и гласность.

Принцип независимости. Органы финансового контроля должны обладать организационной, функциональной, материальной и иного характера независимостью от юридических и физических лиц, чью деятельность они проверяют. Независимость должна быть формально закреплена в законодательстве, регулирующем их деятельность. Например, более длительными по сравнению с парламентскими сроками полномочий руководителей органов государственного контроля, а также их конституционным характером.

Независимость также характеризуется четкостью и адекватностью формально определенных прав и обязанностей. Она позволяет органам контроля работать с высокой степенью автономии и инициативы, выдавать объективные заключения. При этом каждый работник органа контроля любой ветки власти должен быть независим в своих суждениях от коллег, включая начальство.

Суть независимости органа финансового контроля выражена в его праве самостоятельно определять: а) предмет своей контрольной деятельности; б) методы контроля; в) содержание и формы отчетов. При этом не исключена возможность запросов на проведение контроля со стороны других органов.

Принцип гласности. Принцип гласности состоит в том, что результаты финансового контроля должны быть общедоступны. Доступность обеспечивается обычно двумя способами: представлением итоговых и текущих отчетов контрольных органов в выше стоящие органы; публикацией результатов ревизий и проверок в открытой печати.

Гласность финансового контроля — необходимый атрибут современного демократического общества, так как контроль информирует общественность о реальном положении дел в государственном управлении. Принцип гласности предусматривает открытость деятельности органа финансового контроля, доступность каждого гражданина к информации о результатах контрольной деятельности. Необходимо публиковать в прессе не только отчетные материалы, но и официальные ответы органов исполнительной власти на выводы контролеров, в том числе с указанием принятых мер по устранению нарушений. Последние будут широко обсуждаться в средствах массовой информации, что побудит соответствующие государственные органы и организации исправлять вскрытые контролером ошибки в их деятельности.

Реализация принципа гласности сопряжена с известными трудностями, и зачастую затруднительна в странах переходной экономики. Понятно, что некоторые результаты финансовых проверок не могут быть немедленно преданы гласности, если предстоит дальнейшее расследование силами правоохранительных органов причин нарушений, выявление виновных, наказание их судом.

Принцип законности. Принцип законности гласит, что деятельность органов финансового контроля должна строго соответствовать законам и иным нормативно-правовым актам страны, и не допускать какого бы то ни было произвола в отношении контролируемых субъектов.

Принцип законности предусматривает следующее:

- качество нормативно-законодательной базы финансового контроля и законодательства в целом, отвечающее требованиям демократичности общества, т. е. его соответствие целям общественного развития, укрепления и наращивания государственной финансовой базы;
- соблюдение норм права органами финансового контроля, их представителями, а также всеми организациями.

Законность финансового контроля для общества реализуется в том, что создаваемые документы — акты по результатам проверок, проводимых органами финансового контроля, имеют юридическое

значение для всех юридических и физических лиц, органов власти, судебных органов.

Принцип объективности. Выводы контролеров, а также их подходы к планированию и проведению проверок должны исключать предвзятость или предрасположенность, а также какие-либо особые мотивы (корысть, политический заказ и т. п.). Так, планирование контрольных мероприятий и их проведение должны исключать какую-либо предубежденность об изначальном наличии негативных аспектов в деятельности проверяемых объектов.

Выводы по результатам проверок должны быть обоснованы и подтверждены соответствующими данными, материалами, содержащими качественную информацию, о которой можно судить по следующим критериям: необходимость, достаточность, истинность, своевременность, аналитичность, организованность.

Существенной гарантией объективности финансового контроля является заведомая жесткость его правил и инструкций, с помощью которых требования законодательства трансформируются в действия ревизоров и других финансовых контролеров.

Принцип ответственности. Данный принцип может быть рассмотрен, как минимум, в трех аспектах: ответственность контролеров, ответственность контролируемых и ответственность третьих лиц.

Ответственность контролеров проявляется в том, что каждый субъект финансового контроля (орган финансового контроля, его работник) за ненадлежащее выполнение возложенных на него контрольных функций и задач должен нести ответственность (экономическую, административную и дисциплинарную). Ответственность должна быть формально установлена за выполнением каждой контрольной функции, ясно выраженной и официально закрепленной за конкретным субъектом. Ответственность способствует более обоснованным, практичным и действительно необходимым и полезным рекомендациям по совершенствованию объектов контроля. Ответственность государственных контролеров имеет первостепенное значение, так как от их работы, их выводов по большому счету зависит государственная экономическая безопасность и общественное благосостояние в целом. Ответственность контролируемых предполагает, что должны быть установлены виновники выявленных ошибок и злоупотреблений в управлении государственными финансами и иной собственностью. Они должны нести ответственность согласно степени тяжести и степени влияния

допущенных ими незаконных или неадекватных действий на государственные финансы.

Третьи лица — это органы государственной власти, обладающие правом принятия решений на основе представлений или предписаний органов финансового контроля, которые, в свою очередь, должны нести ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей по отношению к органам финансового контроля.

Принцип сбалансированности. Сбалансированность означает, что субъекту нельзя предписать контрольные функции, не обеспеченные средствами для их выполнения. Иными словами, при определении обязанностей субъекта контроля должен быть определен соответствующий объем прав и возможностей.

Принцип системности. Предполагает наличие именно системы органов финансового контроля. Системообразующий элемент может быть и не один, т.е. система как таковая вовсе не означает некую единую конструкцию подчиненности. Допускается относительная самостоятельность органов контроля, образуемых по линии ветвей власти.

В Казахстане принципы финансового контроля нашли свое законодательное закрепление. Например, статья 135 Бюджетного Кодекса Республики Казахстан от 24 апреля 2004 года [1] закрепляет следующие принципы государственного финансового контроля: независимость, объективность, достоверность, прозрачность, компетентность, гласность с учетом обеспечения режима секретности. Закон Республики Казахстан от 20 ноября 1998 года «Об аудиторской деятельности» в качестве основных принципов аудиторской деятельности называет: независимость, объективность, профессиональная компетентность, конфиденциальность [3].

Необходимо отметить, что всеми учеными признаются в качестве принципов финансового контроля одни и те же положения с некоторой их вариацией. В логическом смысле совокупность указанных выше принципов и требований и является основанием функционирования современной системы финансового контроля развитых стран.

Таким образом, главное условие эффективности организации финансового контроля — это обеспечение доступа к любой необходимой для этого информации. Кроме того, система финансового контроля должна отвечать требованию экономической эффективности, т.е. расходы на ее функционирование не должны превышать ожидаемых убытков в результате отсутствия контрольных мероприятий.

Список литературы:

1. Бюджетный Кодекс Республики Казахстан. — Алматы: Юрист, 2004.
2. ИНТОСАИ — международная организация высших контрольных органов. [электронный ресурс] — Режим доступа. - URL:<http://bibliotekar.ru/audit-2/7.htm>.
3. Об аудиторской деятельности. Закон Республики Казахстан. — Алматы: Юрист, 2003.

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА»

Часть II

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

09 апреля 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 16.04.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,875. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3